

ЛИНН
ЭНДРЮС

ШАМАНКА

Линн Эндрюс – Шаманка

Medicine Woman

Lynn V. Andrews

Illustrations by Daniel Reeves

Harper & Row, Publishers

New York, Cambridge, Philadelphia. San Francisco London, Mexico City, Sao Paulo, Singapore, Sydney

Перевод С.Грабовецкий

Редакция А. Введенский, И. Старых

Обложка О.Куклина

Линн Эндрюс. Шаманка.

Перев. с англ. — К.: «София», Ltd., 1999. — 288 с.

ISBN 5-220-00250-3

«Шаманка» — автобиографическая повесть женщины о поиске своего подлинного я, разворачивающаяся на фоне индейской культуры... Простая погоня за *свадебной корзинкой* превращается в полное опасностей и испытаний путешествие Линн Эндрюс в глуши Манитобы...

Судьба оказалась милостивой к писательнице; она встречается с шаманкой, или «хейокой», по имени Агнес Быстрая Лосиха. Благодаря этому знакомству вся жизнь Линн Эндрюс резко изменяется; роковое столкновение с недобрым магом, Рыжим Псом, дает писательнице силу. «Шаманка» читается на одном дыхании — словно магический детектив. После выхода в свет этого произведения напрашивается вопрос: не являются ли Карлос Кастанеда и Линн Эндрюс основоположниками нового жанра современной литературы — *магической автобиографии*!

«Перспективы, открывающиеся в этой книге, превосходят любое воображение... Эта книга заслуживает вдумчивого и внимательного читателя».

© «София», Киев, 1999

Первоклассная книга!.. Замечательное приключение в мире духа позволяющее увидеть, как много нам еще предстоит узнать.

— *San Francisco Examiner-Chronicle*

«Шаманка рассказывает нам о смысле жизни, о роли женщины в ней и о том, как отнять магию у сил зла, пытающихся удержать ее».

— *Los Angeles Times*

«Шаманка — прекрасно написанная, сильная и впечатляющая повесть о том, как автор учился у шаманки... как и в книгах Кастанеды, здесь шаманская философия и учение переплетается с художественным повествованием».

— *Circle*

«Вещь, которая заставляет думать и все время держит в напряжении».

— *New Woman's Times*

«Удивительная повесть о том, как женщины, принадлежащие к различным культурам, видят друг друга и учатся друг у друга».

— Стэн Стейнер, автор *The New Indians*

«Линн Эндрюс прославляет женскую духовность... ее драматическая повесть о шаманской мудрости и философии древнихиндей-цев изобилует аутентичными деталями».

— *The Victoria Advocate*

«Захватывающая история, полная очаровательных символов».

— *Books of Southwest*

«Повесть, исполненная красоты и силы».

— *The Guardian*, Лондон.

«Эта история рассказывает и напоминает нам о существовании древней мудрости, которой мы можем воспользоваться в нашем

собственном путешествии по жизни, независимо от того, где проходит путь нашего сердца».

— *Woman Spirit*

«Захватывающая и проникновенная повесть... о нашей связи со всеми вещами мира».

— *The Lammas Little Review*

Эту книгу я посвящаю
Дэвиду Карсону — поистине
невидимому человеку

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Я хочу выразить искреннюю благодарность Д. Латимеру, волку-проводнику многих писателей. Стоит ли говорить о том почтении и благодарности, которую я испытываю к моему издателю, Клайтону Карлсону! И спасибо Тебе, Розалин Брюер, сестра моя, знающая тень свою.

Особая благодарность моим любимым шаманам-учителям, без которых эта книга никогда не была бы написана.

Без шаманок не может быть и шаманов. Шаману дает силу женщина, и так было всегда. Шаман занимает место собаки — он всего лишь орудие в женских руках. Сейчас все кажется иначе, но так лишь кажется.

— Агнес Быстрая [Город Творцов*](#) Лосиха Вдалеке над холмами взошла желтая луна. Небо было прекрасным и необъятным, а койоты пели свои грустные песни.

Я сидела у костра рядом со старой индианкой. Ее широкоскулое лицо было сморщено, как сухое яблоко, а длинные косы свисали ниже плеч. Поверх зеленой накидки, сделанной из пледа, она носила ожерелье, символизирующее *Магическое Колесо*.

—Твоя жизнь — это путь, — сказала она.

Я с трудом разбирала ее слова из-за сильного акцента.

—Знаешь ли ты об этом или не знаешь, но ты вышла на *поиск видений*. Хорошо иметь видение или сон, — продолжала она.

Я не могла отвести от нее глаз. Казалось, она внутренне менялась каждую минуту. И хотя ей было нелегко объясняться по-английски, чувствовалось, что она обладает обширными знаниями. Таких знаний я еще не встречала ни у одного человека. Ее манера держаться была исполнена достоинства.

— Главное — это женщина, — сказала она. — Мать-земля принадлежит женщине, а не мужчине. Она несет пустоту.

Это были первые ее слова, обращенные ко мне. Затем я стала ее ученицей. Она - шаманка-хейока [Город Творцов*](#). Мне суждено было идти ее путем на протяжении семи лет. Эта книга — повесть о моем путешествии по ее миру, странному и прекрасному, - миру, где празднуют силу женщины. Силу, которую она показала мне так явно.

*Я иду по дороге, ведущей вдаль. Прерия покрыта редкими кустиками шалфея и кедровым стлаником. Я думаю о безлюдной долине в лунном кратере. В этой странной тиши я приближаюсь к какому-то 'изукрашенному шкафчику. Красота его отделки поражает. Сквозь полупрозрачную дверцу я могу видеть все, что находится внутри. Через стекло его левой дверцы на меня смотрит лицо древней индианки. Справа я вижу иссиня-черную ворону. Все это напоминает мне картины Магритта [Город Творцов**](#).*

Женская голова резко и ритмично раскачивается вперед и назад, словно метроном.

— Сколько раз я повторяла тебе, — упрекает она меня, продолжая покачивать головой, — свадебная корзинка не продается. Ты должна заслужить ее.

Меня бранят. Мое внимание сейчас обращено к горящему глазу вороны, чье тело начинает поворачиваться в сторону лица старухи, повторяя все те же движения метронома.

Я пугаюсь. Ворона начинает подражать голосу женщины. Два голоса становятся отчетливыми и сварливыми. Я вздрагиваю всем телом.

Я видел лишь одну свадебную корзинку в своей жизни. Знаю, что эта корзинка существует до сих пор. Но не знаю где.

— Хаймейостс Сторм

- * Ну как, готова? — спросил меня Иван, которому не терпелось покинуть выставку.
- * Еще не совсем. Ты не поверишь, но я нашла кое-что интересное.

Я пришла на открытие выставки фотографий Штейглица ^{Город Творцов*} в Галерею Гровера со своим другом, врачом-психиатром Иваном Димитриевым. В галерее было не протолкнуться — на каждом шагу попадались меценаты и псевдознатоки искусств, но я предвидела, что так будет, и это не тревожило меня. По-настоящему меня смущала сама выставка. Она была какой-то застывшей и бесцветной.

И вдруг я увидела *ту* фотографию.

—Погоди, Иван, это не может быть Штейглиц, — ска зала я, хватая своего спутника за рукав.

Мы остановились перед фотографией старинной индейской корзинки. Взгляд Ивана все еще выражал недовольство, скуку и желание уйти поскорее домой.

—Какая необычная композиция, — сказала я, присмат риваясь повнимательнее, — но это совсем не похоже на Штейглица.

Я не могла отвести взгляд от корзинки. Ее украшал замысловатый рисунок, в котором угадывался дельфин со змеей или молнией. Я уже давно коллекционирую произведения индейского искусства, но никогда прежде не видела ничего подобного. Что-то необычное было и в самом плетении. Трудно было сказать, сплетена корзинка или вывязана. Меня пленило совершенство ее формы. Не знаю, откуда она появилась, но эта корзинка уже давно существовала в моем подсознании. Фотография размером восемь на десять дюймов с тем мистическим желтоватым оттенком, который у меня никогда не ассоциировался со Штейглицем. Интересно, когда он мог сделать ее? Мой взгляд упал на аккуратную табличку, прикрепленную к стене под фотографией. Я стала искать на ней дату. Вот она, а рядом название: «Свадебная корзинка». Но тут меня ждал другой сюрприз. Имя художника было Мак-Киннли — одинокий островок в море Штейглица.

Во взгляде Ивана мелькнуло нетерпение.

— Знаешь ли ты этого фотографа, Мак-Киннли? — спросила я.

* Нет, и не узнал бы никогда его работ, но зато я всегда узнаю псевдоинтеллектуалов и самозванцев от искусства, как только встречаюсь с ними. Идем отсюда побыстрее — не терпится выпить.

- * Но я хочу получить эту фотографию, — запротестовала я.
- * Приходи сюда завтра без меня и закажи ее, — буркнул Иван, вытаскивая меня за руку из толпы.
- * По крайней мере, дай мне хотя бы записать имя, — взмолилась я, роясь в сумочке и тщетно пытаюсь найти ручку и блокнот.

Подняв голову, я увидела, как Иван машет мне рукой от ери «А, ничего, запомню: «Свадебная корзинка», художник Мак-Киннли», — сказала я сама себе и устремилась к Ивану.

С этой ночи мне стали являться странные видения. Я не могла спокойно уснуть. За окном спальни в кроне каштана кричала сова. Укрывшись с головой одеялом, я лежала безмолвно и неподвижно. Когда я начала засыпать, образы свадебной корзинки, темные и таинственные, явились ко мне в видениях. Сон, словно вихрь, с диким звуком ворвался в мое сознание. Я тут же проснулась и села в кровати, с испугом глядя прямо перед собой. Резко отбросив одеяло, я зашагала в ванную, зажгла свет, открыла аптечку и стала рыться в ней, боясь увидеть в зеркале летающие тени. Флакончик с аспирином выпал из моих рук и разлетелся тысячей осколков. «Черт!» — пробормотала я, стукнувшись головой о ручкойник после того, как собрала таблетки и осколки стекла.

Глотнув содовой, я снова потащилась в спальню и плюхнулась в постель. Если не считать тонких лучей лунного света, играющих на моем лице, комната была совершенно темной. Мне вспомнился рассказ Анаис Нин, где героиня нежилась в свете луны, как вдруг дрожь и страшный жар захлестнули ее, и она потеряла свою душу. Когда я вновь начала погружаться в сон, закричала сова, и образ свадебной корзинки предстал передо мной опять. Но теперь рядом с ней стояла старая индианка с глазами, подобными полированным зеркалам, и поднимала руку в предупреждающем жесте. Это видение являлось мне вновь и вновь, пока я окончательно не отключилась.

Утром меня разбудил телефонный звонок.

- * Алло, — сказала я, еще не полностью очнувшись от сна.
- * Пожалуйста, пригласите Линн Эндрюс. Это звонят по ее просьбе из Галереи Гровера, — произнес неестественно бодрый

женский голос.

—Да, это она... то есть я... Да, я оставляла вам сообщение вчера вечером. Просила отложить для меня фотографию свадебной корзинки, ту, что я видела вчера на вашей выставке. Надеюсь, она еще у вас?

* Свадебная корзинка, мадам?

* Да, индейская свадебная корзинка, фотография Мак-Киннли. Думаю, фамилия фотографа — Мак-Киннли, хотя, признаться, не вполне уверена.

* Мак -Киннли?

—Да... н-нет... старая фотография свадебной корзинки...

—Позвольте мне поискать в каталоге, мисс Эндрюс, — она отложила трубку, и связь прервалась.

Я услышала длинный гудок.

Положив трубку на рычаг, я продолжала сидеть, обхватив голову руками, — казалось, она вот-вот разорвется от боли. Через несколько минут телефон зазвонил вновь.

* Мисс Эндрюс?

* Да.

* В списках мы не нашли фотографии под таким названием. У нас нет также фотографий Мак-Киннли или какого-либо другого фотографа.

* Что вы хотите этим сказать? Значит, у вас нет такой фотографии? — спросила я, окончательно проснувшись.

* Нет никаких записей, подтверждающих то, что на выставке находилась фотография индейской свадебной корки мисс Эндрюс, — в голосе на противоположном конце провода появились нотки нетерпения.

* Но ведь это невозможно. Я хочу сказать, здесь, должно быть, какая-то ошибка. Я выезжаю, скоро буду у вас. Спасибо за звонок.

Я мчалась как одержимая, казалось, еще чуть-чуть — и я сойду с ума. Обгоняя машину за машиной, вскоре я оказалась на бульваре Ла-Синега, чувствуя, что близка к нервному срыву из-за беспокойной ночи, утреннего звонка и негодования по поводу небрежного

ведения записей в галерее. Припарковав машину прямо перед входом в галерею, я ринулась внутрь. Огромные пространства белых стен и обилие фотографий вызывали у меня лишь головокружение и отвращение. Ко мне тут же приблизился антрепренер, с интересом поглядывая то на «ягуар», который я оставила под окнами галереи, то на старую индейскую сумку, болтающуюся у меня за плечами. Мужчина отличался острыми чертами лица, жилистостью и претенциозностью.

* Мисс Эндрюс?

* Да, я звонила вам вчера вечером по поводу фотографии свадебной корзинки. Я видела ее здесь вчера. Фотограф Мак-Киннли... — мой голос звучал напряженно и показался мне каким-то чужим.

* Извините, давайте прервемся на минуту. Присаживайтесь и выпейте чаю. С чем предпочитаете? С сахаром? Сливками?.. Отлично, — и он вышел из комнаты, так и не дождавшись ответа.

Единственной мебелью в галерее была круглая софа с возвышением посередине, чем-то напоявшая мне огромный бублик. Я села на нее. Покрытая оранжевым искусственным мехом, она была сделана так, что удобно расположиться на ней было невозможно. Мужчина вернулся с двумя чашками чаю и протянул мне одну. Некоторое время мы сидели спина к спине, потягивали чай и хранили молчание. Я решила дождаться, чтобы он заговорил первым. Во мне крепло подозрение, что он умышленно припрятал от меня фотографию, чтобы я согласилась побольше выложить за нее.

* Мисс Эндрюс, должно быть, произошла какая-то ошибка. Мы перерыли все каталоги, но так и не нашли даже упоминания о той фотографии, о которой вы говорите, — антрепренер сделал паузу и обернулся ко мне. При этом он чуть было не потерял равновесия не свалился с оранжевого бублика на пол.

* Что ж, в таком случае, позвольте, пожалуйста, мне самой взглянуть на нее.

Он пожал плечами, поднял глаза к потолку и снова вышел из комнаты. Казалось, он отсутствовал целую вечность. Я была уверена, что он специально выдерживает паузу, чтобы по возвращении

предъявить мне счет на астрономическую сумму. Я продолжала сидеть на софе, нервно скручивая пальцами поддельный оранжевый мех в маленькие шарики, и рассматривала фотографии, висящие на стенах. Оттуда на меня глядели зловещие маски — черно-белые отражения моих ночных кошмаров. Я поднялась с софы, чтобы немного размять ноги. Мужчина возвратился с маленьким портфолио в руках, внимательно посмотрел мне в глаза, а затем, открывая портфолио, заявил неестественно слащавым голосом:

— Вот то, о чем вы просили, мисс Эндрюс.

В портфолио я увидела старый пожелтевший даггеротип вигвамов Литтл Биг Хорн, изготовленный приблизительно в 50-х годах прошлого века. Я выхватила портфолио и лихорадочно обшарила его в поисках «Свадебной корзинки». Ее там не было.

— Вы лжете, — сказала я.

Человечек взвился и затараторил:

— Говорю же вам, у нас нет такой фотографии, и, нас колько мне известно, никогда и не было. И мне кажется, мисс Эндрюс, это уже переходит границы дозволенного.

Да, я проявила недопустимую несдержанность. Взяв себя руки, я извинилась и тут же покинула галерею. Сев в машину я неспешно поехала по бульвару Ла-Синеге по направлению к Беверли-Хилс. Оказавшись дома, я приготовила себе еще одну чашку чаю, уселась на софу и положила на пуф свои похолодевшие ноги. Затем придвинула к себе телефон и набрала номер Ивана.

* Офис доктора Димитриева, — раздался голос секретарши, — чем я могу Вам помочь?

Извините, могу ли я говорить с Иваном? Это Линн Эндрюс.

— Доктор сейчас принимает пациента. Пожалуйста, оставьте свои координаты, и он свяжется с вами, как только освободится.

— Но это срочно. Пожалуйста, скажите, что я жду его. Она положила трубку рядом с телефоном. «Мьюзак» ^{Город Творцов*} терзал мне слух.

— Алло, — лаконично произнес Иван.

* Иван, ты помнишь «Свадебную корзинку», ту, что мы видели вчера вечером? Как звали фотографа?

* Какую еще «свадебную корзинку»? Какой фотограф? У меня сейчас в кабинете сидит пациент с мыслями о самоубийстве. Так что постарайся объясниться побыстрее, Линн.

—Сожалею, что помешала тебе, но мне нужно узнать точные сведения о той фотографии, которую мы видели в галерее вчера вечером. Помнишь ее?

—Не припоминаю никакой фотографии с корзиной, — решительно сказал Иван, — и это была выставка Штейглица. Извини, но я спешу.

—Но я ведь показала ее тебе перед самым уходом.

—Линн, думаю, тебе стоит обратиться к моей секретарше и записаться ко мне на прием, — шутливо заявил он. — Клянусь, ты не показывала мне никакой фотографии с корзиной.

* Иван, ты абсолютно уверен? Это очень важно. Помнишь, такая старая пожелтевшая фотография... семидесятилетней давности, по крайней мере. Фамилия фотографа была, кажется, Мак-Киннли.

* Уверен, что ты не показывала мне ничего подобного. Ладно. Позвоню тебе позже.

И он повесил трубку.

У меня голова шла кругом. Я прекрасно помнила, что видела эту проклятую фотографию. Я прикасалась к ней руками, она являлась мне в снах. Что происходит? На меня внезапно навалилась страшная усталость.

Я обвела глазами комнату. Она была похожа на дикую смесь африканской деревни и индейского антропологического музея. На протяжении многих лет я неустанно собирала фигурки предков, изображения богов и амулеты из Конго, одеяла, изготовленные индейцами племени навахо, и корзинки из всех уголков Северной Америки и Гватемалы. Комната была магической — исполненной силы и поэзии древних, первобытных традиций. Симметричные корзинки совершенной формы, выстроившиеся вдоль стен, были моими «любимицами». А та свадебная корзинка — она вся пронизана магией! Никогда мне еще не хотелось с такой силой завладеть ни одной вещью.

Я удобно расположилась в кресле и, стараясь успокоить-стала вглядываться в черно-белый плетеный «пояс гагодо-тодия» из Гватемалы. Он висел на стене рядом с фотографией Храма Великого Ягуара, сделанной мною пару месяцев назад Тикале, во время путешествия по Гватемале. Все трудности той длительной погони за поясом вдруг вспомнились с удивительной ясностью.

В Гватемала-Сити я взяла напрокат джип и отправилась в сторону Чичикастенего. Чичикастенего знаменит своим индейским базаром, где, как мне сказали, я смогу найти какой угодно пояс. От вида, который открывался из окон автомобиля, у меня перехватило дух — ирригационные сооружения, громоздящиеся на холмах, чередовались с клочками возделанной земли. Гватемальские индейцы майя пользовались ирригационной системой многие века. Земля была плодородной и зеленой. До меня доносился запах дыма, поднимавшегося над домишками с камышовыми крышами, и вкусные испарения чернозема. Я достигла подножия Чи-Чи, когда солнце повисло прямо над головой. Древнее селение находилось на высоком плоскогорье, а дорога казалась опасной даже для джипа.

Примерно на середине крутого подъема образовалась транспортная пробка, движение в обоих направлениях замедлилось. Огромный цирковой грузовик, перевозивший в кузове слониху и слоненка, резко накренился на крутом повороте и чуть не свалился с утеса. Дорога оказалась заблокированной на несколько часов.

Я выключила мотор и вышла на свежий воздух. Возбужденные птицы громко чирикали над головой в сумрачных кронах гигантских деревьев. Задний мост грузовика вышел из строя, и при каждом движении слонихи и ее чада кузов покачивался, скрипел и стонал. К месту аварии подъезжали все новые машины. Раздраженные гватемальцы осыпали растерявшегося водителя грузовика советами и проклятиями.

Суматоха усиливалась. Слониха со слоненком раскачивали кузов все сильнее, так что старые доски на бортах стали тревожно потрескивать. Грузовик мотался из стороны в сторону над тысячефутовым обрывом. Началась полная неразбериха. Как раз в эту минуту на дороге появился длинный автобус, перевозивший циркачей.

Крохотные уродцы с ржавыми цепями на спинах, толстые дамы и бритоголовые татуированные мужчины тут же высыпали из автобуса. Канатоходцы, исполнительницы танца живота, акробаты — все гватемальцы, смуглые и низкорослые — орали натуралистов, требуя, чтобы те освободили им путь.

Слоны, подняв хоботы, стали испуганно трубить, грузовик покачнулся сильнее и повис над обрывом. Карлики забрались под грузовик, осыпая туристов ругательствами. За спектаклем наблюдало около пятидесяти человек — туристы, одетые в шорты-бермуды, индейцы, гватемальцы — все затаили дыхание.

Один из лилипутов прицепил цепь к оси грузовика и прикрепил другой ее конец к бамперу автобуса. Водитель грузовика перевел рычаг скоростей в нейтральное положение и стал ждать. Трудно было поверить, что бампер автобуса или ржавая цепь смогут выдержать массу грузовика. Автобус взревел и тронулся, таща за собой грузовик, а толстая дама и бритоголовый мужчина стали убирать из-под колес здоровенные камни, отбрасывая их далеко в сторону, словно те ничего не весили. Теперь, когда движение возобновилось, слоны перестали раскачиваться. Лилипуты начали радостно подскакивать высоко в воздух и, делая сальто, приземлялись юги. Лес огласился нашими радостными криками. Цирк поехал дальше.

Я прибыла в Чи-Чи лишь для того, чтобы услышать, что следует лететь в отдаленную провинцию Гватемалы к древним развалинам Тикал-Петена и там найти торговца, у которого может оказаться нужный мне пояс. Что ж, снова в джип и назад, в Гватемала-Сити. Полдня езды впустую.

Чего стоил этот полет в Тикал-Петен! В самолете было десять сидений, а я оказалась единственным пассажиром. К тому же это был аэроплан времен Второй мировой. Сквозь щели между досками пола я могла свободно разглядывать гватемальские джунгли. Мыприлетели в маленький аэропорт в 6 часов утра, но даже в этот час здесь было невероятно душно. Прежде чем приземлиться, пилот описал широкую дугу над выглядывавшими из густых джунглей развалинами, пока местный крестьянин отгонял коров с летного поля.

Музей, расположенный для удобства туристов у самой посадочной полосы, оказался почти пустым. Служительница музея сообщила мне, что торговец, которого я ищу, отправился в Гватемала-Сити, и дала мне адрес, прибавив, что самолет отправляется обратно через четыре часа. Я изрядно расстроилась.

Вооружившись банкой холодного сока и картой, я стала изучать дорогу к Храму Великого Ягуара. Прежде чем начать подниматься по крутой тропке, я вставила в фотоаппарат новую пленку. Птицы кричали в глубине джунглей, словно подтрунивая надо мной, а утренний воздух был насыщен ароматом гвоздичного дерева. По обеим сторонам тропинки выстроились гигантские травянистые растения, а деревья, напоминая папоротник, были увиты яркими лианами. Жара становилась почти невыносимой, и я, спустив с плеч промокшую рубашу, завязала ее вокруг пояса. Я была совершенно одна между массивными каменными акведуками, платформами и стелами. Меня заворожили письма и рисунки, вырезанные на камне, и я совершенно не заметила, как заблудилась.

Забредя в угол маленького открытого двора, я столкнулась нос к носу с высоким индейцем и вскрикнула от неожиданности.

* Что ты здесь делаешь? — спросил он меня. Его лицо показалось мне молодым и красивым, и он стоял совершенно неподвижно. — Ты должна быть на севере.

* Ты имеешь в виду — в городе? — спросила я.

Не спуская с меня пронзительных глаз, он продолжал, словно мы были старыми знакомыми:

* Ты должна будешь возвратиться в город еще раз, но тебе предстоит уехать далеко на север.

* Как мне добраться до взлетной полосы? — спросила я нервно, ожидая завершения разговора.

* Садись, — сказал он мне в ответ.

Индеец разгладил землю перед нами и взял в руки палочку. Затем он начал тщательно вычерчивать на ней карту и показал мне направление, в котором я должна буду идти, покинув развалины. Он очень старался, чтобы мне были понятны его слова, и я по достоинству оценила благородство его манер и речи. Как только он

закончил говорить, я сняла с плеча сумку и стала рыться в ней, пытаюсь отыскать там какую-нибудь вещь, чтобы подарить ему в знак благодарности. Но единственное, что я там нашла, были деньги — двадцатидолларовая банкнота. Индеец принял протянутую бумажку и тут же его глаза загорелись странным огнем. Он пристально посмотрел на меня.

—Деньги, которые ты мне дала, налагают на тебя обя зательства, — сказал он. — Я пошлю тебе двух помощников.

Они появятся в твоей жизни не позжечем через сорок четыре Первый помощник будет женщиной. Ты не поймешь, это твоя союзница. Эту союзницу ты должна одолеть. Я также пошлю тебе мужчину-помощника, который обозначит твой путь, — тут он разорвал банкноту на две части и протянул мне одну половинку. — Держи. Я растерялась и даже разозлилась.

Мы встретимся снова, — сказал он, — храни эти разбитые деньги в своем узле.

—Ты имеешь в виду мою сумочку?

Но на этом наш разговор окончился. Энергично тыча палочкой, которой он только что рисовал, индеец крикнул: — Никогда больше не приходи в это место. Поспеши!

Я не хотела обижать человека, который явно был «не в себе». Я могла возвратиться в Гватемалу и посетить храмы этой страны в любое время. В знак согласия я лишь кивнула головой.

—Иди отсюда поскорее, не то никогда не найдешь пути. Он встал и почти молниеносно скрылся в джунглях.

Моим первым побуждением было выбросить ни на что не пригодный кусочек банкноты, но я почему-то запихнула его в свой бумажник рядом с кредитной карточкой и направилась в сторону взлетной полосы — навстречу Гватемала-Сити и вожделенному «поясу плодородия».

Теперь пояс висел на моей стене. Он был красив и, безусловно, стоил тех усилий, которые я затратила на его приобретение. Я отхлебнула еще немного чаю и вдруг поняла, что со дня встречи с молодым индейцем прошел ровно месяц. Ну, что ж, Бог с ним. Никакой помощницы мне покамест не повстречалось.

— Если я останусь здесь одна на весь вечер, то определенно сойду с ума, — сказала я вслух.

Потом я наклонилась и взяла в руки серебряную шкатулку, стоявшую на кофейном столике. Открыв крышку, я извлекла из шкатулки обрывок бумажки, на которой было написано имя и дата. Мой старый друг, Артур Дессер, устраивал прием 18 февраля в восемь часов — то есть сегодня вечером. Я засунула приглашение обратно в шкатулку. Нервы у меня совсем расшалились из-за недосыпания и утреннего происшествия в галерее. Я всерьез задумалась над тем, не является ли фотография «свадебной корзинки» лишь плодом моего воображения. Я даже просмотрела воскресный выпуск *Times*, чтобы найти упоминание о выставке Штейглица. Объявление о фотовыставке там было.

Но вскоре я снова потеряла контроль над собой и даже позвонила в несколько нью-йоркских галерей. Но ни в одной из них мне не дали положительного ответа относительно фотографии Мак-Киннли «Свадебная корзинка». Впрочем, в одном месте мне сказали, что вроде слышали о такой фотографии. Мне нужно было окунуться в реальность, и я решила отправиться в салон Элизабет Арден и сделать педикюр.

Возвратившись домой, я присела на кровать и некоторое время водила пальцами ног с отполированными ногтями по коврику из оленьей шкуры. Затем, настроив будильник, чтобы он зазвенел через два часа, я зарылась головой в подушку и уснула.

— Нет, нет, нет, — услышала я собственный голос, словно доносившийся издалека, и внезапно проснулась. Постель смята, подушки разбросаны, а я вся была покрыта потом. Перед моими глазами еще плыли картины сна, и я стала размахивать руками, словно пытаюсь сбросить с себя огромную тяжесть. Это видение не могло быть простым сном. Я так ясно видела ее — маленькую девочку со странным блеском в глазах, направляющуюся ко мне со свадебной корзинкой.

Она остановилась и стала подзывать меня к себе. Потом вдруг стала расти, расти, пока и она, и корзинка не достигли гигантских размеров. Тут она бросилась на меня, замахнувшись корзинкой.

- О, Боже, только не это! — закричала я, закутываясь в широкий атласный пеньюар и глядя на часы. Будильник зазвонил в ту же секунду, и я, нажав на кнопку, упала навзничь на подушки, которые еще оставались на кровати. Мне хотелось подняться и включить все лампочки в этом доме.

Когда я встала с кровати, чтобы переодеться для приема у Артура, меня всю трясло. До Бэл-Эйр, который находился в десяти минутах езды от моего дома, я ехала через Кэролвуд-драйв мимо дома Уолта Диснея. Мне вспомнился Леон Крейг, создатель Бэл-Эйр, чья усадьба соседствовала с домом Диснея. В его поместье был разбит сад, похожий на сад в Версале, с бесчисленными кустами роз и ухоженными тропками. «Папа», как называли его домашние, очаровательный добрый человек, жил в этом огромном доме в полном одиночестве, если не считать редких посетителей — членов его семьи. Он был алкоголиком. Человек, которому был открыт весь мир, постоянно напивался до бесчувствия. Я всегда удивлялась этому. «Папа», подобно многим друзьям моей семьи, посвятил первую половину своей жизни накоплению богатства, а последние годы тратил на саморазрушение. Мне не хотелось следовать его примеру.

Я снизила скорость, чтобы полюбоваться изысканными садами, деревьями, формирующими длинные величественные коридоры, листвой, блестящей в лунном свете. Эти наманикюренные кустики и ухоженные клумбы, выстроенные под линейку, несли в себе успокоение. Упорядоченная, изобильная вселенная под названием «Бэл-Эйр» была знакома мне в мельчайших деталях. Обычно я вдыхала всей грудью этот воздух и покой и не представляла, как может человек желать жить в каком-либо другом месте. Но в этот вечер я чувствовала себя как разрядившаяся батарейка. Я прибавила скорости. Глаза на дорогу.

Через три минуты я оказалась у дома Артура. Из окон дома лился свет и неслась музыка. На улице рядом с усадьбой Артура выстроилось около десятка машин: «мерседесы», «роллс-ройсы», среди которых затесался огромный пикап с палаткой на крыше. Интересно, какую компанию Артур собрал в этот раз? Артур любил устраивать интеллектуальные поединки, сражая ученых и бизнесменов с художниками и гуру. Артур, сколотивший свое

состояние на переработке нефти, успел развестись с четырьмя женами, завести двух детей и не пропускал ни одной философской или оккультной «экспедиции». Все это ничем ему не помогло, но я люблю Артура и очень беспокоюсь о нем. Никогда нельзя предугадать всех его выходок, особенно во время таких званных вечеров.

Из переговорного устройства раздался металлический голос с иностранным акцентом. Это была горничная-француженка.

—Франсуаза, это Линн Эндрюс.

Раздался щелчок, и Франсуаза открыла массивные лакированные китайские ворота.

—*Comment ça va?*^{Город Творцов*} — спросила я.

—*Tres Bien, merci, Mademoiselle Andrews. C'est magnifi-* que!^{Город Творцов**} — воскликнула она, помогая мне снять мое черное кимоно из шелкового крепа и ласково похлопывая по руке.

Внезапно из-за бассейна, выложенного зеленой плиткой, выскочили «Собаки Баскервилей» — так я называла йорк-ширских терьеров Артура, — неизменно рычащие и лающие маленькие косматые комочки злобы.

—О, будьте осторожнее вот с этим, — воскликнула с тревогой Франсуаза, — не забывайте, он может укусить!

—Мерлин ни за что не укусит меня. Мы с ним старые знакомые.

Мерлин зарычал, обнюхал носок моей туфли и тут же весело всадил свои острые зубки в мою натянутую шелком ногу.

* Ах ты, маленький бесенок! — закричала я, отшвыривая его в сторону. Он не повредил кожи, но на штанине остались дыры от его зубов.

* Гадкая собачонка! — пожурела его Франсуаза.

Она наклонилась, захлопала в ладоши и загнала всех трех лающих и рычащих собак в конуру.

Я стала подниматься по выложенным кирпичом ступеням в гостиную. На каждом шагу стояли ритуальные свечи, а с балкона свисали длинные гирлянды ярких цветов. Наверху, на площадке, стоял улыбающийся Артур, облаченный в свой традиционный

голубой университетский блейзер и серые фланелевые брюки. В руке — бокал с коктейлем.

* Ты опоздала, дорогая, — сказал он мне.

* Меня только что покусал твой пес. Маленькое чудовище!

* Да, у него есть такая привычка. У тебя чудесная прическа. Проходи быстрее, я познакомлю тебя с кое-какими людьми, которые наверняка заинтересуют тебя.

Он взял мое кимоно и повесил его в шкаф.

—Что конкретно ты наметил на сегодняшний вечер, Артур?

* Ага, у меня для тебя приготовлен особый сюрприз — индейский шаман, тот, что написал бестселлер «*Семь стрел*». Слышала что-нибудь о нем?

* Да. Я в восторге.

* Я так и думал, — сказал Артур не без сарказма.

Мы вошли в прямоугольную белую гостиную. В камине потрескивал огонь. Светящаяся шкатулка работы Рея Хов-летта отбрасывала легкие призмы света на сводчатый потолок. Все пространство стены позади кожаной софы было увешано картинами Фрица Шолдера, а согбенный от старости шестифутовый умиротворенный Будда глядел на всех нас с покровительственной улыбкой.

Артур начал представлять гостей:

* Линн, познакомься, пожалуйста: это мои старые и любимые друзья из Коннектикута, Джорж Хелмстед и его жена, Памела. Джорж — банкир.

* Привет, — сказала я.

—Ас Иваном Дмитриевым ты, я думаю, знакома. Мы обнялись.

* А вот моя подружка, Хелен. Она сегодня празднует большую страховую сделку.

* Это прекрасно, — сказала я, с любопытством изучая Хелен.

* А вот и доктор Фрайдендер и Лорэйни. Вы никогда не встречались прежде?

* Кажется, нет.

* Доктор Фрайдендер изучает секреты вечной молодости. Он только что возвратился из Индии.

Рада с вами познакомиться, — сказала я, пожимая руку доктору. Грани шкатулки озаряли его бритую голову то голубым, то розовым светом. Его маньчжурские усы показались мне вполне уместными в этой обстановке. Глаза доктора очно мерцали. Лорэйни была высокой женщиной, кра-^{3aГ}ш и грациозной, как пантера. Он улыбалась мне.

Чатем Артур представил меня актрисе, которой я восхи-ялась на протяжении многих лет. Она была одета в шаро-(разные штаны, а на шее красовалось боа из перьев.

И наконец, — торжественно провозгласил Артур, — наш почтенный гость, Хаймейостс Сторм, автор *«Семь стрел»*.

Я протянула руку для приветствия. Вдруг мне показалось, что я столкнулась с покоем столь же необъятным, как Север. Артур принес мне водку с тоником, но я даже не заметила, как приняла от него бокал. Мы со Стормом заговорили о его книге, остановившись на моей любимой части *«Прыгающая Мышь»*. Когда он говорил, я чувствовала, что меня притягивает к нему какая-то сила. Многие люди мечтают о том, чтобы найти в себе отражение человека (не важно, насколько он окажется ординарным), способного каким-то образом привнести красоту в их жизнь. Я ощущала что-то подобное. Суть не в том, что делал или говорил Сторм. Возможно, роль здесь играло только его присутствие, его дружелюбие. Я и по сей день не знаю причины возникшего чувства, но тогда мне показалось, что меня чем-то одарили, что я вошла в магический крут вместе с Хаймейостсом-Стормом. Ощущение было таким, словно я находилась одновременно позади него и вокруг него. Все внешнее, что еще минуту назад казалось мне таким комфортным и привычным, сейчас стало чужим и враждебным, вызывая во мне беспокойство.

Чары нарушила горничная, объявив, что ужин подан, и все гости с бокалами в руках поднялись со своих мест. Процессия вползла, словно змея, через оранжерею балкона в Долину Благодарения (так я окрестила столовую Артура, изобилующую произведениями тибетского искусства). Я заметила, что Артур и Хелен слегка покачиваются. Это означало, что ужин пройдет в несколько тягостной обстановке.

* Как он тебе? — спросил меня Артур, указывая на Сторма.

* Очень интересно, — только и сказала я.

Артур начал рассаживать нас за длинным дубовым столом, красиво уставленным цветами. Он уселся в одном конце стола, позаботившись о том, чтобы Хаймейостс Сторм занял место напротив — на «горячем стуле». Я уселась рядом со Стормом. Франсуаза и другая горничная-француженка начали накладывать на тарелки салат из вялого шпината и разливать вино. Общий разговор шел о борьбе со старением, которым занимался доктор Фрайдлеидер.

—Честно говоря, я думаю, что мне придется поставить себе «молнию» на спину, — сказала актриса.

Когда мы доели салат, за столом воцарилась непринужденная атмосфера.

* Я думаю, что сегодня мы сможем говорить все, что думаем, и делать все, что заблагорассудится, — громко объявил Артур.

* Согласен, Артур, но давай в этот раз попробуем говорить с юмором и без иронии, — послышался шутливый голос Ивана с приятным русским акцентом.

* Нет, нет, никаких оговорок, никаких ограничений, — запротестовала Хелен, поднимая бокал и приглашая гостей присоединиться к ней.

Франсуаза начала раскладывать по тарелкам главное блюдо — голубей с гарниром из неполированного риса.

—Никогда не позволяйте ограничениям управлять со бой. Ведь их разрушение принесет вам невообразимые страдания, — сказала актриса, разрезая грудку голубя, чтобы взглянуть на начинку. — Иван, вы согласны со мной?

—Да, за время жизни человек многократно пытается вставить свою смерть. И всякий раз теряется, — ответил он, хитро покосившись на нее.

—Думаю, что единственная вещь, где можно найти ответы на все вопросы этого мира, — это фрейдистский психоанализ, — вставил свое слово Артур, наливая себе вина.

—Единственный ответ: делай, что хочешь, а если не можешь делать этого, найди кого-то, кто сможет делать это за тебя, — заявил банкир из Коннектикута. Артур повернулся ко мне:

—Думаю, Линн, что каждый, ставший на сторону индейцев, обязательно потерпит неудачу.

Франсуаза убирала опустевшие блюда, а вторая горничная подавала десерт.

* Ты считаешь меня неудачницей, Артур? — спокойно спросила я, привыкшая к его выпадам.

* В отношении индейцев — да. А что вы думаете обо всем этом, мистер Сторм?

—Не думаю, — спокойно ответил Сторм. — Между прочим, я собираюсь говорить с вами только на равных.

В комнате воцарилось молчание.

—Но что вы имеете в виду? — недоуменно поднял брови Артур.

* Сейчас покажу, — сказал Сторм. Казалось, он обладал какой-то властью над всеми присутствующими. — Скажите: «Иван для меня ничего не значит». — Этот человек был глубоким и загадочным, как каньон. Наверное, он принадлежал к племени дакота или монтана. Я чувствовала это.

* Иван для меня ничего не значит, — повторил Артур, издевательски ухмыляясь.

—Теперь скажите: «Линн для меня ничего не значит».

— Линн для меня ничего не значит.

—Скажите: «Хелен для меня ничего не значит».

Так Хаймейостс Сторм перечислил всех присутствующих, и наконец очередь дошла до него. Наступила пауза. Шаман продолжал:

* Если вы не хотите делать этого, я откажусь говорить с вами.

* Вы для меня ничего не значите, и я считаю вас неудачником, — ответил Артур с чувством и снова налил себе вина.

* О'кей, не важно, желаете ли вы играть со мной, if буду играть с вами, — произнес Сторм зловеще.

Я решила направить разговор в иное русло и спросила доктора Фрайдлендера о том, что он делал в Индии.

—Я проводил там исследования. Знаю, что все это может показаться странным и ненаучным, но меня заинтересовала способность некоторых людей понижать температуру тела по собственной воле. Я обнаружил, что, если в теле поддерживается

низкая температура, процессы старения замедляются. Я сам занимался медитацией на протяжении ряда лет и знаю йогов, которые способны пребывать в состоянии, напоминающем транс, в течение нескольких дней, что, как я думаю, является результатом снижения температуры тела. Вот я и отправился в Индию в поисках йогов, чтобы провести там исследования.

* А как вы измеряли их температуру? — спросила актриса.

* Знаю, это звучит смешно, но я запихивал им термометр в задницу.

За столом раздался взрыв хохота, к которому не присоединился лишь Артур, раздраженно нашептывающий что-то на ухо Хелен. Вдруг он велел ей покинуть комнату, и та выбежала из-за стола, заливаясь слезами.

Делая вид, что не замечаю их ссоры, я обратилась к доктору:

— Ну и каковы были результаты? Действительно ли йоги оказались способны понижать температуру тела?

— Лишь в нескольких случаях результаты были заметными.

— Во время путешествий вам приходилось сталкиваться с матерыми гуру? — спросил Иван.

Несколько раз довелось. Это были мастера, которые жили в горах и о которых никто не слышал. Они были сильны. Был один, которому удалось раздеть меня и заставить посреди джунглей носить камни для постройки храма. На протяжении многих месяцев я работал на него и его учеников. Наконец он позволил измерять его температуру, а затем заставил разрушить все, что я построил.

— Мистер Сторм, — вдруг сказал Артур громко, — у себя вы, наверное, считаетесь своего рода йогом?

* Совершенно верно.

* Тогда почему бы доктору Фрайдендеру не засунуть вам в задницу термометр? — Артур казался совершенно невменяемым.

Все присутствующие онемели от удивления.

Сторм беззвучно поднялся и стал обходить стол. Все уменьшающееся пространство между двумя мужчинами казалось наэлектризованным. Сторм пригнулся и протянул руку в сторону

Артурова живота. Казалось, его пальцы исчезли в области солнечного сплетения, затем рука повернулась, словно вырывая внутренности. Артур резко дернулся.

—Я сделал это для тебя, Линн, — сказал Сторм, обращая взгляд ко мне. — Я забрал его волю. Теперь мы можем поговорить.

Сторм возвратился на свое место. Остальные гости, казалось, не поняли того, что произошло, и продолжали вести общий разговор, в котором участвовал и Артур. Но Артур уже не производил впечатления пьяного человека. Казалось, все они находились под гипнозом, и когда мы со Стормом начали разговаривать, никто нас не слышал. Однако мы не стали обсуждать того, что только что произошло. Это слишком страшило меня. Наконец я спросила его дрожащим голосом, не слышал ли он прежде о свадебной корзинке.

* Однажды я видел свадебную корзинку, — сказал он мне, не замечая загипнотизированных гостей, окружающих нас.

* Неужели? — радостно воскликнула я, совсем забыв обо всем случившемся за столом.

* Я знаю только, что эта корзинка все еще существует, но не знаю, где она находится.

* Но ты должен знать, где можно отыскать ее, — не унималась я.

Некоторое время он бесстрастно изучал мое лицо.

* Если бы я стал искать хранителя корзинки, то отправился бы в резервацию кри, это к северу от Кроули, в Манитобе, — тут он замолчал и задумчиво затянулся сигаретой. Затем, не сводя с меня пристальных глаз, продолжал: — Я попытался бы найти женщину по имени Агнес Быстрая Лосиха. Она — хейока (так они называют некоторых шаманок), то есть «женщина-которая-знает-как»^{Город Творцов*}. Никто точно не знает о ее местонахождении. Она много путешествует и, кажется, предпочитает кочевой образ жизни.

*

Как же мне найти ее, если никто не может подсказать мне ее адрес?

—Агнес очень трудно заставить сидеть на месте. К есть еще одна женщина, которая сможет помочь, если захочет. Ее зовут Руби Много Вождей. Уверен, что он знает, где отыскать Агнес. Но не могу

ручаться, что она хочет помочь тебе. Руби очень замкнута — у нее своя особая жизнь. Ты можешь проделать весь длинный путь до Манитобы лишь затем, чтобы Руби отказалась с тобой говорить.

Если она упрется, никакие уговоры не сдвинут ее с места.

Есть ли какой-то надежный способ завоевать доверие Руби Много Вождей?

Да, принеси ей табак — блок сигарет — и индейское одеяло. Таков обычай. Помни, свадебная корзинка священна. Не обманись, внушая себе, что сможешь получить ее лишь потому, что желаешь. Ты сможешь завладеть корзинкой, лишь доказав, что действительно заслуживаешь этого.

* Так Кроули находится в Манитобе? — спросила я слабым голосом, понимая, что непременно отправлюсь туда.

* Зачем тебе нужна именно эта корзинка? Ведь на свете столько красивых индейских корзинок, куда менее опасных, чем эта!

Каким-то образом я понимала, что он играет со мной.

—Я видела фотографию свадебной корзинки вчера, на выставке Штейглица. С тех пор я словно стала одержимой и ни на минуту не забываю о ней. Мне нужна свадебная корзинка или хотя бы ее фотография. Той фотографии, которую я видела на выставке, на следующий день в галерее не оказалось. Не оказалось даже записи в каталоге. Все происходит как в кошмарном сне.

—Ты интересуешься народными ремеслами? — спросил Хаймейостс Сторм.

* Я коллекционер и продавец, специализирующийся на произведениях искусства североамериканских индейцев — в частности, корзинок.

* Тебе придется потрудиться, чтобы найти свадебную корзинку. Это священный и высоко ценимый символ в мире *сновидящих*.

* «Сновидящих»?

* Да, *сновидящих*.

* А что такое *ясновидящие*?

* *Сновидящие* — это те, кто видят сны — свои собственные и

чужие. Но сейчас не время говорить о них. Если ты настроена серьезно, я нарисую тебе план, по которому ты сможешь найти дорогу в резервацию кри из Виннипегского аэропорта. А вот мой номер телефона.

Он написал номер на клочке бумаги, тут же наскоро набросал план на обороте и вложил записку мне в руку. Затем, послав мне теплую улыбку и попрощавшись с обществом, отправился восвояси. Только тогда я осознала, что вместе с запиской он вложил мне в ладонь кусочек серого меха. Все присутствующие продолжали вести себя очень странно, и вскоре мы разошлись по домам.

На следующее утро меня разбудил звонок телефона.

—Линн, вчера вечером я вел себя ужасно? — донесся из трубки голос Артура.

* Артур, тебе пора бросать пить.

* Мне ужасно неловко.

* Еда была замечательной.

* Не знаю, что я делал вчера вечером, но сейчас у меня огромный синяк в области солнечного сплетения. И живот в этом месте болит жутко.

—Артур, еще раз благодарю за ужин. Позвоню тебе позже, как только встану. Возможно, ты где-то упал.

*Что есть голос женщины, как не
голос качины [Город Творцов](#)?*

* *Агнес Быстрая Лосиха*

Мой самолет «Эйр Канада 727» приземлился в Виннипегском аэропорту. Тут же взяла напрокат машину и через полчаса уже неслась по скоростному шоссе в сторону Кроули, руководствуясь картой, которую начертил мне Хаймейостс Сорм. Открыв окно машины, я впервые вдохнула всей грудью канадский воздух. Что же занесло меня сюда, в канадскую тундру, где я собираюсь встретиться со старухой и спросить ее о корзинке?

Образ корзинки на секунду предстал перед моим мысленным взором, а затем на мгновение возникла вспышка света, сменившаяся мраком и ощущением распахнувшегося передо мной безграничного пространства. Когда перед глазами вновь появилась дорога — однообразная и утомительная — я несколько раз моргнула, чтобы прояснилось в голове, и сжала руль покрепче.

Интересно, подходит ли моя одежда к местному климату? На мне были джинсы, ботинки и короткая охотничья куртка цвета хаки, а чемодан был набит свитерами, фланелевыми пижамами и косметикой. Мне стало холодно, и я включила обогреватель. Радио работало, но прием был плохим, и я сразу же выключила его.

Небо казалось огромным, земли Манитобы раскинулись все стороны. На широких полях, по которым разгуливал ветер, прокатывались зеленые волны трав.

Внезапно машина дала резкий крен влево. Спустило левое переднее колесо. «Проклятье!» — закричала я и лихорадочно вцепилась в руль, чувствуя, как машину повело. К счастью, она тут же уткнулась носом в мягкую насыпь на противоположной стороне дороги. Нажав на педаль тормоза до отказа, я окончательно очнулась от транса, в который меня ввела пасторальная красота канадского пейзажа. Некоторое время я продолжала сидеть, ловя воздух открытым ртом. «С моим счастьем...» — подумала я.

Выбравшись на воздух, я со злостью ударила ногой по проколотой шине, затем стала смотреть во все стороны, пытаясь найти хоть какие-то признаки жизни — телефон, жилище, машину. Поблизости ничего не оказалось. Тут до меня дошло, что от самого Виннипега я не видела на дороге ни одной встречной машины. Ну что ж, если уж ждать помощи неоткуда, придется менять колесо самой. Я вытащила из багажника все необходимые инструменты, сломав при этом ноготь, уселась на траву и попыталась сообразить, что нужно делать с домкратом. Домкрат был под рукой, но мне понадобилось около получаса, чтобы решить, как задвинуть его лапу под днище автомобиля.

Стоя на коленях перед машиной и подводя под нее рычаг, я увидела два силуэта, идущих по шоссе в моем направлении. Мне

удалось лишь рассмотреть, что они принадлежат высоким художавым людям. Вскочив на ноги, я радостно закричала и замахала руками, но тут же осеклась. Это были два молодых индейца, и мне стало немного не по себе. Когда мужчины приблизились, я услышала, что они говорят между собой на неизвестном мне языке, очевидно, на языке кри. Один из них был одет в коричневое пончо, другой же был облачен в потертую военную куртку. Подойдя поближе, мужчина в пончо склонился над спущенным колесом и, осмотрев его, что-то сказал своему спутнику. Оба залились хохотом, а затем, улыбаясь, заговорили со мной на своем языке. Я разозлилась не на шутку.

—Тут где-то есть телефон поблизости? Улыбки стали еще шире.

—Вы говорите по-английски? (Многие индейцы из ре зерваций не говорят.)

Человек в пончо только пожал плечами. Ни один из них и не думал помогать мне.

—Что ж, спасибо и на том, гады!

Я снова стала на колени, чтобы продолжить неравную борьбу с домкратом. Через тридцать минут я вся была перепачкана машинным маслом, а на руках и одежде появились черные пятна от резины. Но колесо я поменяла. Кажется, у меня еще оставались силы, чтобы вести машину.

Мне трудно было поверить в то, что индейцы все это время стояли рядом и наблюдали за тем, как я мучаюсь. Зашвырнув домкрат и лебедку в багажник, я повернулась к ним лицом. Они стояли в десяти футах от меня и продолжали пялиться.

—Вы, пара подонков!

Я уже собиралась залезть в машину и покатить по дороге, как вдруг заметила, что молодой человек в военной куртке производить странные движения руками, словно мыл их. Мне это показалось весьма странным, но я не придавала его жестам особого значения. Тогда он пожал плечами, откинул голову и стал жестикулировать, словно пытался что-то объяснить мне на языке жестов. Я ощутила, как шея у меня подбородком напряглась, а область горла онемела. Непонятно, связано ли это с тем, что проделывал индеец. На несколько секунд мои глаза словно заволок туман. Когда же ясность

зрения возвратилась ко мне, я увидела, что мужчина стоит прямо, руки опущены вдоль туловища. Оба пристально смотрели на меня.

—Вас подвезти? — спросила я совершенно неожиданно для себя самой.

Мужчина в потертой куртке улыбнулся:

—Почему бы и нет? С удовольствием прокатимся, спасибо, мэ!

Меня очень удивило то, что он говорил на прекрасном английском. Они забрались на заднее сиденье, и мы поехали. С колесом, кажется, все было в порядке.

Все еще продолжая злиться, я решила игнорировать присутствие мужчин. Дорога вытянулась узкой монотонной полосой на долгие мили. Я почувствовала, что проголодалась. В салоне автомобиля царило безмолвие. Деревья выстроились по краю дороги, как статуи. Я все больше чувствовала, как растворяюсь в этом безлюдном пейзаже.

Индеец в потрепанной военной куртке начал тихо напевать: «Хе-я хе-я хоооооах». Его друг тут же присоединился к нему.

Я стала наблюдать за ними в зеркале заднего вида. Они пели с закрытыми глазами, покачивая головами в такт мелодии. И снова внимание на дорогу. Я притормозила перед кроликом, перебегающим шоссе.

«Хе-я хе-я хей хей ооааах, я одинокий ковбой, хе-я хе-я хей-хей ооааах».

Эта вставка насторожила меня. Вновь взглянув в зеркало заднего вида, я встретила взглядом с индейцем в пончо и почувствовала, как заливаюсь румянцем.

Неожиданно прямо перед машиной появилась птица с огромными крыльями. Я повернула руль, и птица, пролетев прямо над машиной, скрылась из виду. Индейцы тут же запели очень громко, а затем внезапно умолкли.

—Мы сойдем прямо здесь.

Я огляделась вокруг, ища глазами дом или хотя бы тропинку. Пусто — вокруг только прерия. Я свернула к обочине и остановилась.

* Вы действительно хотите выйти здесь?

* Да, — ответил тот, кто был одет в пончо, и открыл дверцу. В машину ворвался холодный ветер, которого я раньше не

чувствовала.

* Счастливого пути! — сказал человек в военной куртке. Оглянувшись, они зашагали прочь и вскоре скрылись из виду за низким холмом.

И снова на меня несется дорога. По прерии, словно призраки, поползли тени сгущающихся облаков. Я наблюдала за голубоватыми клубами, которые то расползались, то сливались вместе. Их края казались острыми и наэлектризованными. Тени прятали от меня пейзаж — как будто глумились надо мной. Вот впереди появилась группа тополей, затем исчезла, чтобы появиться вновь, когда я приблизилась к холму. Нигде не было и признака человеческого жилья, и я спешила добраться до Кроули. Дорога туда заняла пять или шесть часов. Линии на карте заканчивались тупиком.

Весь поселок состоял из пяти или шести домов. Над дверью одного из них красовалась вывеска: «СКЛАД И ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР КРОУЛИ». Из здания, хлопнув стеклянной дверью, вышла индианка с двумя детьми. Я припарковала свою машину между стареньким побитым пикапом с прицепом для лошадей и машиной поновее, из окон которой на меня глядели дети скруглыми коричневыми лицами. Ребятня дружно жевала кексы. Вдруг они все вместе засмеялись и стали запихивать себе в рот шоколадные крошки. Я вышла из машины как раз в тот момент, когда, поднимая в воздух клубы пыли, подъехал еще один пикап с прицепом. Из кабины вышел плотный индеец, одетый в ковбойском стиле.

—Эй, леди, небось, приехали посмотреть на родео? — обратился он ко мне.

—Нет, я и не знала, что здесь должно проходить родео. — Ну, зато теперь знаете, — улыбнулся он. — Мы станем натягивать веревки чуть дальше по дороге, будем работать до темноты, так что можете посмотреть.

—Спасибо, но я жду друга.

Чем меньше людей вмешиваются в твои дела, тем лучше. Я знала это твердо.

—И кого же вы ждете, если не секрет? — спросил он, потягивая пиво из банки.

—Я ищу женщину по имени Руби Много Вождей. Пыль, поднявшаяся на дороге, запорошила мне глаза. Я стала чихать и протирать лицо платком.

—Никогда не слыхал о такой. Вы уверены, что попали именно в ту резервацию? — при этом он посмотрел на меня как-то странно. — Еще увидимся, — кивнул он мне, заламывая свою широкополую шляпу, и исчез в дверях магазина.

Я последовала за ним, громко топая башмаками.

Помещение магазина было уставлено до самого потолка консервными банками, автомобильными шинами, канистрами с машинным маслом, коробками с кексами, вентиляторами и стопками журналов. Бумажки, беспорядочно прикрепленные к доске объявлений, начинали громко шуршать, как только открывалась входная дверь. Холодильник, набитый пакетами с молоком и бугылками колы, стоял у дальней стены. Пакеты с чипсами и картошкой фри свисали на веревках с самого потолка. Пара карих глаз холодно следила за мной из центра этого хаоса.

* Могу ли я помочь вам чем-то? — спросил владелец магазина, и я подпрыгнула от неожиданности.

* Нет.

Я быстро оглядела магазин и решительно сняла с полки два пакета «Твинки».

—Эта леди ищет женщину по имени Руби Много Вождей, — раздался голос плотного индейца в ковбойской одежде.

На лице владельца магазина не отразилось никаких эмоций. Несколько индейцев, следивших до этого за каждым моим движением, настороженно перевели глаза на говорящего. Я стала рыться в сумочке в поисках денег. Владелец магазина не отводил от меня глаз.

* Прежде она жила за Индейским Музеем, в доме над дорогой. Думаю, она переехала на Черную Гору, — сказал он, отсчитывая сдачу плотному индейцу.

* Не знаете, где я могу найти ее сейчас?

Владелец обернулся к человеку, стоящему у дальнего конца магазина:

- * Эй, Эммет, не знаешь, где сейчас живет Руби?
- * Ага, раньше она жила над дорогой, но съехала год назад. Плотный водитель пикапа добродушно пожал плечами:
- * Лучше приходите на родео.
- * Как-нибудь в другой раз, — пробормотала я.

Он еще раз пожал плечами и вышел из магазина, хлопнув дверью. Поднялись клубы пыли.

—Да, но Хаймейостс Сторм говорил мне, что я могу просить здесь у любого о Руби Много Вождей, и мне подскажут, как ее разыскать.

Мужчина натянуто улыбнулся и выплюнул табачную жвачку на пол.

Можете проехать вниз по *гумбле* (так мы здесь называем шоссе) около пяти споловиной — шести миль. Там вам нужно будет свернуть за мостом налево на грунтовую дорогу и проехать еще четыре мили. Вы обязательно увидите хижину, справа. Слушайте, да собираетесь ли вы платить за эти «Твинки»?

Я расплатилась и вышла из магазина. Стеклопанная дверь захлопнулась от порыва ветра. Я забралась в машину, чувствуя грязь на руках, и взялась за руль. Проверив уровень бензина в баке и прикинув расстояние, которое мне предстояло проехать, я нажала на газ и покатила к хижине Руби Много Вождей, похрустывая «Твинки».

Через пять с половиной миль пути я увидела грунтовую дорогу, отходящую влево и скрывающуюся за холмом. Она оказалась очень ухабистой, и мне пришлось сбавить скорость до пятнадцати миль в час. Ветер стих, и на лобовом стекле моего автомобиля скопилось такое количество пыли, что приходилось дважды останавливаться, чтобы протереть стекла. Вскоре я увидела хижину, забившуюся между скалами и деревьями, но не заметила никаких признаков жизни, если не считать краснохвостого ястреба, кружащего над крышей.

Приблизившись к простой бревенчатой хижине, я притормозила. На пороге стояло, не шевелясь, огромное бурое животное, которое при ближайшем рассмотрении оказалось двумя оленьими тушами, стоящими бок о бок. Я остановила машину. Как раз в этот момент на пороге хижины появилась старая индианка с большим разделочным

ножом в руках. Ее зубы обнажились в улыбке. Я застыла на месте от ужаса.

Женщина была одета в длинную шерстяную юбку и шерстяное красно-черное пончо. Ее седые волосы были заплетены в косу, а лицо казалось темно-коричневым и изборожденным морщинами. Она закатала рукава, угрожающе покачивая перед собой ножом.

—Так это вы Руби Много Вождей? — выдавила я из себя.

* Да, — ответила женщина, приближаясь ко мне с ножом, зажатым в руке. Похоже, ее раздражало мое присутствие.

* Меня прислал к вам Хаймейостс Сторм. Он сказал, что вы сможете помочь мне найти Агнес Быструю Лосиху, — почти прокричала я и стала пятиться к машине, чтобы в случае необходимости тут же дать деру.

* Да, — ответила женщина. — Мне это известно.

Тут только я ощутила всю абсурдность ситуации. Могу себе вообразить, в каком виде я предстала перед ней, — длинная растрепанная белая девица, с ног до головы покрытая слоем смазки, пыли и крошек печенья.

—Можно мне зайти к вам и выпить чашечку чая? — спросила я, делая шаг по направлению к крыльцу.

Руби кивнула, развернулась и вошла внутрь. Решив, что это должно означать приглашение, я последовала за ней, но остановилась на пороге, чтобы рассмотреть мертвых оленей. Тут же из дому вышла Руби, но на этот раз она сжимала по ножу в обеих руках. В ее старческих глазах горел огонек детской нетерпеливости. Она протянула мне разделочный нож и приказала помочь ей разбирать олени туши.

—Поговорим о твоём путешествии позже, — сказала старуха. — А потом я расскажу тебе и о *свадебной корзинке*.

Сжав мою руку с неженской силой, индианка потащила меня к мертвым оленям:

— Поторопись, нам надо управиться поскорее!

Мне стало по-настоящему страшно. Сунув нож мне в руку, старая индианка стала торопливо говорить:

— Быстро делай то, что я тебе буду показывать. Нужно покончить с этим, пока не наступило трупное окоченение.

Обе олени туши лежали на боку. Руби стала на колени, придала им нужное положение и затем, орудуя ножом, приказала мне повторять все ее движения. Эта женщина была моим единственным ключом в поисках корзинки, и потому я послушалась ее беспрекословно. Руби стала отделять копыта на задних ногах, и я тоже засунула лезвие ножа между к раем копыта и кожей. От вида крови и отвратительного звука разрезаемой плоти из моих глаз брызнули слезы. Но я продолжала работать, стараясь все повторять за Руби. Поначалу я резала аккуратно, но вскоре потеряла терпение и отделила копыто от сустава одним резким ударом, так что оно покатилося по крыльцу. Мне хотелось рыдать.

Старуха тем временем запустила свой нож под шкуру и стала отделять ее от мышц ноги по направлению к животу. Казалось, это занятие доставляет ей необъяснимую радость, и она следила за тем, чтобы я не отставала. Я старалась изо всех сил, и вскоре шкура на каждой ноге была отделена от мяса. После того Руби перевернула своего оленя на другую сторону и сделала то же самое с моим. Я была вся забрызгана кровью, мои руки и нож стали липкими. Неожиданно Руби вспорола брюхо своего оленя так быстро, что кишки и сгустки крови вывалились на крыльцо прямо передо мной прежде, чем я успела внутренне подготовиться к этому зрелищу. Закрыв глаза, я продолжала орудовать ножом. Чуть позже я все же нашла в себе силы посмотреть на внутренности. Там оказался мертвый плод, и я увидела, что молоко еще сочится из сосков матери. Тошнота начала накатывать на меня волнами. Закрыв глаза, я стала пятиться прочь и испугалась еще больше, когда на меня навалилась тьма.

Не представляю, как долго продолжалось это состояние, но когда я наконец открыла глаза, то увидела, что нахожусь одна среди расчлененных туш. Руби поблизости не оказалось.

Вскоре на крыльце появилась старуха с пачкой газет в руках. Расстелив их между двумя тушами, она вновь принялась за своего оленя — вырезала из него печень, почки и еще теплое сердце. Все это она разложила на газетах.

—Отлично, — сказала она, стряхивая кровь с кончиков пальцев, — теперь ты.

Я онемела от страха.

—Давай же!

Мне удалось извлечь из мертвого тела оленя каждый орган. Когда я вырезала сердце, Руби схватила сердце своего оленя и, подняв над головой, устремила взор в темнеющее небо. Затем она запела на языке кри. Песня вошла в мое сердце, и я посмотрела на сияющую луну и на осеннее небо, словно видела их впервые. Руби медленно повернулась ко мне лицом. В ее глазах мерцал странный свет.

—Хей ииих хей йиих, — песня оборвалась, последовала пауза и затем женщина сказала: — Это называется песня-молния. Ее поют, чтобы успокоить дух оленя.

После этого Руби отрезала кусочек сердца и стала есть его, сделав знак, чтобы я сделала то же самое.

—О, нет! — застонала я.

Воткнув нож в сердце, я отрезала маленький кусочек и положила его себе в рот. Я жевала, борясь с отвращением. Мой рот наполнился кровью.

—Хо, — сказала Руби, одобрительно кивая головой.

Мы вновь приступили к работе — полностью освежевать туши и скатать шкуры. Дикие олени глаза белели под луной, но я уже не испытывала никакой жалости.

Следуя указаниям Руби, я отрезал а голову, вырезала бока и филей и бросала каждый кусок в картонную коробку. Куски пропитанного кровью мяса заняли четыре коробки. Кишки Руби швырнула собакам, сбегавшимся на запах. Они бросились на пищу с рычанием, а затем разбежались, унося в зубах куски кишок.

Когда разделка туш завершилась, я испытала огромное облегчение. Я так устала и все мое тело так оцепенело, что единственным моим желанием было отправиться в постель. Руби внесла коробку с мясом внутрь, затем вернулась за второй, после этого и за третьей. Когда же она пригласит меня к себе? Но Руби, казалось, и не думала возвращаться после того, как внесла в дом четвертую коробку. Я робко постучала в дверь окровавленным кулаком.

Она отворила дверь:

* Чего?

* Мне нужно помыть руки. Можно войти? И мне нужно где-то поспать.

—Помоешь утром, — она захлопнула дверь прямо перед моим носом.

* Погодите, где же я буду спать?

* Поспишь в своей машине, *васину*, — услышала я ее хриплый шепот.

Господи, не могла же она говорить это всерьез. Я стала смотреть по сторонам в поисках умывальника.

Наконец до меня начало доходить, что Руби не шутила. Я развернулась и медленно побрела к машине, забралась туда и скрутилась на заднем сиденье. Тут до меня донеслись голоса диких зверей, и я быстро заперла дверцы. Поспать мне удалось совсем немного.

Проснувшись я под утро, услышав, как в окно машины стучится Руби. Старуха держала в руках жестянку и большой кусок вяленой оленины — «джерки». Открыв дверцу, все еще слишком сонная, чтобы сказать что-либо вразумительное, я тупо уставилась на Руби. В жестянке оказалась горькая жидкость, по запаху напоминающая кофе.

Я позавтракала и направилась к хижине. Оказалось, что часть оленьей головы уже съедена, копыта куда-то исчезли, а кровь смыта или соскоблена с крыльца. Руби, вооруженная топором, вышла из хижины и направилась к поленнице. Там она стала рубить хворост, совершенно не замечая моего присутствия.

Лишь сейчас я вспомнила об одеяле и табаке в багажнике моего автомобиля. Вытащив их оттуда, я направилась к Руби и протянула ей дар.

—Руби, я приехала к тебе издалека. Я понимаю, что здесь меня не ждут и я никому здесь не нужна.

Руби молча продолжала делать свое дело.

* Пожалуйста, прими от меня в подарок это одеяло и этот табак. Я пытаюсь найти свадебную корзинку. Не знаешь ли ты,

где живет Агнес Быстрая Лосиха?

* Да, знаю, — ответила Руби, ломая ветку об колено. Приняв одеяло и табак и разложив их на хворосте, Руби медленно обернулась ко мне.

—Она живет за девять миль отсюда. Прямо на восток. Вытащив из пачки одну сигарету, она закурила.

* Туда можно добраться только пешком. Но я на твоём месте не стала бы забираться в лес, не подружившись с моими собаками.

* С твоими собаками?

Да, эти звери в резервации совершенно дикие и очень Они уже убили не одного мужчину и разорвали не го ребенка. Чаще всего они собираются в стаи и отправ-ются на охоту. Я знаю, они загнали нескольких оленей, нога они убивают даже своих сородичей. Ты должна представиться им. Лишь по еле этого можно свободно разгуливать по лесу. Собаки гораздо более опасные звери, чем ты можешь себе вообразить.

Что же мне нужно сделать? Просто приласкать их или попытаться найти с ними общий язык как-то иначе?

Я позову их, а ты должна стоять совершенно непод вижно . Не показывай, что боишься, или я не сумею совладать с ними.

—Что же может тогда произойти?

Руби ничего не ответила, а только пронзительно засвистела, и тут же с разных сторон к нам подлетели около тридцати собак. Они были самых разнообразных расцветок и размеров. Псы кружили вокруг нас. Увидев, что пищей здесь и не пахнет, одна огромная, безобразная зверина стала рычать и лаять. Затем к ней присоединились остальные псы. Лай, рычание, сопение доносились со всех сторон. Руби с охапкой хвороста в руках направилась в хижину.

—Погоди!.. — еле выдавила я из себя.

Я знала, что, если один из псов бросится на меня, он спровоцирует цепную реакцию, и меня тут же разорвут в клочья. Взяв себя в руки, я загнала страх в глубину души. Собаки приближались ко мне, все плотнее смыкали кольцо, смелея и рыча все громче. Я подавила крик. Несколько холодных носов ткнулись мне в колени и ступни. Один из

носов проявил особый интерес к моему паху. Огромный черный пес бросился ко мне и, упершись передними лапами в плечи, облизал мне лицо. Дыхание другого пса я чувствовала на своей спине, третий жевал мой ботинок. Я заставила себя оставаться на месте, преодолев желание пуститься наутек.

Руби вышла на крыльцо и наблюдала, но не вмешивалась.

—А ну, проваливайте отсюда ко всем чертям! — вдруг закричала она.

Испуганные собаки разбежались во все стороны.

—Теперь они тебя хорошо знают, — объявила она.

В глазах у меня стояли слезы, колени дрожали. Теперь, когда испытание подошло к концу, я дрожала всем телом.

—Теперьэти собаки непотревожат тебя, — сказала она, как-то странно хихикая. — Можешь разгуливать по терри тории — везде, где пожелаешь. Если не знаешь собак — сильно рискуешь. Теперь тебе открыта дорога к дому Агнес Быстрой Лосихи.

Лишь сейчас я заметила: неосознанно я сцепила руки так плотно, что пальцы побелели.

* Да, — только и смогла ответить я.

* Отправляйся в дорогу прямо сейчас, *васичу*. Может быть, тебе удастся найти то, что ищешь. Держи, — она сунула мне в руку вяленое мясо.

Затем она повернулась ко мне спиной и захохотала:

—Свадебная корзинка... *Васичу* ничего не знает!

Я продолжала стоять, бессмысленно сжимая в руке мясо. Затем бросилась к машине и побросала в рюкзак несколько вещей, которые, как мне показалось, пригодятся в дороге.

Я отправилась через лес по тропинке, начинающейся прямо от дома Руби. Девять миль — сущий пустяк. Вокруг талии я повязала парку, а в рюкзак положила запасной свитер. Трава все еще была мокрой от росы. Я пробралась между скал по извилистой тропе. Передо мной раскинулась прекрасная долина. Трава была ярко-зеленой, а деревья стояли в цвету.

Рядом с тропой вился ручей. Я проделала несколько упражнений чтобы размять спину, и попыталась не думать о псах. Полину преодолела бегом. Я дошла до озерца, в которое впадал ручей, и

присела на большой, нагретый утренним солнцем камень. Над головой кружились вороны, а на горизонте появились и начали раздуваться тучи. Я вытащила *джерки* и разлеглась на камне. В ветвях деревьев резвились белочки, нарушая своими криками торжественную тишину. Я вдохнула всей грудью настоящий воздух. Его свежесть ощущалась на языке.

Перекатившись на живот, я окунула палец прямо в свое отражение. Малюсенькие волны разбежались по пруду кругами. Я с трудом представляла себе, что заставило меня пуститься на поиски этой корзинки — какое-то смешанное чувство ожидания и страха зашевелилось в моей душе, как только я увидела фотографию на выставке. Я поняла, что забрела в дикие места, и посмотрела вниз на теплую манящую воду.

Почему бы и нет? Мне так нужно было помыться!

Сняв одежду, я нырнула в чистую воду и уселась на поросшем мхом подводном валуне, так что на поверхности торчала только голова. В полудреме я наблюдала за лучами, отражающимися на воде.

Не знаю, как долго я проплавала там, но холодный порыв ветра мгновенно привел меня в чувство. На горизонте клубились черные облака. Поднимаясь на ноги, я поскользнулась на мшистом камне и, падая, ухватилась рукой за валун. Барахтаясь в мелкой воде, почерневшей от затянувших небо туч, я поняла, что у меня началось сильнейшее головокружение, и потеряла ориентацию. Нащупывая ногой дно, я приподнялась и стала пробираться к берегу, но снова поскользнулась и упала, ударившись лицом о камни. Из носа потекла кровь. Когда я наконец выбралась на берег, то почувствовала такое головокружение, что с трудом смогла отыскать одежду, но вскоре в голове прояснилось, и я стала одеваться, пытаюсь стереть кровь с белого свитера. На нем осталось продолговатое красное пятно. Вдали слышались первые раскаты грома. Стало почти совсем темно. Я начала медленно бежать, пытаюсь экономить силы — точнее то, что от них осталось. Тропа поднималась на холм и продолжалась вдоль подножия скалы. Подъем оказался тяжелым.

Гром гремел над головой. В тучах мне мерещились огромные черные лица. Я слышала каждый свой вдох и выдох, словно это дышал кто-то другой. Я почувствовала, что за мной наблюдают.

Наконец я сама увидела их — сороки летали кругами и садились на деревья, повернув головы к тропе. Блестящие черные глаза следили за каждым моим шагом. Они казались зловещими и агрессивными. Но я продолжала упрямо идти вперед, по направлению к широкому каньону. В серых просторах дождь висел словно покрывало. Холодный ветер несясь вдоль каменного ущелья на север. Я застегнула парку до самой шеи и побежала. Извилистая тропа стала сужаться и наконец совсем исчезла. В отчаянии я села на землю и обхватила голову руками.

Сердце колотилось. Во рту пересохло. Над головой с карканьем пролетела ворона. Я почти обезумела от страха, но во всем этом было что-то напоминающее мой сон. Я поднялась на ноги, пытаюсь сориентироваться в пространстве. Передо мной распахнулось ущелье — утесы по обеим сторонам, а впереди открытый проход. По дну ущелья протекал ручей, и я решила, что тропа должна была бы идти вдоль него. Я разозлилась не на шутку: Руби Много Вождей знала, что тропа заканчивается где-то здесь, но велела идти прямо на восток. Что ж, каньон вел прямо на восток, и я пошла по траве, устилающей его дно.

Я неслась по каньону. Дождь грозил вот-вот хлынуть. Холмы, окутанные серой мантией, казались далекими и пустынными. Вдруг мои ноги ощутили под собой теплую тропу, слава Господу! На лицо мне упали первые капли, а я продолжала бежать почти в полном изнеможении, потеряв ориентацию во времени. Казалось, что я стою на месте, но я знала, что отмахала больше восьми миль.

Дождь полил по-настоящему как раз в тот момент, когда я поравнялась с тополиной рощицей, раскинувшейся между высоких скал. Вдруг я застыла как вкопанная — у подножия утеса виднелась хижина. Неужели это и есть хижина Агнес Быстрой Лосихи? Не важно. Я совершенно выбилась из сил, а вокруг не было ни души. Я взяла в одну руку большую палку, а в другую — камень, чтобы суметь защитить себя, если вдруг появятся собаки, о которых предупреждала меня Руби. Взобравшись на ветхое крыльцо, я постучала в дверь. Ответа не последовало. Я снова отчаянно заколотила, и дверь внезапно открылась. В хижине никого не было. В углу стояла кровать, покрытая индейским одеялом. Узор, скорее

всего, принадлежал племени Два Серых Холма. Как знать, может, мне удастся купить его?

На подоконнике были расставлены керосиновые лампы. У печи на грубой деревянной подставке стоял голубой эмалированный тазик. Длинные пучки трав свисали с гвоздей, вбитых в стену. Щели были забиты кусками картона и жестяной вывеской с надписью «Кока-кола». Перед кроватью его ял мексиканский комод грубой работы, а над ним на стене висел черный бархатный гобелен соображением испанского танцора. Рядом висели трещотки из копыт оленя и крыло совы. На сером деревянном столе в центре комнаты лежали Два яблока. Вокруг стола стояли три стула.

Я уселась за стол и с жадностью захрустела яблоком. Впервые в своей жизни я оказалась одна в полной глуши. В хижину потянуло холодом со двора, и я закрыла наружную дверь. Вечерние тени начали удлиняться, словно желали испытать мою храбрость. Я несколько раз громко топнула ногой, чтобы услышать хоть какой-нибудь звук, затем зажила керосиновую лампу и безуспешно попыталась растопить печь. Мое тело отказывалось слушаться. Я сияла со стены кусок вяленой оленины и съела его, потом вытащила спальный мешок и в полном отчаянии расстелила его на кровати. На нем виднелись масляные пятна, а на фланелевой подкладке красовался Микки Маус. Сняв свою мокрую одежду, я стала забираться в мешок, но тут вдруг поняла, что мне нужно сходить в туалет.

Постанывая, я надела свои ботинки и парку и стала осторожно открывать наружную дверь. В этот момент невдалеке ударила молния и озарила пустое крыльцо ярким светом. Я медленно спустилась по ступеням и тут же уселась в мокрую траву, придерживаясь на всякий случай рукой за край крыльца. Затем быстро поднялась и вошла в хижину, тщательно закрыв за собой дверь. Когда я наконец забралась в мешок, меня всю трясло от холода. Протянув руку, я потушила керосиновую лампу. Дождь прекратился, и наступила тишина. Я лежала на кровати в полном оцепенении.

Не знаю, как долго я проспала, но проснулась мгновенно, почувствовав, что меня энергично трясут. Кто-то тянул меня за волосы, колотил по плечу и кричал мне прямо в ухо:

— Вставай, пора! Вставай быстрее!

Я открыла глаза и тут же в изумлении раскрыла рот. Передо мной в свете свечи предстало лицо, напоминающее растопленный воск. Я даже не была уверена в том, что это человеческое. Я закричала, но чья-то рука тут же заткнула мне рот.

—Пора!

Я отвернулась, тщетно пытаюсь обрести спокойствие. В чем дело? Вы — Агнес Быстрая Лосиха? — спросила я.

Да, — ответило лицо, — и ты в моей хижине. Вставай и иди за мной. Прямо сейчас!

Я вылезла из мешка, быстро натягивая джинсы и ботинки. Агнес Быстрая Лосиха с неожиданной силой подтолкнула меня к двери. Я чуть не упала.

—Что вы делаете?

В ответ Агнес толкнула меня еще сильнее:

—Нам надо спешить.

Мои конечности окоченели и затекли, но мы стремглав понеслись в лунном свете, удаляясь от хижины. Агнес Быстрая Лосиха бежала рядом со мной легко, словно девчонка. Мы прыгали по камням. Нигде не было видно и намека на тропинку. Мы взбирались на валуны и обходили утесы, отбрасывающие огромные призрачные тени. Я поскользнулась и упала, подвернув голень и ушибив колено, но Агнес Быстрая Лосиха поставила меня на ноги одним рывком. В таком безумном темпе мы продвигались вперед еще пятнадцать минут.

Наконец скалы расступились. На площадке, в двадцати ярдах от нас стоял освещенный вигвам. Он светился изнутри, а над крышей вился дым. Зрелище казалось каким-то сюрреалистическим. Агнес потянула меня к входу.

* Раздевайся! — приказала она.

* Что?

* Ты должна предстать перед предками обнаженной.

С немыслимой скоростью Агнес стала срывать с меня одежду. Я попыталась сопротивляться, но та отвесила мне пощечину. В ушах зазвенело, перед глазами все поплыло и, когда Агнес стала заталкивать меня в вигвам, я уже ничего не чувствовала.

Шесть старух-индианок, закутанных в одеяла, сидели вокруг полыхающего в центре костра. Сквозь густой пряный дым, висящий в воздухе, я смогла определить, что их лица кажутся более старыми, чем лицо Агнес. За их спинами с шестов вигвама свисали ленты, перья, тыквы и бизоньи черепа. Перед четырьмя женщинами возвышались холмики земли, в которые были воткнуты молитвенные жезлы.

—Сядь, — сказала Агнес Быстрая Лосиха, толкая меня в спину.

Сама она уселась справа от меня. Я дрожала всем телом и прижимала колени к груди.

Глаза присутствующих были устремлены на меня. Тени, отбрасываемые огнем, плясали на стенах вигвама. В моей голове пронеслись мысли о средневековом шабаше ведьм. Казалось, образы старых индианок с фотографий Куртиса ожили и предстали передо мной во плоти. Но сейчас они потешались надо мной, зловеще уставившись на меня.

—Зачем ты привела сюда эту людоедку, Агнес? — спросила одна из них на ломаном английском. В ее голосе чувствовалась затаенная угроза. Я чуть не подскочила при слове «людоедка».

Женщина, которая сидела рядом со мной, держала в руках длинный посох, украшенный перьями. Она стала колоть меня в бок его острым концом. Вторая женщина наклонилась и начала щипать меня.

—Это дитя желает избрать *путь свадебной корзинки*, — сказала Агнес Быстрая Лосиха.

Я боялась и пальцем шевельнуть во время всей этой экзекуции.

—Ха, — сказала женщина с посохом, — почему же ты так медлила?

Когда я повернула к ней лицо, меня проморозило до кости.

—Я просто хотела купить свадебную корзинку, такую, какую видела на фотографии, — начала я, запинаясь.

— Помолчи, идиотка, — прикрикнула на меня Агнес.

—Но я просто хотела эту корзинку, чтобы...

—Помолчи, — прошипела Агнес, — говори только тогда, когда тебя об этом попросят.

—Она еще не готова, — сказала женщина с посохом. Затем она наклонилась к Агнес и что-то зашептала ей на ухо. Старухи, сидящие рядом, дружно закивали головами. Я чувствовала себя жертвой какого-то страшного заговора. — Тебе никогда не удастся обучить ее, — раздался чей-то голос.

Затем послышался звук, который можно назвать лишь гоготаньем — такие звуки издают птицы или сумасшедшие. Все старухи стали разом бранить меня. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и я смогу лишиться рассудка.

—Но ведь я всего лишь хочу взглянуть на свадебную корзинку... — я не узнала своего голоса.

Женщина с посохом холодно посмотрела на меня:

—Мы будем молиться за тебя, мы будем *сновидеть* за тебя.

Я не понимала, о чем она говорит.

У меня закружилась голова, земля ушла из-под ног, и я упала навзничь. Лица старух теперь казались мне более молодыми, их глаза блестели, как зеркала. В кошмарном видении передо мной предстала девочка, а на месте моей соседки появился олень. Я увидела и других зверей — волка, рысь а также совершенно неизвестных мне тварей. Вигвам стал кружиться, расплылся, и я потеряла сознание.

Пришла в себя я лишь на следующее утро и почувствовала запах дыма, доносящийся из печи. Может быть, это лишь продолжение сна? Какое-то время я не могла понять, где нахожусь. Агнес Быстрая Лосиха заваривала чай.

—Подкрепись, — сказала она, — завтрак готов.

Я встала, оделась и подошла к столу. Агнес досгала две жестяные тарелки и поставила их на стол. Сама она уселась напротив меня. Я вся дрожала и была очень голодна. В окна хижины проникал бледный свет. Начался дождь. Я посмотрела на тарелки. В них лежали куски вяленой оленины, сухари и черника. В чашки был налит шалфейный чай. Я приступила к еде. Пища оказалась чудесной.

* Что произошло прошлой ночью? Я отключилась? Как я оказалась здесь? — стала я расспрашивать Агнес, чувствуя себя здесь в безопасности.

* Ешь, — только и ответила она, указывая рукой на мою тарелку.

Агнес Быстрая Лосиха встала из-за сгола и села на мою кровать. Я заметила, что она подняла мою рваную куртку.

Шалфейный чай испарялся прямо мне в лицо. Картонная коробка, в которой лежали куски вяленой оленины, была вся в пятнах запекшейся крови. Но сейчас это меня мало волновало, мне было хорошо. Я продолжала жадно глотать пищу.

Агнес Быстрая Лосиха зашивала дырку в моей куртке. Собравшись с духом, я спросила:

— Так ты собираешься продать мне свадебную корзинку?

— Ты понятия об этом не имеешь, Линн, но ты оказалась в очень опасном положении, — продолжая работать иглой, Агнес подняла лицо и улыбнулась. Она впервые назвала меня по имени.

Что значит эта корзинка и почему я хочу найти эту клятую вещицу так страстно?

Агнес Быстрая Лосиха сейчас казалась очень ласковой и нежной:

Ты не понимаешь, — Агнес откусила нитку и отложила зашитую куртку в сторону, — если ты не прислушаешься к своему женскому началу, то пропадешь. Возможно, тебе удастся когда-нибудь заполучить эту свадебную корзинку, а может, и нет. Право выбора остается за тобой. Ты сама должна принимать решение. Никто не вправе решать за тебя — даже предки.

Ее слова по-прежнему оставались для меня полной загадкой, но ее тон был обезоруживающим. Насколько сейчас Агнес Быстрая Лосиха отличалась от того чудовища, которым представилась мне вчера ночью! Казалось, что это два совершенно разных человека. След от пощечины, которой она меня наградила, все еще горел на моей щеке. Я подумала, что должна ненавидеть ее за все те унижения. Но я не могла ее ненавидеть. Еда успокаивала, а звук дождя, льющегося на жестяную крышу, приносил умиротворение.

* Что ты имела в виду, говоря, что право решать остается за мной? Что все это значит? Я всего лишь коллекционер.

Ты не знаешь, кто ты есть. Никто не объяснит тебе, почему ты родилась или стала одушевленной частью земли. Ты думаешь, что я не знаю тебя и мне ничего о тебе неизвестно. Но я смогу рассказать все, что ты пережила. Я никогда не видела величайших озер земли — океанов. Но могу сказать, что когда-то их вода омывала тебя. Лоно

Земли избрало тебя, и оно защищает тебя. Это печать силы, которую ты носишь на себе, дар Матери-Земли. Вот почему *сновидения* достигли тебя. Нет объяснения тому, почему ты оказалась избранной. Ответ нужно найти тебе самой.

Я сразу поняла, о каком событии из моей жизни говорит старая индианка. Однажды, отдыхая в калифорнийской Венеции, я игла по берегу, а после взобралась на скалу, чтобы полюбоваться оттуда бирюзовым морем. По какой-то неизвестной причине вода у скалы вдруг поднялась на тридцать футов и облила меня с ног до головы. Водой окатило только меня и никого из стоящих рядом. Мокрая и хохочущая, я оставалась стоять на скале, пока не появились спасатели с мегафонами и не стали кричать, чтобы все отошли подальше от океана.

Агнес Быстрая Лосиха налила еще шалфейного чаю. Я сидела неподвижно, углубившись в свои мысли.

—Корзинка — это древний путь женщины, — сказала она мягко.

Сама того не ожидая, я вдруг зарыдала и заговорила скороговоркой:

* Эта гнусная старуха, Руби Много Вождей, только и знала, что издеваться надо мной. Заставляла разделявать оленя. А как она шла на меня с ножом! Я думала, что она заколет меня или изрубит в куски. Это было ужасно. Ничего подобного со мной никогда раньше не происходило. Это было невыносимо. Я ненавижу старую каргу!

* Не нужно ненавидеть ее, — остановила поток моих бессвязных слов Агнес, — Руби Много Вождей не хотела обидеть тебя. Дело в том, что она слепая.

* Слепая? — воскликнула я, все еще плача. — Не может быть, не могу поверить этому! Ох, мне так стыдно!

Не стоит извиняться, — сказала Агнес жестко, — я оговорю с Руби Много Вождей, если ты того желаешь, но сначала выслушай меня. Я расскажу тебе ее историю. Она может многому научить тебя.

Я вытерла слезы.

Когда Руби Много Вождей было шестнадцать, она собиралась выйти замуж за Стюарта Бегущего Назад. Он был хороший человек, но

все это было очень давно, и его уже нет на свете. Руби жила вместе со своим дедом. Однажды, когда тот ушел в лес расставлять силки, а Руби Много Вождей оставалась дома, она услышала странный шум, доносящийся снаружи. Тогда здесь еще не было машин, и все ездили в телегах или верхом на лошадях. Шум становился все громче, и Руби выглянула в окно. Там она увидела телегу, едущую без лошади. Над телегой поднимался густой черный дым. Четыре землемера стояли рядом и спорили о чем-то.

Один из них подошел к хижине и стал стучать в дверь. Руби Много Вождей испугалась. Она никогда прежде не видела так много белых людей. Их одежда показалась Руби очень забавной, но у двоих на поясе висели револьверы. Мужчина продолжал стучать в дверь. Он бил с такой силой, что кожаные петли не выдержали и дверь упала. Мужчина увидел Руби Много Вождей, стоящую у окна, и, думаю, красота молодой девушки поразила его. Наверное, он сначала подумал, что в этой хижине живет какой-то глухой старикан. Белый мужчина подошел к Руби, взял ее за руку и сказал какие-то слова на своем языке. Они показались девушке ужасными. Руби не понимала их смысла, но почему-то ей стало невыносимо стыдно.

Тут в хижину ввалились трое мужчин, до сих пор остававшихся снаружи, и Руби поняла, что попала в беду. Она знала, что эти *васину* собираются изнасиловать ее. Руби Много Вождей бросилась к окну, чтобы разбить его и убежать, но ее ударили сзади по голове и отбросили в угол. Один из мужчин был настоящим здоровяком. Он стянул с себя ремень, набросил его на шею девушке и подтянул ее к кровати. Белые мужчины стали срывать с нее одежду. Руби просила пощадить ее, но те остались глухи к ее мольбе. Она сопротивлялась, и ей как-то удалось вырваться из петли. Тогда она бросилась к дальнему углу хижины и схватила полено. Произошла настоящая битва. Думаю, эти четверо по-настоящему удивились тому отпору, который им оказала Руби Много Вождей. Они разозлились и избили ее, но не успокоились, пока не изнасиловали девушку по очереди.

Затем они стали обсуждать между собой вопрос о том, нужно ли убить Руби или можно оставить ее в живых. Многие индейцы считали, что для Руби было бы лучше принять смерть от их рук, чем оставаться жить после всего, что с ней произошло. Белые мужчины сошлись на

том, чтобы дать ей денег и попросить никому не говорить об изнасиловании. Они не боялись осложнений с законом, так как Руби Много Вождей была индианкой и вряд ли закон стал бы на ее сторону, но им не хотелось, чтобы их семьи узнали об этом случае. Они не стали убивать девушку. Вместо этого они взяли компас, которым пользовались, рисуя карты. На компасе был острый выступ. Они боялись, что Руби сможет опознать их. Вот почему, прежде чем покинуть хижину, они сделали так, что Руби уже никогда не смогла бы узнать их лиц.

Когда дед Руби возвратился домой и увидел, что произошло с его внучкой, он насобирал трав и сварил отвар, чтобы исцелить ее. Силы скоро вернулись к Руби, но единственное, что она могла делать после того, как оправилась, — это сидеть возле своей хижины и предаваться горю. Она не хотела ничему учиться, даже заботиться о себе она не желала. Руби Много Вождей даже попросила своего деда убить ее, но в ответ тот ^{ил} внучку и сказал, что не собирается потакать ей ни в чем. Он объяснил ей, что у нее появился уникальный враг — лепота. Руби сказала, что ее это никак не может утешить, так ^к красота ее пропала, а с ней пропала и счастливая жизнь. Единственное, чего она хочет, — это умереть. И все же ей повезло, так как ее дед был шаманом и еще не одряхлел от старости. Он долго учился своему искусству и обладал великой силой.

Дед Руби мог понять, что воля его внучки дремлет и что он должен пробудить в ней жажду жизни. Он начал действовать очень тонко и обманывал Руби много раз. Он делал так, что Руби часто спотыкалась и падала, подсовывал ей горячие предметы и клал на тарелку несъедобные вещи. Он глумился над ней и злил ее, пока не увидел, что жажда жизни вновь пробуждается в девушке. Руби было невыносимо больно терпеть все эти «издевательства». Она решила, что дед больше не любит ее.

Все это время старый шаман подолгу сидел под лунным светом и просил у луны совета. Он хотел, чтобы Руби окончательно поправилась. Однажды он увидел самку енота с детенышами. Это был знак отправить Руби на север. Шаман давно ждал этого знака. И Руби отправилась в путь.

Индейцы племени саутоукс, живущие там, на севере, ничего не знают о белых людях. У них еще не отняли силу. Им не приходилось ее прятать. Это великие шаманы, а их танцы до сих пор полны магии. Как я уже говорила, все это происходило давным-давно.

Там жил шаман по имени Четыре Оленя. Его боялись даже соплеменники. Он уходил жить высоко в горы, откуда мог наблюдать за своей деревней. Говорили, что Четыре Оленя обладал властью даже над мертвыми, говорили, что его сила пришла к нему от женщины, которая никогда его не видела. Даже я не понимаю этой магии. Индейцы племени саутоукс объяснили Руби, как взобраться на гору, но никто не стал сопровождать ее из страха перед шаманом по имени Четыре Оленя. Много раз Руби срывалась с горы и разбивала лицо и тело до крови, но Четыре Оленя не спускался к ней. Все это время он не спускал глаз с Руби, и та чувствовала его присутствие. Какая-то сила сама вела Руби к шаману. Когда слепая девушка наконец добралась до его жилища, Четыре Оленя залился смехом. Он сказал, что у него есть только один способ помочь Руби. Она навсегда останется слепой, но он сможет научить ее обходиться без глаз. Для этого он должен будет убить ее и поколдовать с ее смертью. Затем он возьмет силу женщины, которая никогда не видела его, и возвратит Руби жизнь. После этого она должна научиться оленьей магии у женщин племени саутоукс. Она будет пить только олений бульон и есть только оленину. Иначе она умрет.

Четыре Оленя сколотил деревянный помост, положил на него Руби и с помощью мундштука от трубки вдул яд в уши Руби. Руби умерла, и ее дух отправился в земли только что умерших. Четыре Оленя поворожил над ее телом, что-то переделал в нем, а затем обратился к силе той женщины, которая никогда не видела его, с просьбой возвратить дух Руби в тело. Все это длилось много дней. Затем он положил в рот Руби что-то «очень холодное» (как она мне потом рассказывала). После этого она пришла в себя. Но такой слабости Руби в жизни своей еще не чувствовала. С ней случился странный припадок. Четыре Оленя сделал так, что сила этого припадка помогала Руби чувствовать то, что происходит вокруг. Он обучил ее контролировать эту силу.

Руби слепа, но она видит больше, чем все зрячие на этой земле. Четыре Оленя отвел ее в центр этого жестокого внешнего круга и научил покою. Она всегда будет видеть, так как всегда будет находиться в центре. Он повелел ей отправиться сперва к женщинам племени, а после возвратиться к своему у песни которого будут дальше учить ее. Руби — шаманка. Она знает об оленьей магии больше, чем любой другой человек. Четыре Оленя и его соплеменницы научили ее всему, что знали. Я думаю, что в свое время она откроет эти секреты другим — всем тем, кто нуждается в них.

Но я рассказываю тебе все это не для того, чтобы поразвлечь тебя. Нет, это нужно тебе как наставление, — продолжала Агнес. — Я — шаманка. Я живу не здесь — лишь прихожу сюда. Ты же путешествовала со мной прошлой ночью. Ты была посвящена в древнюю мудрость. *Сновидящие* прикоснулись к тебе. Ты можешь оглядываться через плечо, но не замечать того, что тебе открывается там. Ты можешь предпочесть оставаться слепой, а можешь следовать своему предназначению.

Лицо Агнес выражало терпение. Наконец до меня начало понемногу доходить, что меня влечет сила, которую я не в состоянии понять умом. События последнего месяца начали складываться по кусочкам в моей голове. Когда они сложились в единую картину, я откинулась на спинку стула, не в состоянии и пальцем пошевелить. Теперь понятно, почему я немогу совладать с ситуацией: судьбапросто остановила свой выбор на мне, и теперь решение должна принимать я. С каждым новым приступом страха мои мысли все больше фиксировались на свадебной корзинке. Я не знала, что именно приковывало меня к ней — искатель, скрывающийся внутри меня, или кошмарный сон. Но какое, в конце концов, это имело значение?

Агнес Быстрая Лосиха, очевидно, почувствовала мою внутреннюю покорность. Она улыбнулась, закивала головой и стала молча убирать со стола. Я глядела на потемневшее дерево и крошки хлеба на нем. Я знала, что сейчас моя жизнь превратилась в такие же крошки. Но меня это уже не волновало.

Агнес прикоснулась к моему плечу и сказала:

* Вставай, тебе пора отправляться в Калифорнию.

* В какую Калифорнию? — испугалась я. — У меня еще нет свадебной корзинки! Я не могу возвращаться домой.

Агнес надела на себя толстую шерстяную рубаху, а затем протянула мне мою парку.

—Мы сейчас отправимся к Руби, — сказала она, — и я отсылаю тебя домой.

Она подошла к комоду, достала оттуда какую-то вещицу и положила ее передо мной на стол. Это была серьга, сделанная из кончика оленьего рога и инкрустированная бирюзой.

* Руби сказала мне, чтобы я дала тебе эту серьгу, если ты появишься у меня. Бери ее, это защита.

* Защита? Но от чего мне нужно защищаться? И как эта серьга сможет защитить меня?

—Вдень ее в ухо. И не позволяй ни одному мужчине прикасаться к ней, кроме мужчины-хейока в его женское время.

Я вдела серьгу в ухо. Агнес Быстрая Лосиха схватила мой мешок и направилась к двери. Я последовала за ней.

—Женщина рождается оплодотворенной. Мужчина должен быть оплодотворен женщиной, — говорила Агнес Быстрая Лосиха, шагая рядом со мной. — Некоторые мужчины добиваются этого при помощи растений или специальных упражнений. Есть секреты, которых я пока не могу открыть тебе.

Мы продолжали идти на запад, а Агнес все говорила:

Существуют различные виды сил в этом мире. Эти с легкостью могут убить или заставить тебя пожелать хода собственной смерти. Если ты хочешь раздобыть свадебную корзинку, тебе потребуется большое мужество. Эта лежка поможет тебе осуществить переход из твоего мира в мой мир.

Агнес сделала нетерпеливый жест рукой, словно подгоняла меня. Мне приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспевать за ней.

То, что помогало тебе в твоём мире — все эти автомобили, кредитные карточки, одежда, — здесь вряд ли пригодится.

Воздух был чист, а влажная земля пахла божественно. Около мили мы шли молча. Но у меня перед глазами все еще стоял вигвам, озаренный изнутри, а слово «людоедка», произнесенное одной из женщин, до сих пор не давало мне покоя.

—Агнес, что они имели в виду, когда назвали меня «людоедкой» прошлой ночью? — спросила я.

Агнес улыбнулась. Не замедляя шага, она вытащила кусочек «джерки» из кармана своей шерстяной рубахи и, предлагая отведать, протянула его мне. Я откусила кусочек. Он был жесткий, а я не испытывала голода.

Мы дошли до места, где тропа обрывалась, и побрели по дну каньона. Цветы казались особенно яркими после дождя. Покачиваемые ветерком, они сияли невероятными красками.

—Прошлой ночью ты встречалась с предками, — сказала Агнес, — они явились ко мне, так как тебя избрали *сновидящие*. Предки помогают мне учить тебя. Ты пришла в мир, непривычный для тебя. Тебе еще многое предстоит понять.

Внезапно Агнес остановилась. Пригнувшись над кустом цветов, она подняла головку голубого цветка. Я наклонилась, чтобы рассмотреть его.

—Когда ты научишься общаться с растениями, — сказала она, — когда поймешь, что растения живут своей жизнью, что они обладают душой, тогда растения откроют тебе свои тайны. В тебе есть сила, которая пришла от духа растений.

С этим она поднесла цветок ко рту и съела его. Затем продолжала:

—Вот я смотрю на тебя и вижу, что ты не понимаешь того, о чем я говорю.

Я нервно откусила кусок вяленой оленины.

—Мясо, которое ты ешь сейчас, — это мясо твоей сестры. Мы питаемся плотью наших братьев и сестер. Ты — людоедка. Твоя сестра погибла лишь для того, чтобы ты смогла выжить.

Я понимающе кивнула, и мы продолжали идти. В каньоне было полно птиц и диких собак, везде царила весенняя суматоха.

* Да, — сказала я, — думаю, что начинаю понемногу понимать, почему ты называешь людей людоедами. Но я не понимаю, почему мне нужно было пройти через это унижение — я имею в виду то, как ты раздела меня перед всеми этими старухами ■—■ предками.

* Для того чтобы сделать свои первые робкие шаги по красной дороге, которая зовется женственностью, ты должна обнажиться

со всех сторон, — ответила мне Агнес.

Мы обошли край каньона. Вдалеке замерцали ручей и озеро. Я еще раз залюбовалась красотой этого озерца. Настроение Агнес внезапно изменилось:

— Ты женщина? — спросила она.

— Да.

— Ты остаешься женщиной, когда обнажаешься?

— Да, — ответила я.

— У тебя есть влагалище?

— Да.

Я никак не могла понять, к чему она все это ведет.

— У тебя бывают менструации?

— Да.

— Мы этого не знали. В нашем мире менструации зовутся луной. Это время твоей наивысшей силы. Той ночью мы хотели убедиться в этом.

Я покраснела. Остаток пути до плоского камня, лежащего у воды, прошел в безмолвии. Наконец наступила долгожданная передышка. Мы подкрепились *джерки* и напились воды из ручья. Я разлеглась на камне, довольная и сонная, зевнула и закрыла глаза.

Неожиданно прозвучал громкий звук, похожий на ружейный выстрел.

— Вставай! — раздался крик Агнес.

Я вскочила как ужаленная и стала оглядываться по сторонам.

* Откуда ты знаешь, что я не собираюсь убить тебя? — спросила Агнес Быстрая Лосиха, бросая на землю два больших камня, которые до этого держала в обеих руках. В ней чувствовалась какая-то угроза, и ее фигура казалась более крупной, чем раньше.

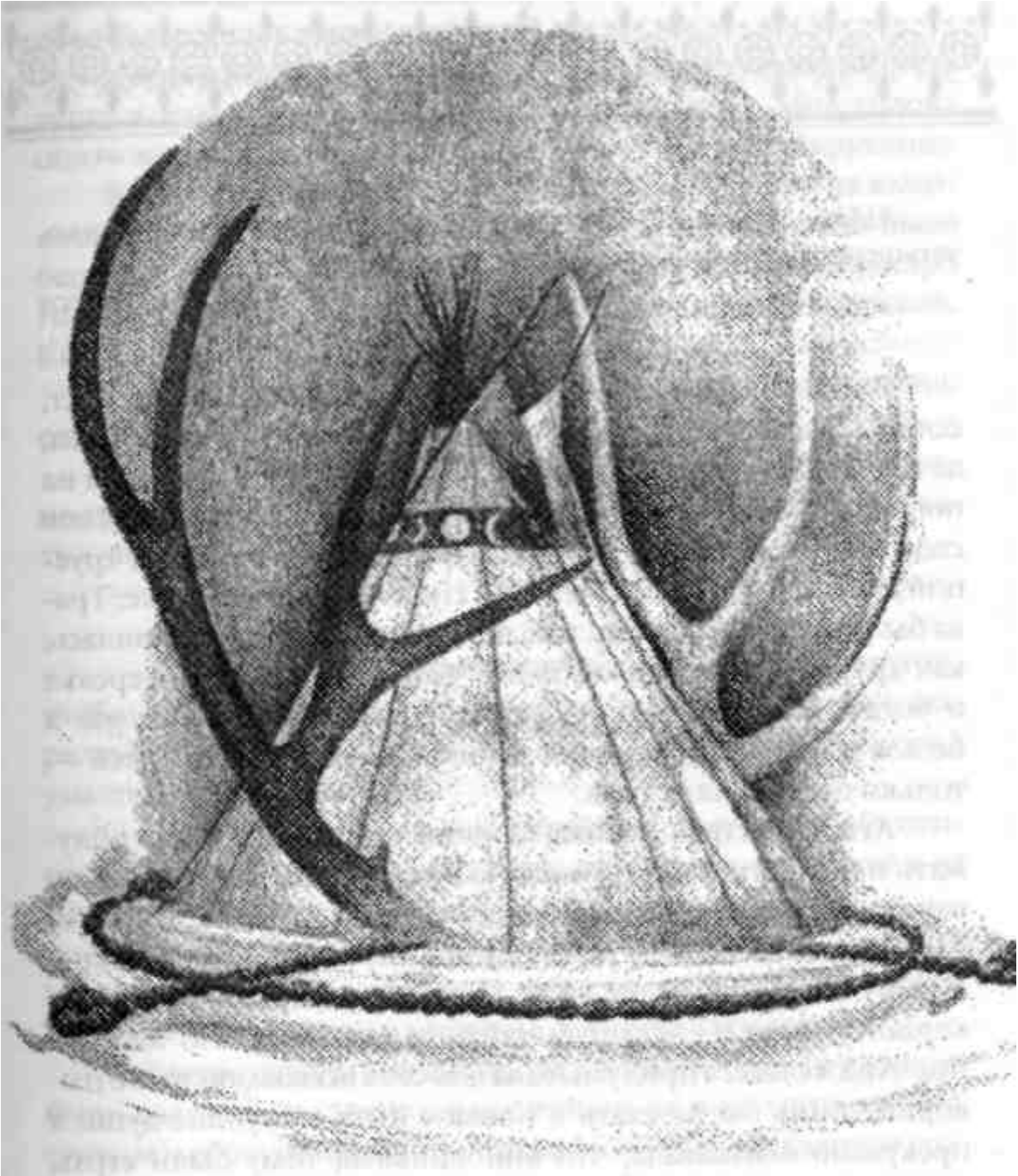
* Садись, — сказала она, указывая рукой на землю. — Сейчас мы поговорим с тобой о *свадебной корзинке*. Тебе нужно знать кое о чем, чтобы понять, против каких сил ты идешь.

Когда-то здесь появился человек. Просто человек. Его звали Отец Пирсон. Он говорил, что знает все о двух видах зрения. Он мог смотреть вверх и *видеть* хороших духов Где-то внизу, в недрах

матери-земли скрывались плохие духи Он поднял перед собой знак скрещенных троп и сказал, что в наших жизнях нет равновесия. Он сказал, что, если мы не начнем смотреть вверх, хорошие духи убьют нас. Всех нас рассмешили его слова.

Старик Близнецы Койоты пожалел этого человека и решил обучить его магии. Он показал ему то, что находилось в любом шаманском узле, но каждый раз, когда старик Близнецы Койоты заводил речь о женщинах, священник начинал сердиться. Близнецы Койоты сказал, что если священник действительно хочет узнать, как использовать силу, то должен пойти и поучиться этому у меня. Отцу Пирсону такое обучение было не по душе, но он оказался умным и потому внимал всему, что ему говорили. Без шаманок не может быть шаманов. Шаману дает силу женщина, и так было всегда. Шаман занимает месго собаки — он всего лишь орудие в женских руках. Сейчас все кажется иначе, но так лишь кажется.

Так как Близнецы Койоты был моим другом, я согласилась учить Отца Пирсона. Он отличался сообразительностью и схватывал все с необычайной быстротой. Я знала, что он влюбляется в меня все больше и больше. Так часто происходит с мужчинами, которые обучаются у женщин. Я не любила этого белого человека — он мне не нравился даже внешне, но я видела, что в нем появляется сила.

Однажды он признался мне в любви и захотел овладеть мною. Ему нужна была моя сила, но я не хотела отдавать ее этому человеку. Я сказала ему, что он должен подыскать себе другую женщину. Мои люди не знают, что такое ревность, но я увидела, что его глаза застилают ненависть. Ненависть — это сила, и я решила, чтобы он пожил, чувствуя ее вкус у себя во рту. Ненависть имеет вкус

сгоревших знаков. Если она подкормлена мудростью, на свете нет силы, способной остановить ее.

Я надела на него особую маску, которую он должен был носить до окончания ученичества. Существуют маски, удерживающие эмоции. Каждая хейока знает это. Можно взять костяную иглу и нить, сделать шов на своем лице и ходить, переполнившись любовью и счастьем, — но и это лишь маска. Маска, которую носил тот человек, нужна была для того, чтобы удерживать ненависть.

Он научился всему, чему может научиться человек. Он познал наш мир не хуже всех остальных и смог делать в нем все что хотел. Ты не поймешь этого, но он сделан из силы. Я рассказала ему, как можно стать целителем, но его это не заинтересовало. Накопив знание, он стал могущественным магом. Понемногу он научился всем секретам колдовства, и сейчас вряд ли найдется на свете маг, который сможет заткнуть его за пояс. Он сбросил рясу, взял себе имя и научился прятаться. Сейчас его зовут Тот-Который-Идет-По-Следу, или Ложный След. Другие говорят, что его имя Огненная Собака или Огненный Солдат. Мы же знаем его, и потому зовем Рыжим Псом.

Когда-то я была *хранительницей свадебной корзинки*. Она сплетена из *сновидений* многих женщин. Она создана и воссоздана ткачихами и *сновидящими*. Она прекрасна и священна для всех женщин. Однажды, когда я встречалась со стариком Близнецы Койоты, Рыжий Пес нашел эту корзинку. Я не думала, что он способен украсть ее. Но он украл. Ему нужно было получить что-то, чем он мог бы воспользоваться как бесплатной женской силой. Вот почему он украл корзинку. В ней больше силы, чем в любой женщине.

Я не могу отдать тебе *свадебную корзинку*. Ты должна украсть ее у вора — Рыжего Пса. Вряд ли можно представить себе более опасную затею. Я хочу научить тебя, как сделать это: ведь он ничем не сможет навредить мне. Но тебя он может легко убить. Он всегда настороже. Украсть корзинку нелегко, но если ты отважная, то сделаешь это. Сама я не могу вернуть корзинку—таков закон *сновидящих*. Надеюсь, у тебя хватит духу для этого.

—Украсть? Да я не могу ничего красть! — возмущенно запротестовала я.

Агнес Быстрая Лосиха пригвоздила меня к месту своим взглядом.

—Я никогда ничего не крада в своей жизни, — продол жала лепетать я.

—Меня интересуют твои способности, а не твоя мораль. Еоти ты хочешь получить корзинку, то должна учиться воровать.

*Никто не может быть магом
каждую минуту все двадцать четыре
часа в сутки. Ведь должны же мы когда-
нибудь жить?*

— Пабло Пикассо

В семь часов утра Холмби-Парк был совершенно пуст, если не считать нескольких человек, трусящих по дорожкам, да пары пожилых мужчин, прогуливающих с собаками на поводках. Я дотянулась кончиками пальцев рук до носков своих кроссовок и, сделав несколько глубоких вдохов, трусцой побежала по направлению к спортивной площадке. Трава была влажной и душистой, вода в фонтанчиках искрилась, как хрусталь. Я подняла голову, чтобы рассмотреть деревья и богатые поместья, окружающие парк. Последний раз я бегала в Канаде. Там не было никаких ухоженных аллей — только бескрайняя степь.

Агнес Быстрая Лосиха советовала мне тщательно обдумать перспективу следующей поездки в Канаду. Мое пребывание там может затянуться на недели, месяцы, а может статься, что я никогда не смогу покинуть Агнес. Возможно, я умру там. Она будет учить меня, как украсть *свадебную корзинку*, если я соглашусь стать ее ученицей. Но здесь, в Лос-Анджелесе, я придумывала для себя всевозможныеотго-ворки, лишь бы не ехать в Канаду. Хотя в глубине души я прекрасно осознавала, что виновниками тому были страх, лень и мои вечные сомнения. Меня утешала мысль, что еще не пора возвращаться, что мне требуется время на раздумья. Я добежала до южного конца парка и развернулась. Как здорово было вновь заняться бегом!

Когда я вернулась домой, пот лил с меня ручьями. После душа я надела махровый халат и расчесалась. Моя голова опять заполнилась корзинками и безобразными старухами.

В спальне я переоделась в белое платье и туфли на высоком каблуке. Чтобы уйти от своих мыслей, мне нужно было беспрестанно двигаться. Я отправилась на машине в бистро Гарден, где у меня была назначена встреча с моей подружкой,

Каролин.

—Ну, ты здорово выглядишь! — воскликнула Каролин, едва заведя меня.

Наши отношения всегда отличались особой беззаботностью. Встречи с Каролин неизменно приносили мне чувство уверенности и покоя.

* Я на распутье.

* Ну да?

* Возможно, я отправлюсь в Канаду через день-другой, чтобы остаться жить у той шаманки, о которой я тебе говорила. Посмотрим. Пока это все, что я могу сказать. Схожу с ума от неопределенности.

—Ты совершала немало странных поступков, но отправляться в Канаду, чтобы жить там, среди охотников за головами (или кто они там?), — нет, это уж слишком.

Я посмотрела сквозь Каролин и стала потягивать свой мартини. Жидкость обжигала губы, но вкус оказался таким как надо — чуть-чуть ядовитым. Я тут же захмелела.

В бистро сидели элегантно одетые люди. Стенки кабинок были сделаны из стекла с нанесенным на него матовым рисунком и обрамлены полированной латунью. На каждом столе красовался великолепный букет. В зеркалах, которыми были увешаны все стены, отражались радостные, смеющиеся лица. Все выглядело совершенно нормальным, но при этом — абсолютно абсурдным. Я неподвижно застыла на своей скамейке, зачехленной красной тканью.

Наконец появился наш заказ — отварной лосось. Наливая в тарелку пикантный соус из серебряной соусницы, я тут же отчетливо вспомнила картонную коробку, покрытую запекшейся кровью.

—Что с тобой происходит? — спросила Каролин.

—Каролин, а ты не хочешь отправиться со мной в Канаду? Конечно, это не Рио, но мы бы могли остановиться в одной маленькой хижине. Удобств никаких, но зато полная свобода.

Она заказала еще одну порцию мартини.

* Красивые мужчины?

* Ну конечно, полно холостяков, — тут же ответила я, вспоминая о двух индейцах, наблюдавших за тем, как я меняла шину.

* Спасибо за предложение, но думаю, что на сей раз остановлю свой выбор на Гавайях. Канада кажется мне немного суровой.

* Мне снова стали сниться ужасные сны, — решила я сменить тему.

* Я ничуть не удивлена! Ты ненормальная, чего ты еще ожидала после того, как пообщалась с этими дикарями?

* Они не дикари. Они просто иные. Иные люди, ведущие иную жизнь.

* Иные? Это точно! Будят тебя посреди ночи и пугают до смерти. Надо же! Потом еще хотят, чтобы ты что-то там украла.

—Но ведь другого способа получить корзинку не существует, — произнесла я в надежде на поддержку. — К тому же это не воровство, а вид учебы, — я покрутила в пальцах сережку из оленьего рога и бирюзы.

Учись, учись! Мало тебе твоих корзинок? Почему бы не подумать о том, чтобы начать коллекционировать набедренные повязки или какую-нибудь другую экзотику?

Из ресторана мы отправились в Краеведческий музей, чтобы посмотреть новую африканскую экспозицию. Мы прибыли туда за час до закрытия. Среди покоя и безмолвия масок Берега Слоновой Кости я почувствовала себя лучше.

— Погляди-ка на эту, — сказала Каролин.

Я подняла глаза на безмятежную маску молодой женщины, одну из тех, которыми пользовались *Имуо* — колдуны и вожди

нигерийских *Ибо*. Черты лица были выразительными, прическа по стилю напоминала египетскую. Глаза казались слепыми.

Резная фигура из нигерийской дельты изображала воина с трещоткой и ритуальной чашей в руках, восседающего на спине страшного клыкастого существа. Чудовище, на котором он ехал верхом, являлось проекцией его собственного боевого искусства. Я вспомнила Юго-Западную Нигерию, где многие племена поклонялись правой руке, то есть руке, символизирующей способности воина. И тут же вспомнила о трещотке, висящей на стене в хижине Агнес.

Вдруг я поняла, что стараюсь представить себе, каков собой Рыжий Пес. Эти чудовищные примитивные фигуры спровоцировали во мне поток мыслей. Я надеялась, что никогда не увижу Рыжего Пса во плоти.

В конце выставки стояла фигурка, которая мне очень понравилась. На ручке веера было вырезано божество, олицетворяющее две сущности в едином теле. Я медленно провела пальцем по древнему дереву.

—Надеюсь, ты не отождествляешь себя с этим? — спросила я Каролин.

* В отличие от тебя, нет. Мы обе засмеялись.

Что ж, поехали домой? — сказали мы в один голос. Позже, уже дома, я свернулась клубочком у камина в обнимку с моей собакой Коной и «Снежным барсом» Питера Маттхиессена. Комната была уютной и теплой, и у меня почти не было сил, чтобы пошевелиться.

Вдруг я села, глядя прямо в огонь. Моя рука легла на телефон. Как мне хотелось набрать номер и поговорить с Агнес! Но я знала, что для этого нужно отправиться в Манитобу.

Мои глаза остановились на нескольких шаманских *кук-пах-качинах*, выстроившихся в ряд на каминной полке. В мире существует дуализм — все материальное имеет духовного двойника, символизируемого *качиной*. Огонь отбрасывал танцующие блики. Казалось, духи, заключенные в куклах, вот-вот оживут. Перья и ярко раскрашенные лица напомнили мне о другом таинственном мире. Я наблюдала за ними. Помнится, Пикассо когда-то пришел в восторг от магических резных африканских фигур.

Я взяла с полки книгу и открыла ее на своем любимом месте:

Я понимал, что эти скульптуры делали негры. Почему же они вырезали их именно так? Почему не иначе? В конце концов, они не были кубистами. Кубистов тогда еще не существовало! Конечно же, одни люди изобрели модели, а другие стали подражать им — ведь это же традиция. Но все амулеты имеют одинаковое назначение. Это оружие, помогающее людям защититься от духов — помогающее стать свободными. Это орудия. Картина *Les Demoiselles d'Avignon*^{Город Творцов*} должна была появиться именно в тот день не из-за формы, но потому, что это было мое первое полотно-заклинание против нечистой силы! Вот почему позднее я написал ряд полотен, подобных тому первому, — *Портрет Ольги* и другие портреты. Никто не может быть магом каждую минуту все двадцать четыре часа в сутки. Ведь должны же мы когда-нибудь жить? Позже, улегшись в постель, я смотрела, как лунный свет льется в окно, и прислушивалась к крикам совы. Дуновение прохладного воздуха убаюкивало. Внезапно я проснулась от странного ощущения. Трескучий звук, раздающийся рядом с моим ухом, превратился в жужжание. Я поняла, что это атака со стороны *свадебной корзинки*. Я не могла двинуться с места. Корзинка была полна ворон, бьющих крыльями, каркающих и пляшущих на меня блестящими глазами. Корзинку опускали на меня прямо сверху. Вдруг она остановилась на расстоянии вытянутой руки, и из нее показалось гигантское лицо мужчины-кя-чина. У него были остекленевшие глаза и отвисшая нижняя челюсть. Все его тело было ярко раскрашено. Я вскрикнула и проснулась, все еще дрожа. Звонил телефон.

* Слушаю! — сказала я хрипло в трубку.

* Привет, Линн, это Хаймейостс Сорм.

* Ох, привет, погоди минуту. Я так рада тебя слышать! Только что мне снился ужасный кошмар.

— Расскажи мне все по порядку, — продолжал он весело. Я уселась на кровати, включила свет и рассказала обо всем, что видела во сне.

— Ты собираешься в Канаду? — спросил Хаймейостс Сорм.

Живот свело от волнения. Кона прыгнула на постель и скрутилась у моих ног. Собака вся дрожала.

- * Я еще не решила. Но что ты скажешь насчет сна?
- * Сейчас я в Нью-Мехико, занимаюсь делами, — сказал Хаймейостс Сторм, игнорируя мой вопрос. — Но я все время думал о тебе — и сейчас понял почему. Ты должна понять, что *сновидящие* выбрали тебя. Помнишь тот клочок волчьей шерсти, что я дал тебе вместе с картой? Никогда не ложись спать без него. Возможно, иные силы, кроме *сновидящих*, пытаются дотянуться до тебя и причинить тебе вред. Волчий мех защитит тебя. Став охотником, ты сама превращаешься в объект охоты. Тебе нужно понять, что *воля* — это не тайна. Все очень просто. *Воля сновидит* равновесие и раскалывает череп. Что есть твои ночные видения и твоя боль, как не слабость твоей воли? Я должен уходить, я оставляю тебя в зеркале созидания, где ты сможешь соприкоснуться с мировым кругом.

С этими словами Хаймейостс Сторм повесил трубку.

Я продолжала тупо смотреть на телефонный аппарат, поражаясь неожиданному звонку. О чем говорил Хаймейостс Сторм? О воле? Я достала блокнот и записала его слова. Лишь поставив точку, я до конца поняла все то, что он хотел мне сказать. Где-то в глубине моего существа тлела искра. Она пыталась разгореться ярким пламенем, но я еще не была готова к этому. Я знала, что каким-то образом моя воля получила подкрепление. Теперь она будет вести меня по направлению к моей судьбе. Знала я и о том, что приближаюсь к пучине, о том, что мне предстоит нырнуть в невообразимые глубины. Я стала всхлипывать. И плакала, пока не забылась сном.

На следующее утро я проснулась с припухшими глазами засунула кусочек волчьего меха в старинный кожаный шаманский узел — один из экземпляров моей коллекции, — а гам узел положила рядом с собой, на ночной столик.

В четыре часа пополудни Иван вместе с Джоржем и Памелой Хелмстедами приехали ко мне, чтобы осмотреть «вигвам на Беверли-Хилс» — так Иван называл мою квартиру. Я долго показывала им мою коллекцию. Переходя от одного предмета к другому, я непрерывно рассказывала о своих впечатлениях от Канады — просто не могла остановиться. Хелмстеды слушали с вежливым вниманием, но Ивана, казалось, все это забавляло.

Мы вышли во внутренний дворик, выложенный кирпичом, и стали пить чай, закусывая пирожными.

—Зачем тебеучиться красть корзинку, Линн?—спросил Иван, надкусывая пирожное. — Почему бы не ограничиться кражей кулинарных рецептов, как это делают другие женщины? А пирожные — замечательные! — спешно прибавил он.

—Надеюсь, ты подавишься одним из них, — сказала я. Джорж и Памела захохотали.

* Будь эта корзинка в моем банке, ее невозможно было бы украсть,—самодовольно заявил Джорж.—Тебепридется иметь дело со всяким сбродом. Даже если тебе удастся похитить корзинку, у тебя ее тут же снова утащат.

* Наверное, больше всего меня прельщает во всем этом приключение и опасность. Впрочем, Агнес Быстрая Лосиха говорила, что я могу погибнуть, стремясь раздобыть свадебную корзинку, — мой собственный голос донесся до меня словно со стороны.

—Тебя действительно могут убить? — недоверчиво спросила Памела.

—Так говорит Агнес.

* Тогда забудь об этом. Ведь это всего лишь корзинка, — Памела сделала глоток чаю.

* Возможно, я попала под действие каких-то чар. Меня действительно словно околдовали. Кроме того, это непросто корзинка.

—Почему бы тебе не отправиться в Канаду и не спросить прямо, что хочет от тебя эта женщина? — спросил Иван.

А я отправлюсь вместе с тобой и посмотрю, не окажется ли эта так называемая «шаманка» обычной шарлатанкой. Что ты на это скажешь?

* Не знаю, как и поступить. Агнес Быстрая Лосиха сказала мне прямо, что со мной никого не должно быть.

* Она обманщица, — решительно заявил Иван.

Мы еще немного поболтали. Затем они отбыли, а я стала читать книгу со счастливым концом.

Вечером я села в машину и поехала в ресторан *LaFamiglia*, чтобы отужинать там с Арнольдом Шалмэном. Воздух был прохладен и насыщен запахом цветущего жасмина.

La Famiglia — место достаточно оживленное, и потому здесь бывает интересно. Кроме того, тут можно всласть наговориться вечером. Со стороны может показаться, что я готова просидеть за едой целую вечность, но это лучший способ провести время на людях в Лос-Анджелесе. В Риме или Париже можно просто ходить по улицам и чувствовать, что тебя везде окружают люди. В Лос-Анджелесе так не получится.

* Мы словно и не расставались, — сказала я Арнольду, как только нас усадили за столик, — ты уезжал куда-нибудь?

— О, я только что вернулся из перуанских джунглей, — ответил он, — знаю, это может показаться странным, но поехал я в Перу в поисках галлюциногена под названием «айахуаска». Индейцы называют его «вином смерти», а Вильям Буррофсзовет его «последним средством». Я нанял индейца-проводника, и он отвел меня к верховьям Амазонки, где цвет целитель-колдун. Мне говорили, что этого человека невозможно отыскать, но он единственный, кто может рассказать об этом. Мы прорубали себе путь через заросли. Пот лил с нас ручьями, и москиты пожирали нас живьем. Наконец мы добрались до селения, насчитывающего шесть соломенных хижин. Когда мы пришли, все люди были на охоте, кроме колдуна. Он сидел на высоком помосте в бейсбольной кепке и гавайской рубашке и улыбался.

— Ты, наверное, обалдел.

— Конечно. Он выглядел точь-в-точь как Индеец Кэйси Стенгл ^{Город}Творцов*. Очень стар. Очень тощ.

После того как человек примет *айахуаску*, он покидает свое тело. Пока он находится вне своего физического тела, целитель-колдун исследует его и находит причину болезни. Я надеялся принять участие в этой церемонии.

* И что же ты сделал?

* Я поговорил с ним через своего проводника, и он сказал, что я могу сесть на платформу напротив него и отведать вина

смерти. У колдуна был очень торжественный вид. Надвигалась ночь.

* Тебе было страшно?

* Конечно. Но когда я возвратился обратно и узнал, что *айахуаска* раз в пятьдесят сильнее кислоты [Город Творцов**](#), то испугался еще больше.

* Я именно об этом и слышала. Но разница состоит в целительских свойствах, верно?

—У них говорят «Либо убью, либо вылечу», — засмеялся Арнольд.

—Но это ужасно, Арнольд! Что же произошло потом? — Сначала я дал ему бутылку «Джека Дэниэлса» и прочие мелочи, затем мы уселись напротив импровизированного саркофага. В темноте трудно было что-либо увидеть. Горела только одна свеча. Я лишь сумел рассмотреть деревянную статую Девы Марии, амулеты, перья и маленькие пакетики, привязанные к лентам. Там также был сосуд из сухой выдолбленной тыквы, стоящий на палках. Старик завел перед ним песнопение. Наконец он погрузил в него половинку кокосового ореха, которой пользовался как ковшом, и передал ее мне. Жижа воняла как блевотина, но я заставил себя сделать глоток, затем вернул кокос старому колдуну, и он тоже проглотил свою дозу. Он сказал мне, что все это будет длиться около семи часов. Но когда на второй день взошло солнце, а я все еще летал, то понял, что со мной что-то не так. Арнольд захохотал. Мне же было не до смеха.

—Что же ты узнал? — спросила я.

—То, что я узнал, трудно передать словами. Скорее, это были просто переживания. С невероятной скоросгью я про носился над жизнями людей. Людей, которых я знал. Я видел, как они общаются между собой и делают свою обычную работу. Мне казалось, что я смотрю на них с некоего более значимого плана — из этого места вся наша реальность ка жется какой-то искусственной.

Несколько секунд мы хранили молчание. — Арнольд, надеюсь, ты делал всеэто не только для того, чтобы написать книгу?

Арнольд развернул салфетку и проказливо улыбнулся.

—Нет.

Тогда зачем? У тебя же есть все. Ты зарабатываешь кучу денег. Мне иногда кажется, что ты даже счастлив.

На какое-то мгновение Арнольд задумался.

Возможно, это то, о чем говорил Ницше: «Все, что не убивает меня, делает меня сильнее».

Арнольд минуту помолчал. Затем вопросительно поднял на меня глаза:

—Теперь давай поговорим о твоих приключениях. У тебя в глазах бегают чертики.

Я откусила кусок телятины. Помолчала. Все, что со мной происходило в Канаде, казалось не таким осязаемым, как галлюцинации Арнольда.

—Сейчас, когда я могу говорить об этом, я даже не знаю, с чего начать. У меня были повторяющиеся сны о встрече с женщиной по имени Агнес Быстрая Лосиха. Мнекажется, что я немного потеряла ориентацию в реальном мире.

И я начала рассказывать Арнольду, как я захотела раздобыть свадебную корзинку — словно одержимая. Думаю, что со стороны всеэто могло казаться пересказом ночного кошмара.

* Единственная вещь, которую я могу предъявить в доказательство того, что была там, — серьга. Я оставила ее дома, но как-нибудь я покажу ее тебе. Надеюсь, Арнольд, тебе все это не кажется полным бредом?

* Все в порядке, Линн! Что наша жизнь, как не вечный поиск?

* Думаю, ты прав.

* Но кое-чего я все же не понимаю. Что такое «свадебная корзинка», что она символизирует?

Я лишь могу передать тебе слова Агнес, — я взглянула в зеркало за спиной Арнольда и увидела в нем свою растерянную физиономию. — Агнес сказала мне, что корзинка сплетена *сновидящими* и символизирует невообразимую пустоту — женское лоно. Существует закон, согласно которому все вещи зарождаются в женщине, даже те вещи, какие изобретают мужчины. Все звезды рождены в пустоте, а пустота есть женщина. Сотворение мира придумали мужчины, чтобы уравновесить это. Ведь сказано: «Я помещу мужчину внутрь нее». В

каждом мужчине живет муза-женщина. Агнес Быстрая Лосиха говорит, что мужчины присвоили себе пустоту. По этой причине Мать-Земля утратила равновесие. Арнольд непонимающе уставился на меня:

- * Послушай, это настоящая корзинка или просто метафора?
- * Как я говорила тебе, я видела ее фотографию. Корзинка — реальная вещь. Это не метафора.
- * Могу ли я поехать с тобой в Канаду. Мне бы так хотелось встретиться с твоей шаманкой!
- * Мне бы тоже очень этого хотелось. Мне бы не было так страшно, окажись ты рядом.
- * Почему же я не могу отправиться туда?
- * Мне сказали, что это священное учение и я не могу брать с собой никого.

Арнольд посмотрел на меня загадочно и хлебнул из чашки свой кофе «экспрессо». Поставив чашку на стол, он сказал:

—Мне кажется, лучше иметь дело с Агнес Быстрой Лосихой и вином смерти, чем с большинством моих знакомых по студии.

Он засмеялся. Мы снова помолчали — каждый думал о своем. Затем я сделала глубокий вдох и сказала:

—Арнольд, меня так пугали все эти сны. Я должна отказаться от этого ужасного дела. Но не знаю как. Я просто разрываюсь на части. Если я поеду к Агнес, моя жизнь — моя старая жизнь — на этом закончится. А у меня здесь еще столько дел! Скоро должен начаться нью-йоркский аукцион. Многие люди зависят от меня. Я не могу просто-напросто отдаться прихоти и уехать! — я схватила стакан с вином и сделала большой глоток.

Линн, ты не можешь так просто отказаться от этого дела. В твоих снах заключены послания. Перестань быть идиоткой и подумай о том, что ты говоришь: аукционы, люди, которые от тебя зависят! Твой собственный страх — вот единственная причина, которая мешает тебе уехать! — Арнольд казался шокированным моими словами.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы:

— Все это убьет меня, Арнольд!

— Ну и что? Ты должна посмотреть в глаза судьбе.

Отправляйся на другую сторону. Ты *должна* поехать в Канаду, и тебе самой это прекрасно известно.

Я просто не могла признать правоту Арнольда.

—Нет, не известно.

Арнольд протянул руку и прикоснулся к моей руке.

— Послушай, разве ты не представляешь, какой редкий шанс тебе предоставился? Тебе вручили невероятный пода рок. Оглянись вокруг. Посмотри на эти лица — лучшие в Голливуде!

Я обвела быстрым взглядом толпу. В роскошной атмосфере *La Famiglia* посетители казались спокойными, уверенными в себе людьми.

* Чего они достигли в своей жизни? — спросил Арнольд, сжимая мне руку и улыбаясь. — И во что ты превратила свою жизнь? Но у тебя хоть появился шанс. Если тебе посчастливилось провалиться в одну из этих трещин судьбы, радуйся этому. Старайся зайти как можно дальше!

* Арнольд, я думала, что ты хочешь, чтобы я еще немного пожила.

* Нет, я хочу, чтобы ты *жила*. Жила *по-настоящему*. Ты должна выяснить, что означает вся эта одержимость. И бьюсь об заклад, что свадебная корзинка спасет тебя.

* Я тоже на это надеюсь.

* Завтра же вылетай самолетом в Канаду, — сказал Арнольд, когда мы вышли из ресторана, — мне уже не терпится услышать обо всем, что приключится с тобой там. Дашь знать о себе, как только вернешься... если, конечно, вернешься.

* Спасибо, Арнольд, — сказала я сквозь смех и поцеловала его на прощанье.

Я ехала домой с твердой решимостью сразу же позвонить в аэропорт, как только дойду до телефона. Но, доехав до Беверли-драйв, я стала припоминать все, что перенесла от Агнес и Руби. Неужели я просто дура, которая попалась на фокусы-покусы? Прибыв домой, я уселась в гостиной и глубоко задумалась, взвешивая все «за» и «против». Я сняла серьгу, сделанную из рога и бирюзы. Неужели я

надела ее, даже не заметив, как только вошла в дом? Это была единственная материальная часгь моего сна.

Приняв душ, я легла в постель, нарочно оставив серьгу на краю умывальника. Я оставила свет включенным, и мне приснился сон о *свадебной корзинке*. Я шла к ней, но, когда подошла совсем близко, на ее месте оказалась Агнес Быстрая Лосиха.

* Ты должна приехать. Время пришло.

* Да, — ответила я без колебаний.

Ее фигура растаяла в воздухе, и я продолжала спокойно спать.

Утром серьга оказалась в моем ухе — даже след на щеке остался. На этот раз я знала в точности, что серьга попала сюда необычным способом. Я смотрела на серьгу, покояшу на открытой ладони, и вспоминала сон. Агнес Быстрая я сказала что это — мост между моим и ее миром. Я сняла трубку и тут же заказала билет на самолет до Канады.

Существует закон, согласно которому все вещи зарождаются в женщине, даже те, которые изобретают мужчины.

* Агнес Быстрая Лосиха

Вид Кроули согрел мне сердце. Я припарковалась перед магазином, выключила мотор и вышла, громко хлопнув дверцей. Три индейских ребенка с черными волосами и круглыми лицами на секунду застыли, рассматривая меня, но тут же побежали по направлению к реке.

—Быстрее, быстрее, — кричали они.

Через дорогу у здания местной почты на скамейке сидели старики. Они объяснялись друг с другом, активно жестикулируя, и я подумала, что являюсь основным предметом их разговора. Решив не обращать на них никакого внимания, я толкнула стеклянную дверь и вошла в магазин. Бумажки на доске объявлений зашелестели, и я остановилась, разглядывая полки, уставленные дешевыми продуктами и металлической посудой.

Владелец магазина, одетый в рубашку, расшитую розами, стоял у стойки, сложив руки на животе. Он нервно заерзал на месте и сплюнул на пол остатки жевательного табака.

* Где у вас тунец? — спросила я.

* Вон там, — ответил хозяин, указывая куда-то в глубины магазина.

*

Я стала прохаживаться по магазину и складывать в сумку продукты: арахисовое масло, хлеб, желе и тому подобное.

* Ну как, нашли старуху Руби в тот раз? — спросил он, пока я рассматривала банку с яблочным соком.

* Да, нашла.

Его лицо оставалось непроницаемым, и он снова сплюнул табачную жвачку себе под ноги:

* Надеюсь, вы понимаете, что делаете.

* Да, понимаю.

—Мне тоже так кажется, — он наклонился вперед, облокотившись на прилавок, — не хочу пугать вас, но я бы на вашем месте проявил большую осторожность. Некоторые девушки, побывавшие там — я не имею в виду только белых; ведь среди них были и индианки, — так они вроде свихнулись. Я думал, что они знают, что делают, но потом, когда я встречался с ними, они казались мертвыми внутри. Такое случается не так уж редко. Не стоит валять дурака с такой женщиной, как Руби.

—Я вовсе не собираюсь «валять дурака» с Руби. Женщину, к которой я приехала в этот раз, зовут Агнес.

Казалось, от лица мужчины отхлынула вся кровь и он чуть было не поперхнулся своей жвачкой:

—Агнес Быстрая Лосиха?

— Да.

Он казался очень испуганным.

—Вы знаете ее? -Да.

Он вдруг выпрямился и, суя мне в руки блок сигарет, сказал извиняющимся тоном:

—Возьмите это. А насчет Руби, так это была просто шутка.

Меня поразила эта внезапная перемена. Простое упоминание имени Агнес заставило запаниковать этого немолодого индейца. Он вышел из-за стойки и направился к проходу, размахивая все тем же блоком сигарет.

— Бот, возьмите этот табак, — громко закричал он, вручая мне блок сигарет.

— Но я не курю, — сказала я запинаясь.

— О, ничего, ничего. Все равно возьмите. Ладно? — он был очень настойчив и пытался выдавить из себя улыбку.

— Спасибо, — ответила я недоуменно. Я совершенно не представляла, что я буду делать с сигаретами.

Затем я вспомнила, как Хаймейостс Сторм говорил мне, что табак почитается индейцами как священное средство. Я положила сигареты в сумку вместе с другими покупками, а хозяин вновь занял место у стойки.

Я бросила сумку с продуктами в багажник автомобиля, забралась на переднее сиденье и покатила по дороге. Ехала я медленно, чтобы успеть разглядеть простые хижины, старые автомобили и обветшалые здания.

Впереди замаячили две фигуры, идущие по краю дороги. Это были те самые парни, которые наблюдали за мной, когда я меняла колесо. Поравнявшись с ними, я опустила стекло.

* Подвезти? — спросила я. — Не забыли меня?

* Конечно же, мы тебя помним, — со смехом ответил тот, что повыше.

Они забрались на заднее сиденье и устроились там как ни в чем не бывало. Казалось, они ожидали, что именно я их подвезу.

* Как вас зовут? — спросила я.

* Его Бен, меня Драм, — ответил высокий парень.

— Бен и Драм, надо же! Я постоянно встречаюсь с вами. Молчание.

— Простой раз, ребята, я чуть не лопнула от злости, когда вы не захотели помочь мне сменить колесо.

Снова тишина. Бена и Драма нельзя было упрекнуть в болтливости.

* Как у вас дела?

* Отлично, — откликнулся Драм.

Воцарилась новая неловкая пауза, но меня отвлекал вид из окна. Я сделала большой глоток свежего воздуха и постепенно начала расслабляться.

Вдруг Драм, склонившись над спинкой переднего сиденья, прошептал:

* Линн, останови машину.

* Что? — спросила я, автоматически нажимая на тормоза. — А?

* Посмотри на меня, — продолжал он, — увидь меня, — он приложил ладонь к подбородку, словно собирался сдуть с нее пыль мне в лицо. — Я смотрю в лицо богине.

* Что ты несешь?

* Никогда прежде я не видел такой небесной красоты, — его глаза как-то странно заблестели.

Казалось, он вдувал в меня слова. Он не вторгался, нет, его выражение было бесстрастным. Ритм его речи казался знакомым.

—Это не кри, Линн, я говорю на древнем языке. Вникни в само сердце моих слов.

Однажды, восьмилетним ребенком, я наблюдала за тем, как работник зоомагазина кормит змею мышью. Маленький зверек понял, что его ждет, и, смирившись со своей участью, застыл за секунду до того, как змея прыгнула. Необъяснимые слова Драма несли в себе ответ на эту загадку: я тоже смирилась.

Для того чтобы выйти из этого состояния, мне пришлось собрать всю свою волю. Я начала кричать:

Прошу тебя, прекрати, прекрати!

Прекратить что? — Спросил Драм. Выражение его глаз изменилось.

Зеленый свет, леди, — сказал Бен.

Меня охватила дрожь. Я вновь выехала на дорогу. Машина шла рывками. Драм откинулся на сиденье, игнорируя меня.

Куда направляешься? — спросил Бен.

—К Агнес Быстрой Лосихе, — ответила я, — мне нужно будет оставить машину у Руби Много Вождей, а затем я доберусь до Агнес пешком.

Бен и Драм издевательски захохотали.

* Нет, этого не нужно делать, — заявил Бен. — Есть дорога, ведущая прямо к дому Агнес Быстрой Лосихи.

Где же она? Агнес никогда не говорила мне об этой дороге.

Драм снова наклонился вперед, опершись локтями о спинку моего сиденья:

—Конечно же, она не скажет тебе об этом. Она ни за что и времени дня не сообщит правильно. Она — ведьма. Всем это известно.

—Дорога начинается прямо здесь, — сказал Бен, куда-то указывая рукой, — сверни на нее, и ты окажешься не далее чем в сотне ярдов от ее хижины.

* Она не говорила мне об этом, — повторила я.

* Ух, эта старая карга! — воскликнул Драм, все еще опираясь о спинку. — Такая девушка, как ты, не может быть из наших мест. Откуда ты явилась?

—Бeverли-Хилс, Калифорния. Драм улыбнулся:

* Не там ли живут все голливудские кинозвезды?

* Некоторые живут.

* А ты сама не кинозвезда, случайно? — спросил Бен.

* Нет.

Драм снова откинулся назад.

* Думаю, ты должна возвратиться домой.

* Почему ты так говоришь?

* Да потому что последний белый цыпленок, который приезжал сюда, был найден привязанным к колу, вбитому в муравейник.

* Очень забавно, — ответила я.

* Стой, приехали. Мы хотим выйти у этой развилки.

Я свернула к обочине и затормозила. Бен и Драм стали выбираться из машины. Драм потоптался на месте у открытой дверцы.

* Мы живем в конце этой тропинки, — сказал он, — если тебе потребуется помощь или просто захочется нас навестить, приходи. Ради тебя мы готовы приструнить старуху Агнес.

* Да, мы приструним ее будь здоров! — захохотал Бен.

* Что ж, спасибо, — сказала я, — если она окажется ведьмой, я обязательно обращусь к вам за помощью.

—Мы работаем на белого человека, — продолжал Драм, — он очень умен. Ты должна повидаться с ним. Ему нравятся хорошенькие женщины, — он захлопнул дверцу. — И он им нравится тоже, — крикнул он вдогонку.

—Увидимся в резервации, — закричал Бен. — Не покупай деревянных бизонов.

Они вместе зашагали по тропинке, ведущей к далеким холмам, поросшим травой. Я еще просидела несколько минут при работающем двигателе. В животе у меня возникло странное ощущение. Вдруг передо мной предстало безумное лицо индейца, лопотавшего что-то на непонятном языке. В глазах у меня потемнело. Я потеряла сознание, и крылья смерти, казалось, зашелестели надо мной. Смерть была где-то рядом.

Придя в себя, я сделала глубокий вдох и повела машину дороге. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь ветровое стекло, казались теплыми. Дорога петляла между зелеными холмами и упиралась прямо в отвесный утес. Хижины нигде не было видно, но я заметила узкую тропинку, идущую вдоль подножия холма, и пошла по ней. Честно говоря, я и не надеялась, что она приведет к хижине Агнес.

И все же прямо подо мной появилась знакомая хижина. Из трубы вился дымок. Я пустилась бегом с холма, неслась почти в припрыжку и, завернув за угол, чуть не налетела прямо на Агнес. Она смерила меня строгим взглядом. В темных глазах — злость. Я остановилась как вкопанная.

* Эти двое молодчиков, с которыми ты сегодня беседовала, — ученики Рыжего Пса. Ты должна была рассказать мне о них еще в прошлый раз, после того, как подвезла их.

* Но как же я могла знать, что они могут представлять для тебя какой-то интерес?

* Бен и Драм пытались убить в тебе силу и обнаружили, что ты ею необладаешь. Во всяком случае, пока не обладаешь. Ты еще глупее, чем я думала. Ты совершила свою первую ошибку.

—Откуда тебе известно, что я подбросила их на машине? Не говоря ни слова, Агнес развернулась и побрела в хижину. Я уныло поплелась за ней.

—Сядь, — сказала она, выдвигая стул и указывая на него рукой.

Я села. Стол, стоящий передо мной, был покрыт всевозможными травами, которые Агнес начала увязывать в пучки.

—С таким же успехом ты могла бы отправиться прямо к Рыжему Псу и объявить о своем прибытии. Хорошо еще, что ты не забыла надеть сережку, а то бы они точно убили тебя.

На минуту я потеряла дар речи.

* Как бы они убили меня?

* Маги никогда не убивают собственноручно. Они делают так, чтобы люди сами убивали себя.

* Как это?

* Если маг возьмет в руки ружье и выстрелит в тебя, то потеряет свою силу. Он либо заставит тебя саму наложить на себя руки, либо сделает так, что тебя убьет кто-то другой.

Я рассказала Агнес о том, что произошло в машине между мной и Драмом.

* Ты можешь объяснить мне, что это было? — спросила я.

* Драм вспохминал тебя. Он возвратился к одному из твоих прошлых жизненных циклов или воплощений.

* О чем ты говоришь, Агнес?

* Драм пытался вернуть тебя в то время, когда ты еще не родилась. Ты бы не смогла возвратиться оттуда. Ты слишком слаба. Серьга, которая была в твоём ухе, заговорила с этим воспоминанием. Только поэтому тебя не унесло туда. Тебе просто повезло.

* Ты хочешь сказать, что Драм мог убить меня, просто поговорив со мной?

* Да, и это ему почти удалось. Ты должна проснуться и держать глаза открытыми. *Сновидящие* уверены, что в тебе есть сила, но я даже представить себе не могу, где она.

Энтузиазм, с которым я ждала приключений, вдруг начал иссякать.

Агнес встала и начала развешивать пучки травы над -рукомойником. Затем зачерпнула жестянкой воды из открытого ведра и выпила ее. Лишь после этого она вновь обернулась ко мне.

— Теперь расскажи мне с самого начала, что произошло между тобой и учениками Рыжего Пса.

Я рассказала все, что могла припомнить о том, как Бен и Драм подошли ко мне, когда я чинила колесо. О второй встрече я рассказала более подробно. Лицо Агнес не выражало никаких эмоций.

Но почему же ты не рассказала мне о дороге, ведущей к твоей хижине? — спросила я после того, как закончила делиться воспоминаниями.

Рассказать тебе? А ты и не догадываешься? Мы хотели, чтобы ты немножко поумнела, — ответила она, покачивая головой.

Когда мы вышли, чтобы разгрузить вещи, я заметила, что одна из дверец машины открыта.

—Обычно я не оставляю дверцы открытыми. Это странно, — замети лая.

Мы обошли машину, и я открыла багажник.

—Это что еще такое? — спросила Агнес Быстрая Лосиха, упираясь руками в бока.

Она холодно взирала на два чемодана, сумку с косметикой, надувные матрасы, спальный мешок и три сумки с продуктами. Она взяла в руки две сумки и блок сигарет, поставив все вещи одну на другую, так что поклажа уперлась ей в подбородок. Затем Агнес быстро зашагала по тропинке, а я побежала за ней, ухватив два чемодана. Оставив чемоданы в хижине, я отправилась за остальными вещами. Когда я снова возвратилась в хижину, то увидела, что Агнес выставила на стол два полугаллоновых контейнера с мороженым и что под ними расплзается коричневатая лужа. Агнес посмотрела на меня вопросительно.

* Откуда мне было знать, что мороженое так быстро растает?

* Ты — *васичу*, — сказала она.

Она взяла столовую ложку и стала подбирать жидкое мороженое прямо со стола. Затем она выбросила пакеты с остатками мороженого на улицу.

* Довольно вкусная штука, — сказала она, — собакам должна понравиться.

* У тебя что, нет холодильника или ледника?

— У меня был очень большой ледник прошлой зимой. Она надула мой матрас. Это заняло совсем мало времени.

Когда матрас был готов, Агнес положила его на пол параллельно своей кровати. Затем она раскатала мой спальный мешок и уложила его на матрас. Продукты были извлечены из сумки и аккуратно расставлены на полках. Когда все было сделано, Агнес сняла с колышка пальто и надела его.

— Я хочу, чтобы ты отвезла меня к дому Руби, мненужно забрать мою трещотку. Когда мы возвратимся оттуда, я поработаю с тобой. Моя трещотка обладает некоторой шаманской силой, а у тебя есть одна проблема, которую можно будет разрешить с ее помощью.

Но машина не заводилась.

— Похоже, тебе придется пройтись, — сказала Агнес Быстрая Лосиха, неотрывно глядя на какую-то незримую точку прямо перед собой (похоже, так индейцы всегда ведут себя, когда сидят в машинах). — Впрочем, ты можешь отправиться за ней и завтра. Надеюсь, за это время не произойдет ничего драматического. Вообще-то трещотка понадобится тебе очень скоро, но сейчас уже темно, а ночью эта дорога опасна. К тому же ты не привыкла гулять в темноте? Верно?

— Пройти этой дорогой в темноте? Мне самой? Зачем?, - такая перспектива пугала меня не на шутку.

— Что ж, не хочешь, тогда идем домой, — сказала она.

Мы возвратились назад в хижину. Агнес так и не сняла своего пальто.

Тебе придется остаться тут одной на ночь. Я должна пойти на встречу шаманов. А за трещоткой ты отправишься завтра поутру, когда я вернусь.

Остаться здесь? Одной?

— Да, иди в постель. Не забывай запереть дверь на засов хотя засов вряд ли можно назвать надежной защитой.

— Рыжий Пес иногда бродит здесь по ночам.

Я невольно вздрогнула.

— Жаль, что у нас нет с собой трещотки. Будь готова ко всему.

Я стояла у окна, наблюдая за тем, как фигура Агнес исчезает за холмом. Если что-то произойдет, у меня не будет возможности выбраться из этих мест иначе чем пешком. Я зажгла керосиновую лампу, мысленно похвалила себя за то, что догадалась захватить с собой книги и дневник, затем разделась и смыла с лица остатки косметики. Забравшись в мешок, я придвинула керосиновую лампу к себе поближе, раскрыла дневник и стала записывать свои впечатления.

Через некоторое время до меня донесся запах дыма. Печь начала издавать глухое шипение. Отложив дневник, я поежилась в своем теплом спальном мешке. Мысли вновь улетели куда-то вдаль.

Вдруг до меня дошло, что, если Рыжий Пес вздумает ворваться в хижину, я окажусь совершенно беспомощной в своем спальном мешке. Я тут же выбралась оттуда, оделась и уселась на расшатанный стул. В темном окне отражалось совиное крыло и трещотка, висящая на противоположной стене. Северное сияние то и дело озаряло небо — казалось где-то полыхает осажденный город. Деревья у окна — зловещие черные тени — раскачивались и скребли по стеклу в призрачном танце. Среди ветвей дерева, что росло рядом с хижинкой, кричала сова. Со своего места я могла отчетливо рассмотреть ее силуэт.

То и дело хижина сотрясалась от порывов ветра. Иногда слышались звуки падения каких-то предметов на жестяную крышу — наверное, это были сорванные ветром еловые шишки. Я вскакивала, как ужаленная, при каждом громком звуке. Северное сияние стало бледнеть, и тени, притаившиеся в углах, начали смыкаться вокруг меня плотным кольцом.

Я всегда любила эти вспышки света, но сейчас они несли с собой тревогу.

Я зажгла еще одну лампу, встала со стула и, громко топая, подошла к умывальнику, чтобы умыться холодной водой еще раз.

— Черт подери, что это еще такое? — громко сказала я.

Раздалось приглушенное рычание, а затем звук, который мог издавать лишь большой зверь, пробирающийся сквозь кустарник. Я сняла одежду и нырнула в защитную оболочку — теплый спальник

мешок. Не удовлетворенная всеми предпринятыми мерами предосторожности, я еще раз выползла из своего спальника, чтобы расставить керосиновые лампы по обе стороны от постели. Керосин в них подходил к концу, но я боялась отправляться на поиски запасов горючего. Вдалеке слышался вой волка или койота. Жуткий звук приближался. Ветер гремел жестью крыши. Казалось, он вот-вот сорвет и унесет ее. Хижина покачивалась и постанывала. Вдруг я увидела лицо мужчины, глядящего на меня через окно. Слышался хруст, словно собака поедала птичьи кости.

Обе лампы начали плеваться и мерцать.

— Агнес! — закричала я.

Лампы потухли: сначала одна, через минуту другая. Се-е сияние озарило дальнюю от окна стену, и я увидела, что из-под кровати Агнес на меня смотрят два глаза. Я забралась с головой в утробу своего спального мешка и мгновенно заснула, словно провалилась куда-то.

— Я знала, что тебе нужна *трещотка силы*. Поднимайся, ты идиотка. Дверь казалась открытой. Эти черти стащили твою одежду, — это были первые слова, какие я услышала при пробуждении. Затем Агнес разразилась недобрым смехом и продолжала: — Они забрали все, чем ты владела. Они забрали твою одежду, забрали твои харчи, они унесли с собой все.

Светлился из окон. Было раннее утро. Я вскочила на ноги и, стоя раздетой посреди комнаты, стала задавать бессвязные вопросы:

— Кто? Взял что?

Оба мои чемодана исчезли. Сумка с вырванной подкладкой валялась в центре комнаты. Кредитные карточки и деньги были разбросаны по полу. Даже косметичка, и та исчезла.

* О нет, нет, — застонала я.

По крайней мере, они не прихватили с собой ничего моего.

Сев за стол и обхватив голову руками, я осознала, что у меня отрезали толстую прядь волос. Я стремглав бросилась к маленькому зеркалу, висящему над умывальником.

Агнес хлопнула себя руками по бедрам и залилась смехом.

— Агнес, взгляни на мою прическу. Она испорчена. Испорчена безнадежно!

В ответ Агнес лишь ухмылялась.

— Кто мог обрезать волосы? Что произошло этой ночью? — я чувствовала себя как ребенок, который стоит в чем мать родила посреди комнаты, где полно взрослых. Слезы катились по моим щекам.

Агнес протянула мне старое вязаное платье, потрепанные джинсы невероятного размера и веревку, чтобы подвязать штаны. Кроссовки всю ночь пролежали у меня под головой, и я с радостью отметила, что они остались на месте.

* Почему? — спросила я, завязывая веревку на талии.

* Они нанесли тебе удар. Так Рыжий Пес старается унижить тебя, — она взяла в руку прядь моих волос, — если бы Рыжий Пес проделал бы это со мной, ему было бы чем гордиться. С тобой же он просто развлекался.

Агнес отпустила мои волосы.

* Рыжий Пес? — спросила я, глядя на Агнес широко открытыми глазами.

* Да, этот дрянной щенок. Когда-нибудь я выставлю для него яд как приманку.

* Ты хочешь сказать, что Рыжий Пес явился сюда посреди ночи и украл все это? — мои глаза невольно покосились на прочный железный засов на двери.

* Да, но, по крайней мере, он не перерезал тебе горло. Любой другой вор мог бы сделать и это.

— Но это ужасно, — воскликнула я, лишь сейчас начиная осознавать в полной мере положение, в котором очутилась. — Да я наложу на себя руки!

* Действительно, а почему бы и нет? — спросила Агнес Быстрая Лосиха с серьезным лицом.

* Конечно же, плевать ты хотела на все это!

* Нет, мне не безразлично — убив себя, ты не сможешь оправдать ожиданий *сновидящих*. А до всего остального мне... — она лишь пожала плечами, так и не окончив фразы.

Ты можешь либо убить себя, — продолжала она, чуть поостыв, — либо взглянуть в глаза фактам. А факты свидетельствуют о том, что ты

глупа. Теперь садись за стол и выпей чаю.

Я разозлилась по-настоящему:

Ладно, Агнес, все здесь говорят о каких-то *сновидящих*. По крайней мере, ты могла бы рассказать мне о них подробнее. Что такое *сновидящие* или кто такие *сновидящие*⁷. Мне кажется, я вправе это знать.

* Что ж, ты права, Линн. Теперь можно приступить к этой теме. Но слушай внимательно — это тайна, — Агнес Быстрая Лосиха уселась поудобнее и продолжала: — *Сновидящий* — это тот, кто знает, как проникнуть в священный круг и покинуть его по собственной воле.

* Что ты подразумеваешь под священным кругом?

— Их семь, этих священных кругов, и они находятся под контролем сил *качины*. Первый круг — это обычная повседневная жизнь, тот мир, который мы воспринимаем как само собой разумеющееся. Второй круг — это сон. Третий круг — это то, куда уходят *сновидящие*.

Агнес на минуту задумалась и продолжала:

* Я должна переводить с языка индейцев. Это называется *проходить в дверь между мирами*. Если мы останемся в них, то станем духами, и это будет называться смертью.

* Иными словами, *сновидящие* явились в мой второй круг и увели меня в пространство между мирами?

* Это верно, но у тебя еще недостаточно силы, чтобы запомнить что-то, кроме снов.

* Но почему же они являются ко мне?

* Да потому, что ты попросила о силе, осознанно или неосознанно.

* Иными словами, Агнес, «всегда думай, о чем просишь»? — я возвратилась в мыслях ко всем тем годам, которые я посвятила изучению мистицизма.

* Девочка, — сказала Агнес Быстрая Лосиха и, вдруг сменив гнев на милость, подлила мне чаю, — Рыжий Пес знает тебя. Он снова унижит тебя. Он хочет, чтобы ты убралась отсюда туда, откуда приехала. Потому отправляйся, не мешкая, к Руби Много

Вождей за трещоткой. Поспеши, пока Рыжий Пес не сделал чего-то худшего.

Мы выпили чаю и позавтракали.

* Помнишь ли ты дорогу к Руби? — спросила у меня Агнес.

* Да, — ответила я, — как я могу ее забыть!

* Ладно, а после всего того, что здесь стряслось, домой вернуться не хочется?

* Нет, — ответила я упрямо.

* Ну, тогда побереги свою задницу. Рыжий Пес хочет оседлать тебя и проехаться на тебе до самого города. Этот ночной трюк — всего лишь легкая шалость в сравнении с тем, что он может сделать с тобой.

Я громко сглотнула и откашлялась:

—А ты пойдешь со мной?

Агнес Быстрая Лосиха скрестила руки на груди:

—Давай поторапливайся!

Я вышла из хижины и быстро зашагала по направлению к жилищу Руби, удивляясь тому, каким незнакомым кажется мне ландшафт. Я прекрасно сознавала нелепость своего одеяния и громко рассмеялась, когда порыв ветра надул штанины моих непомерно широких джинсов. Концы веревки, повязанной вокруг талии, болтались возле колен и хлопали по ногам при каждом шаге. Я вспомнила о своей старой подруге Цирене и подумала о том, как бы та стала хохотать, узри она меня в таком виде. Но я тут же отогнала посторонние мысли. Мне нужно было следить за тем, чтобы моя голова оставалась ясной, чтобы усвоить как можно больше нового. Я побежала по тропинке, спускающейся к поросшему цветами берегу ручья. До меня доносился шум бурлящей воды, и я ловила блики, играющие между стволов тополей. Моя одежда до сих пор пахла дымом, и я вдыхала этот запах, наслаждаясь, словно это был тончайший аромат изысканных духов.

Я то шла, то бежала битый час по тропинке, пока передо мной не замаячила хижина Руби. Я остановилась. Мой желудок свело от воспоминаний и предчувствий.

Сделав первый шаг по направлению к хижине, я услышала звуки флейты. Их доносил до меня ветер. Чем ближе я подходила, тем громче становилась музыка.

На пороге сидела хрупкая девушка и играла на флейте. Волосы цвета вороньего крыла доходили ей до пояса. Я сразу заметила, что девушка очень красива, помахала ей рукой, но не получила ответа. Закричала — но та не отреагировала и продолжала играть.

—Красивая музыка, — громко сказала я, поравнявшись с крыльцом.

Девушка ничего не сказала на это и продолжала дуть в свою флейту.

—Эй! — крикнула я.

Опустившись на колени, я попыталась заглянуть ей в глаза, но девушка продолжала играть все ту же мелодию. Я помахала рукой перед красивым удлинённым лицом, но не добилась никакой реакции — пустые глаза продолжали смотреть в одну точку. Тело девушки было напряжённым и неподвижным, как камень. Мне вспомнились слова хозяина магазина, высказавшегося насчет того, что случается с посещающими Руби девушками.

Дверь хижины внезапно распахнулась, и оттуда вылегела Руби:

—Прекрати беспокоить ее. Это ни к чему хорошему не приведет!

Я невольно отпрянула.

—Не говори с Джули, она не может тебя понять.

Я желала лишь мира. Девушка продолжала смотреть прямо перед собой и беспрерывно выдувала из флейты все ту же мелодию.

* Чего тебе нужно, *васичу*?

* Агнес прислала меня за своей трещоткой.

* Какой еще трещоткой?

* Она сказала, что ей нужна трещотка, чтобы помочь мне.

* Мне не нужна ее чертова трещотка. Почему Агнес не явится за нею сама?

* Не знаю.

Руби смотрела на меня в упор. Брезгливое выражение не сходило с ее лица.

* Наверное, она имеет в виду *дождевую трещотку*. Она хочет

занять ее у меня. Не уверена, что эту трещотку стоит давать тебе. Это очень опасно.

* Но Агнес сказала, что ей нужна трещотка, — сказала я, запинаясь.

* Что ж, а ты уверена, что можешь так рисковать?

* Рисковать чем?

—Жизнью. Чем еще можно рисковать? Если *дождевая трещотка* прикоснется к матери-земле особым образом — считай себя покойницей. Если ее не успокоит тот-кто-знает-как, она вызовет духов, которые убьют тебя. Если я доверю тебе трещотку, а ты совершишь ошибку, никакие силы в этом не смогут спасти тебя от смерти. Ну как, согласна рискнуть?

— Агнес велела мне принести ее.

Безусловно, Руби не нравилась вся эта затея. Я поняла это по тому, как она отводила от меня глаза. И тут я вспомнила, что Руби слепа. Сейчас здесь было два человека, которые, казалось, не видят меня.

Джули продолжала играть на флейте, а Руби глядела куда-то вдаль.

—Я принесу тебе эту трещотку, — сказала она и удалилась в хижину.

Прошло довольно много времени.

—Вот она, — буркнула Руби, появляясь наконец на пороге, и швырнула мне трещотку.

Трещотка казалась очень старой и уже приобрела темно-коричневый цвет. Длинной она была около девяти дюймов и завершалась резной ручкой. Шар величиной с теннисный мяч красовался на другом конце, и я могла слышать, как внутри что-то перекачивается — судя по звуку, вроде семечки. Звук показался мне жутковатым.

Пока я изучала ее, Руби протянула руку и потрогала мою голову.

* Похоже, у тебя здесь нет волос, — сказала она со смехом, — кто учудил такое?

* Рыжий Пес.

Она разразилась приступом истерического смеха, похлопывая себя по ляжкам и сгибаясь пополам.

Да, Рыжий Пес настоящий грубиян, — наконец смог ла выдавить из себя Руби, утирая глаза. — А теперь послушай меня, — продолжала она, — я делаю Агнес большое одолже ние, давая возможность попользоваться этой трещоткой. Потому я хочу, чтобы ты взамен оказала мне маленькую услугу. Возьми с собой Джули и скажи Агнес, что я желаю чтобы она присмотрела за девчушкой пару деньков. Джули все еще играла на флейте.

—Конечно же, Руби, с удовольствием, — ответила я, - но прекратит ли она играть когда-нибудь?

—Никогда. И не вздумай отбирать у нее флейту. Это убьет ее. Эта музыка сводит меня с ума, вот почему я хочу чтобы Джули немного побыла с Агнес.

Звуки флейты лились, не прекращаясь.

—Ты можешь приказать ей идти со мной?

Руби рывком поставила Джули на ноги и заговорила с ней на языке кри.

—Она пойдет с тобой, — сказала Руби, оборачиваясь ко мне.

Старуха вынесла мне сандвич с арахисовым маслом и стакан сока и стала объяснять, как действовать; трещотка во что бы то ни стало должна оказаться в руках у Агнес до прихода темноты. Я попрощалась и вместе с Джули отправилась назад к дому Агнес.

Я прижимала трещотку к груди, обхватив ее обеими руками. Устала, но боялась останавливаться на отдых. Небо было серебристо-голубым, в воздухе уже не ощущалась утренняя прохлада. Я шла медленно, осторожно переставляя ноги — ведь главное не оступиться. Джули брела за мной, удерживая одну и ту же дистанцию, и беспрестанно наигрывала одну и ту же мелодию.

Солнце стояло высоко в небе, и у меня еще было полно времени. Я не опасалась, что смогу не поспеть к дому Агнес до темноты. В глубине души я начала подозревать Агнес и Руби в сговоре с целью выставить меня в роли деревенской дурочки. Какая такая сила могла заключаться в трещотке? Каким образом *дождевая трещотка* могла убить меня, коснувшись земли не так, как нужно? И почему же тогда Руби швырнула ее мне с крыльца так небрежно?

Музыка начинала действовать мне на нервы, а мышцы стало сводить от усталости. Ну нет, я совсем не так наивна, как они себе

представляют! Через мои руки прошло предметов силы больше, чем их повидал любой из моих знакомых в своей жизни. Я покупала и продавала их десятками. Сила таилась в их красоте — ведь во всякой красоте заключена сила. Но это была их единственная сила.

Через час я почувствовала, что у меня закружилась голова, и остановилась. Джули продолжала идти, наигрывая на флейте какой-то мотив. Постояв минуту, я пошла быстрее, чтобы догнать девушку. Ветер усиливался, песок и листья кружились в воздухе. Джули шла, словно погруженная в транс, то и дело спотыкаясь, но ни разу так и не взглянула себе под ноги. Она просто шла. Ее флейта не замолкала ни на секунду. От музыки невозможно было избавиться.

Звуки флейты стали раздражать меня, и я начала трясти трещоткой, перебрасывая ее из одной руки в другую. Когда мы с Джули начали пробираться по каменистой почве, я стала подбрасывать трещотку вверх и ловить ее на ходу. Нет, этим старухам не удастся сделать из меня полную дуру! Конечно же, существовал риск случайно уронить трещотку на землю, но он был совсем невелик. Я даже почувствовала искушение нарочно упустить ее из рук.

Вдруг я остановилась. Я вспомнила выстриженное место у меня на голове и поняла, что Руби могла и не лгать.

Ворона пролетела прямо над моим левым плечом и, усевшись на ветку, сложила крылья. Джули тоже остановилась и застыла у самого дерева, не отрывая флейту от уст.

— Идем же, Джули, — закричала я.

Джули никак не отреагировала на мой призыв.

Ворона распушила перья.

— Да собираешься ли ты идти?

Начинало смеркаться, а ведь Руби предупредила меня что, если я не отдам трещотку Агнес до наступления темноты дух *трещотки дождя уничтожит* меня. Джули, казалось, могла простоять под деревом целую вечность. Чувствовалось, что ворона притягивает ее к себе. Я подумала: если мне удастся заставить птицу улететь, девушка вновь будет послушно идти за мной.

Оглянувшись, я увидела несколько камней. Осторожно пятясь, я подошла к тому месту, где они лежали, и наклонилась, следя за тем,

чтобы трещотка не коснулась земли. Подняв камень, я запустила им в ворону. Он пролетел рядом с целью, но птица даже не пошевелилась. Я бросала все новые и новые камни, но ворона почти не реагировала на них. Когда камни пролетали совсем близко, птица делала несколько взмахов крыльями, взлетала в воздух, но тут же возвращалась на ветку. Наконец я устала от этой игры.

—Мы должны добраться до Агнес, — крикнула я, хватая Джули за рукав.

Она словно остолбенела.

—Джули, — заорала я изо всех сил, — неужели ты не понимаешь? Мы должны идти!

Она продолжала играть на флейте, а угольно-черные глаза оставались пустыми.

Ворона закаркала над головой.

—Черт бы подрал! Двигайся! — я дернула ее за руку изо всех сил, оступилась и упала навзничь. Трещотка вылетела из моих рук и покатилась по земле. Мне показалось, что сейчас придет конец всему.

Темная тень упала на землю. Холодный ветер пронизал меня до костей, а над головой прокатился первый удар грома.

Холодные капли дождя начали падать на землю. Молния колола небо на две части. Я подняла глаза вверх, на темные тучи, заслонившие от меня солнце. Погода испортилась внезапно. Мне даже показалось, что мой разум решил подшутить надо мной. Щеки Джули округлялись, когда она дула в свою дудку. Ворона прошлась по ветке и, взмахнув крыльями, звилась ввысь. Казалось, Джули вновь обрела способность передвигаться. Я развернула ее лицом к дому Агнес, и мы двинулись в нужном направлении. Я шла как оглушенная. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Я наклонилась и подняла трещотку. Ветер никак не унимался. С деревьев капало, но дождь прекратился. По небу бежали серые, недобрые облака.

Как только мы вышли из-под дерева, небо начало проясняться. Скоро оно стало почти безоблачным, лишь над тем местом, где я уронила трещотку, вздымался прямо к небу густой темно-серый столб тумана.

Флейта Джули продолжала издавать заунывные звуки. Наконец мы пришли к Агнес. Горизонт был залит кроваво-красными лучами закатившегося солнца. Агнес уже поджидала нас.

—Побыстрее дай мне *трещотку* дождя, — приказала она, — ты едва не погибла!

Мое сердце чуть было не выпрыгнуло из груди. Ухватив трещотку, Агнес тут же бросилась в хижину. Джули взобралась на крыльцо и,

прислонившись спиной к столбу, продолжала играть на флейте.

Когда я вошла в хижину, Агнес протянула мне ведро со словами:

—Иди, набери поскорее воды из ручья!

Вскоре я возвратилась в хижину с полным ведром.

—А теперь ешь, — распорядилась Агнес.

Я уселась за стол и начала есть. Агнес устроилась напротив.

—Теперь расскажи мне все, что произошло с тобой, не пропуская ни одной детали, — приказала она.

Выслушав до конца мой рассказ, Агнес поднялась со стула и обошла стол. Одним ловким движением она ухватила меня за шею и потянула вперед. Меня поразила огромная сила, таившаяся в этой женщине. Она крутанула меня за голову так, что мое лицо оказалось напротив корзинки, где лежала трещотка.

—Посмотри на нее, — сказала Агнес, медленно ослабляя хватку. — Не отворачивайся от нее, скажи, какое почтение ты испытываешь к ней.

* Ты хочешь, чтобы я поговорила с трещоткой?

* Да, хочу — ведь ты оскорбила ее.

Я совершенно потеряла присутствие духа из-за внезапной агрессивности Агнес. Ничего не соображая, я стала выкрикивать:

—Я извиняюсь, я испытываю почтение.

* Не надо извиняться. Просто прояви почтение, — сказала Агнес.

* Я испытываю почтение.

* Завтра можешь сходить к Руби и принести нужную трещотку.

Ты принесла мне *дождевую трещотку*, а мне нужна *Матушка-трещотка*. *Матушка-трещотка* сделана из панциря черепахи.

* Так что, мне придется проделать весь этот путь еще раз?

—Завтра. А сейчас отправляйся в постель. Заснула я под музыку флейты.

*Те дети, которые еще не родились,
— мертвы. Они внутри тебя, и они
плачут, не прекращая. Они проплакали*

*тысячелетья, там, где вечно
вращаются колеса тьмы.*

** Руби Много Вождей*

Мое медленное пробуждение началось. Но мне было так уютно и тепло! Что, если понежиться в мире сновидений еще немного? Сейчас слишком рано, чтобы вставать.

Тук, тук, тук...

Я услышала звук, словно кровельный лист болтался на ветру и стучал по крыше. В голове возникла мысль, что этот шум должен скоро прекратиться.

Тук, тук, тук...

Наконец я открыла глаза и уселась, издав при этом слабый стон. Веемой мышцы болели. Отвчерашней ходьбы ноги сводило судорогами. Я осмотрела хижину, надеясь обнаружить Агнес. Но дом был пуст.

Тук, тук, тук...

Снова этот звук.

Я выглянула во двор. Большая черная ворона с лоснящимися крыльями и яркими глазами стучала в окно своим мощным клювом, то и дело наклоняя голову и глядя прямо на меня.

Тук, тук, тук...

Неужели ворона просит меня пустить ее в дом? Обычно птицы боятся людей — особенно они боятся оказаться внутри помещения.

Тук, тук, тук...

Всем своим видом ворона выражала нетерпение.

Вдруг дверь хижины распахнулась и в комнату вошла Агнес с двумя поленьями в руках. Она засунула их по очереди в печь, наблюдая, как огонь охватывает каждое из них.

Тук, тук, тук...

Агнес обернулась и слегка наклонилась вперед, часто зацокав языком. Затем она открыла окно и расхохоталась, глядя на птицу, которая расхаживала по подоконнику вперед и назад с гордым видом невозмутимого джентльмена. Мне показалось, что ворона отвесила мне вежливый поклон. Затем она уккоризненно каркнула и

перелетела к столу в центре комнаты. Я засмеялась — так забавно выглядела птица.

* Это наша гостья, Ворона, — сказала Агнес. — Лини, познакомься с Вороной.

* Рада видеть тебя, — сказала я, — но мне кажется, она сердится на меня.

* Да, она действительно сердится. Она хотела попасть сюда, чтобы позавтракать, — сказала Агнес, протягивая птице кусочек вяленого мяса. Поев, ворона явно повеселела и стала как будто более покладистой.

Я вылезла из спального мешка, облачилась в новую одежду, сидящую на мне как мешок, и села за стол, чтобы присоединиться к трапезе. Попивая кофе и закусывая, мы то и дело протягивали нашей гостье кусочки поджаренного хлеба и бекона. Казалось, ворона была очень довольна нашим приемом.

—Эта старая разбойница приходит сюда позавтракать уже многие годы, — сказала Агнес Быстрая Лосиха. — Похоже, у нее аппетит получше, чем у меня.

Я почти совсем забыла о Джули, но тут до моих ушей донеслись заунывные звуки флейты.

—О нет, — сказала я, — это уж слишком.

Агнес закивала головой в знак согласия, и мы обе засмеялись. Джули действовала на нервы нам обеим.

Ворона перелетела на подоконник, зашагала по нему, а затем начала каркать.

—Я сыта [Город Творцов*](#), — заявила Агнес, глядя на гостью. Ворона вновь закаркала и полетела восвояси.

* Как ты можешь наесться ломтиком поджаренного хлеба и кусочком бекона? — спросила я. — Что до меня, то я совсем не наелась.

* Это выражение бытует среди моих соплеменников. Оно означает: «Я поел. Я сыт». Но оно вовсе не связано с пищей. Мы не рассыпаемся в благодарностях и не выражаем признательности друг другу по любому поводу. Единственную благодарность мы высказываем Великому Духу. Быть *сытым* —

значит *наполниться* изнутри тем, что мы все друг с другом разделяем. Это означает: «Мне хорошо». Мы обладаем лишь одним даром — способностью выбрать свою смерть. Ты часто говоришь «спасибо» людям своего мира. И эта благодарность — ложь. Мой совет: впредь никогда не лги. Ты можешь высказывать благодарность при совершении ритуала, но никогда не благодари человека, это лишает тебя силы. Лишь увидев Великий Дух в другом человеке, приноси благодарность Великому Духу. И забудь об иной благодарности.

— Но меня учили...

— Меня мало заботит все то, чему тебя учили. Тебя учили неправильно, — сказала Агнес, как отрезала.

Я раздумывала над ее словами, доедая свой кусочек хлеба.

— Ты умеешь ездить верхом? — неожиданно обратилась ко мне Агнес.

— Да, иногда я езжу на лошади, а почему ты спрашиваешь?

Агнес расхаживала по комнате, наводя порядок.

— Ты должна срочно принести трещотку от Руби. Я пройду с тобой немного, а дальше ты поедешь верхом.

Перспектива была интригующей. Быстро прихватив все со стола и выходя следом за Агнес на открытый воздух, я заговорила:

— Но я даже не представляла себе, что здесь есть лошади. Где они? Я не видела ни одной.

— Есть еще много вещей, которых ты не видела, Линн.

Агнес поставила тарелку с *джерки* рядом с Джули и прошептала ей что-то на ухо. Джули продолжала играть на флейте. Ее глаза были все так же неподвижны. Тело оставалось все таким же негнущимся и холодным. Девушка была так хрупка и одинока, а мелодия походила на птичий крик — призыв о помощи — или, скорее, на предупреждение об опасности. Музыка казалась все более грустной.

— Она поест позже, — сказала Агнес.

Затем она сделала мне знак следовать за ней и зашагала по тропинке, ведущей к дому Руби. Через некоторое время мы свернули с нее и пошли на юг. Идти стало труднее. Мы брели вдоль маленького ручейка с прозрачной сине-зеленой водой. Вся земля в этом месте была покрыта густой травой и клевером.

—Весной трава очень сочная, — сказала Агнес, — это хорошо для лошадей.

Я кивнула в знак согласия.

Всюду мельтешили кролики. Они шныряли под ногами, пищали, бросались наутек и прятались под камни. Я последовала за Агнес через прогалину, и вскоре мы вышли на зеленый луг.

—Это южное пастбище, — сказала она.

Она дала мне одно лассо, которое несла на правом плече, а второе оставила себе. Оно было очень красиво — очевидно, сплетено из черного и белого конского волоса.

Возле ручья стояли три упитанные лошади — два гнедых мерина и одна пегая кобыла. Все они при нашем приближении подняли головы как по команде, но тут же возобновили прерванную трапезу. Они подпустили нас к себе, и Агнес похлопала одного из мерин по шее. Его ноздри раздулись, и он стал бить копытами о землю.

—Возьмешь себе кобылу. Она послушная и надежная, и ты сможешь ехать на ней, куда захочешь. Ей нужна разминка.

Мы набросили лассо на шеи лошадям и подвели их к валуну. Агнес почесала лоб своему мерину, ухватила его за гриву и одним прыжком очутилась у него на спине. Проворство этой немолодой женщины поразило меня.

—Что ж, Агнес если это тебе удалось, мне удастся и подавно, — самонадеянно заявила я, прыгая на свою кобылу.

Но мои ноги зацепились за ее бока, и я упала навзничь. Земля оказалась твердой.

Прямо над собой я увидела Агнес верхом на неоседланной лошади. Индианка хохотала.

Гнедая смотрела прямо на меня, словно недоумевая, что вытворяет эта «белоглазая». Я поднялась и повторила попытку но опять шлепнулась на землю. После третьей попытки я отчаялась.

Сделай это более простым способом, — посоветовала мне Агнес.

Я подвела лошадь к валуну и просто влезла ей на спину. Агнес посмотрела на меня и вновь разразилась смехом.

* Конечно. Очень смешно! — сказала я обиженно, но тут же спросила: — А почему ты взобралась на лошадь с правой стороны?

* Потому что с левой стороны до недавнего времени индейцы цепляли шаманские щиты.

Какое-то время мы ехали молча, возвращаясь к тропе, ведущей к дому Руби. Мокасины Агнес то и дело дергались, когда она подгоняла своего мерина. Все движения старой индианки были наполнены огромной жизненной силой. Ее косы развевались на ветру. Лошади, все еще не сбросившие густой зимней шерсти, казались холеными и очень послушными. Они не знали, что такое подковы, но их копыта были в хорошем состоянии, а мышцы прекрасно развиты. Очевидно, кто-то объезжал их достаточно часто.

Я раскачивалась в такт шагам моей кобылы и расслабилась, наслаждаясь утром. Мы понеслись легким галопом через каньон, а затем поднялись к подножию скалы, держа свой путь на юг. Лошади раздули ноздри и застригли ушами, увидав маленькое стадо коров, пасущееся внизу.

Вокруг нас щебетали птицы, а высоко над головой кричали дикие гуси, летящие на юг. Ветер мягко кружил вокруг нас, и мы стали спускаться туда, где паслось стадо. Там мы слезли с лошадей и пустили их на лужайку щипать траву.

Сами мы сели прямо на землю и достали из сумки копченую рыбу и хлеб. Отсюда открывался прекрасный вид на лес и верхушки скал. В воздухе висела прозрачная дымка. Я отломала кусок хлеба и принялась жевать его.

Агнес обернулась ко мне. Ее лицо казалось красновато-коричневым на фоне зелени.

—Во что ты веришь, Линн?

Вопрос показался мне совершенно неожиданным.

* Во что я верю?

* Да, расскажи мне, — она улыбнулась мне, и ее глаза сверкнули каким-то особенным блеском.

—Ну, думаю, что верю в собственную честность... Агнес мягко рассмеялась. Положив на землю передо мной маленький камешек, она сказала:

—Ну, продолжай. Во что еще ты веришь?

—Еще я верю в то, что у меня хорошо получается то, чем я занимаюсь.

Хихикая, Агнес положила еще один камешек рядом с первым.

Я продолжала излагать ей свои политические и этические взгляды. Когда я окончила, передо мной возвышалась довольно большая кучка камней.

* Что все это означает? — спросила я, указывая на кучу.

* Эти камни символизируют твои убеждения. Существует круг мира и круг собственного «я». Эти круги подобны гнездам, в них ты чувствуешь себя очень комфортно. Но ты должна осознавать наличие этих гнезд. Ты должна видеть, что сидишь на этих камнях так, словно это яйца, а ты высиживаешь их. Ты должна понимать, что ты не свободна, пока не покинешь гнездо собственного невежества, — Агнес указала пальцем на камни. — Это твоё гнездо. Ты можешь провести всю оставшуюся жизнь, высиживая эти яйца, если, конечно, пожелаешь. Но они обозначат собой границы твоего опыта.

Она ударила по груде камней носком мокасины и продолжала:

— Но есть одно яйцо, которое необходимо высиживать. Оно находится в гармонии с Великим Духом. Это — священный камень в центре круга. Высиживай этот камень, и из него вылупится царь-птица — своими когтями она сумеет разорвать границы восприятия. Ты можешь не верить в это, но продолжай высиживать идею, что круг твоего «я» и круг всей Вселенной — едины. Ибо ты и есть та царь-птица, способная парить повсюду, не ведая преград. Только царь-птица строит истинное гнездо, не имеющее границ.

Агнес подняла один из камней:

* Это та часть тебя, которая верит в собственную честность. Но честным может быть лишь тот, кто разбил яйца правды и лжи. Ты заботишься о яйцах, как будто из них должны вылупиться дети истины, тогда как в них находятся птенцы лжи. Можешь ли ты выбросить из гнезда своих детей одного за другим?

* Нет, — ответила я, — мои убеждения отражают то, кем я являюсь. Они символизируют правду, которую я несу в себе. Как я могу выбросить их?

Должна суметь. Пойми, иначе ты не сможешь быть

* свободной. Иди же священной тропой и высиживай яйцо, не знающее границ.

* Я попытаюсь, — пообещала я.

* Повторяй про себя: «Мои убеждения еще не истина, несмотря на то что я свято верю в них».

Повторив это утверждение, я почувствовала растерянность. Взглянула на кучу камней. Их темная тяжесть ощущалась у меня внутри.

—Ладно, — сказала Агнес, стремительно поднимаясь, — меня очень заинтересовали твои политические воззрения. Я — отличный организатор. Существуют насущные проблемы, которые следует обсудить. Давай подумаем, как обустроить мир, чтобы в нем стало легче жить.

Я послушно побрела за ней через все поле. Агнес решительно направилась к стаду коров, забралась на большой валун и громко прокашлялась. Я не могла понять, что она задумала. Агнес взмахнула руками и совершенно неожиданно заговорила хорошо поставленным дикторским голосом.

—Коровы всего мира, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей!

Коровы продолжали жевать траву, даже не взглянув на ораторшу.

Агнес это ничуть не смутило, и она продолжала:

—Выслушайте меня, или вы погибнете. Они собираются съесть вас всех. В мире созрел страшный заговор.

Я сидела на траве, скрестив ноги, и, в отличие от коров, внимала каждому слову Агнес. Чем торжественнее она говорила, тем громче становилось коровье чавканье. Я почти зримо представляла улыбки, играющие на лицах ее воображаемых слушателей, и видела плакаты с лозунгами ее предвыборной платформы.

—Братья и сестры, никто из вас не представляет истинных масштабов нашего долга перед вами.

Я вынуждена была встать, чтобы уступить дорогу корове, которая усердно щипала траву и не замечала ничего вокруг.

—Вы отдаете нам все, не прося ничего взамен. И сейчас я задам вам главный вопрос, — Агнес выдержала паузу, драматически

закачавшись на своей трибуне, словно пыталась наглядно продемонстрировать непомерный груз ответственности, взваленный на ее плечи. Эта пародия на разглагольствующего политикана была столь уморительна, что и я не выдержала и залилась неудержимым смехом.

Знаете ли вы, что двуногие собираются съесть вас?

Коровы мира, прислушайтесь к моим словам, — Агнес сделала величавый жест. — Вы слепы и ничего не знаете о готовящемся заговоре. Где же ваши великие коровьи лидеры?

Она подняла в воздух сжатый кулак и продолжала с выражением решимости на лице:

Вы пропадете, если не станете внимать мне. Слушайте очень внимательно. Вы что, не знаете, что они собираются съесть вас?

Коровы замычали, словно их вдохновила непонятная речь>\

* Коровы мира, работая вместе, маршируя вместе, мы можем построить мир, где никто не посмеет вас угнетать, — стоящая на глыбе гранита Агнес подняла в воздух обе руки. От смеха у меня из глаз полились слезы.

* Может быть только один лидер, и этот лидер есть, — кричала Агнес, размахивая руками, словно пыталась перекрыть голосом грохот аплодисментов. — Двуногие сказали вам, что они умнее, но что их ум в сравнении с вашей мощью? Да они сущие щенки рядом с вами! Нам ясно, что вы нуждаетесь в новом вожде, и мы привели вам вождя, — Агнес указала на меня, поклонилась и жестом пригласила занять ее место на подиуме, а сама с проказливой улыбкой села рядом.

Во-первых, все вы должны в полной мере осознать нависшую над вами опасность, — начала я высокопарно и продолжила проникновенно, опустившись на колени: — Увы, вы даже не представляете всей серьезности своего положения. Я есть ваш спаситель, — тут я сделала короткую паузу, а затем продолжала: — У вас есть шанс свершить Этих мастеров воровского искусства никто не видел с древнейших времен.

Но все же существует несколько способов увидеть шестипалых. Для этого нужно съесть кое-что. Оно коричневое, с большой шляпкой, похожей на широкий вигвам. Мужчины съедали ножку,

вырывая священное растение с корнем. Но это им ничего не давало. Они лишь встречались с котом с яшмовыми глазами. Лишь высокий мужчина или высокая женщина, чья голова поднята высоко над землей, может принять снадобье знания. Но непозволь грибу обмануть тебя — это было главной ошибкой острова. Гриб оказался слишком высоким для них. Им пришлось выплевывать куски гриба, и земля возропала. Это привело к концу. Они ошиблись.

Счастливые дни Страны Воров продолжались долго, но пришел день, когда остров раскололся. Поднялись безжалостные смерч-суховеи. Весь остров закружился, закипел и ушел под воду. Все его жители погибли. Он так и не поднялся на поверхность, и мудрость расы была почти полностью утеряна.

Табак сможет научить их — они смогут увидеть радугу на воде. Это случится снова. Мужчины ничего не знают о ступенях, ведущих к алтарю. Но мой народ знает обо всем, что произошло, хотя многие говорят, что мы хотим крови. Наши алтари способны поведать обо всем, что грядет. Под нимись по священной лестнице, Линн, и пожертвуй табак коту. Пусть прогрохочут твои шаги по дороге, ведущей к священной горе. Упади, Линн, на кровоточащую землю — упади и зарыдай./

Я скажу тебе нечто важное, Линн. Эти островитяне не были готовы умереть, и потому их дух остался жить. Они умирали с именем Великого Духа на устах. Было слишком поздно, чтобы спасти островитян из кипящего озера. Но дух этих людей вознесся вверх как одно светящееся существо с шестью пальцами на каждой руке. Сейчас он ходит по земле.

Он - величайший вор. Иногда этот дух может являться нам во сне и класть силу в наши шаманские узлы. Если ты встретишься с ним, он сможет помочь тебе украсть *корзинку* у Рыжего Пса. Да, тебе очень повезет, если ты сможешь встретиться с Духом Страны Воров и если он согласится быть твоим проводником. Этот вор сможет стать твоим величайшим союзником. Если увидишь Великого Шестипалого в лунную ночь, тебе захочется запеть от радости. Прикоснись обеими руками к земле и похлопай себя по животу.

Агнес Быстрая Лосиха на минуту остановилась. Когда я спросила ее, правдива ли эта история, та с жаром сказала, что каждое слово в

ней — правда. Тогда я спросила ее о грибе, и Агнес ответила, что когда-нибудь расскажет об этом подробнее.

* А сейчас, Линн, — продолжала старая шаманка, — ты не должна забывать о Шестипалом на случай, если тебе доведется встретиться с ним. Потому я и рассказала тебе эту историю. Но есть и другая причина: тебе нужно побольше узнать о моем народе. Видишь ли, когда-то существовало много миров. Не так уж давно все было совсем другим. Все люди были заняты одним и тем же делом. Были скорняки, дубившие кожи и украшавшие их перьями и бусами, были люди, изготавливавшие трубки. Некоторые делали щиты. Были великие охотники и великие воины. Были великие целители. Но все они делали практически одно и то же. Ты понимаешь, о чем я, Линн?

* Думаю, да, — сказала я, поспешно записывая ее слова.

Единственное различие состояло в том, как мы это делали. Некоторые люди способны делать определенные вещи лучше других, но никто не любит делать одно и то же снова и снова. Когда удавалось уловить дух делания, мы оставляли все как есть. Мы рассказывали хорошую историю и оставляли ее. Мы пели хорошую песню и отпускали ее, чтобы она могла вернуться. Но было одно исключение — когда вещь обладала силой, мы оставляли ее у себя. Мы сохраняли знание.

Лагерь не был разделен. Женщины имели ту же власть, что и мужчины. Как я уже говорила тебе, женщина — источник всей силы. Были великие женщины-вожди и великие женщины-воины, сражавшиеся наравне с мужчинами.

Давай представим себе, что ты — великий воин того времени, Линн. Все узнают великого воина. Все говорят о тебе. Они говорят друг другу: «Линн сделала то и сделала это», «Линн рассчитала каждый свой шаг, каждый удар», «Линн украла то и украла это». Все великие воины знали друг друга. Существовали особые законы, согласно которым люди становились великими воинами, — на губах Агнес заиграла веселая улыбка. — А теперь представь себе, что ты великий воин наших дней.

Но сперва нужно вспомнить кое о чем. Было время, когда наш народ не знал лошадей. Земля была обширна, и людям приходилось

преодолевать огромные расстояния, чтобы пройти от одного лагеря к другому, — сотни, тысячи миль. Даже на лошади трудно преодолеть такие просторы. Человек очень уставал.

А теперь представь себе, что ты идешь в соседний лагерь, чтобы сразиться с Беном и Драмом. Но битва с тобой не доставит им никакого удовольствия, если ты устанешь в пути. Подумай, разве победа над утомленным воином принесет им славу? Конечно же, нет! Они хотят, чтобы ты была в своей лучшей форме, — тогда битва с тобой проставит их. Помни, каждый молодой воин мечтает сразиться с великим воином.

И вот племя принимает тебя. Ты живешь в особом вигваме, тебя кормят лучшей пищей и заботятся о твоём отдыхе. Все племя взбудоражено, все приходят посмотреть на Линн, великого воина. Я думаю, что это заменяло телевидение и радио в те времена.

На следующий день ты выходишь на битву с Драмом. На тебе твой лучший наряд. Твой боевой топор в порядке, нож заточен. Все племя, затаив дыхание, наблюдает за сражением. Твоя задача состоит не в том, чтобы убить Драма, ранить его или снять с него скальп. Ты хочешь унижить своего противника. Для этого нужно срезать пучок волос с его головы или сделать что-нибудь подобное, чтобы все увидели, что он трус. Ты вступаешь в схватку с Драмом. Ты проявляешь все свое мастерство. Все видят, что ты великий воин, что ты превосходишь Драма во всем. Ты легко можешь срезать сколько угодно косичек с его головы, но ты не делаешь даже этого. Ты разрезаешь его штаны и срезаешь волосы с его лобка. Все племя хохочет. Ты поворачиваешься спиной к Драму, давая ему возможность убить тебя. Но ты ведь знаешь, что он не станет делать этого. Он никогда уже не станет великим воином, если воспользуется моментом и нанесет удар в спину. Ни один человек не будет уважать его, если он совершит столь низкий поступок. На следующий день ты встречаешься в бою с Беном или другим воином, бросившим тебе вызов. Все это время ты остаешься во вражеском стане, где тебе оказывают лишь уважение и глубокое почтение.

Таков закон воина.

Но важно, чтобы ты узнала побольше о воровстве. Воровство сродни колдовству, и все подлинные маги прекрасно знают, как

красть силу. Сила может быть либо доверена тебе, либо украдена тобой, но в любом случае ты должна знать, как хранить ее. Существуют силы, с которыми маг умирает. Они возвращаются к истокам матери-земли. На земле есть немало сокрытых мест, где великие вожди танцуют, чтобы обрести силу. Там обитает дух мертвых воинов. Если тебе удастся найти одно из таких мест и захватить его дух, тогда ты обрешь силу умершего. Но для этого нужно стать великим воином. Где-то на матери-земле существует место, где такие великие люди, как Христос, Будда и Безумная Лошадь нашли свою силу. Если тебе дали силу, ты должна знать, как хранить ее. Если ты украла силу, то у тебя не должно возникнуть с ней никаких проблем. Если же ты наткнулась на силу, но не захотела взять ее, так как струсилa, — значит, ты не достойна быть магом. Теперь ты видишь, что для того, чтобы взять силу, тебе нужно иметь отважное сердце?

Первое, что должен украсть великий воин, — это мужчину или женщину. Тут нет никакой разницы. Как для мужчины, так и для женщины быть похищенным или похищенной великим воином — великая честь. Многие браки заключались именно так. Знай, что в те далекие дни, о которых идет речь, воинам запрещалось вступать в брак с членами его собственного племени.

Далее в списке предметов, предназначенных для воровства, значатся щиты, палицы, копья, луки и стрелы. Если великий воин мог украсть все эти предметы, он заслуживал еще большее почтение. Но сейчас я расскажу тебе о главном.

Как видишь, к силе ведет много дорог. Сила приходит из видений и снов, но ты сейчас понимаешь, что кража силы — дело чести. Для этого ты должна украсть священные шаманские щиты, другие шаманские орудия — одним словом, предметы силы. Но и после этого украденные вещи не принесут тебе никакой пользы, если ты не знаешь, как пользоваться ими. В неумелых руках они могут стать причиной несчастья. Это большой риск. А главная опасность состоит в самом акте воровства. Ведь обязанность хранителя предмета силы — убить вора. Но есть еще более опасные объекты воровства: песни силы и ритуалы. Если ты подслушаешь песню или подсмотришь за ритуалом, каждый член племени обязан убить тебя.

Воровство давало великому воину возможность проявить себя и стать шаманом. Небесные воины улыбались, когда великий воин крал силу.

Представь себе, что хочешь украсть у меня силу. Притворись, что ты сильнее меня и можешь вспомнить меня в прошлой жизни, так, как это сделал Драм, когда хотел убить тебя. Ты сможешь сделать это одним махом, применив всю свою шаманскую силу. Что же остается делать мне? Я — старуха, но это не оправдание. Ты сильнее меня, и я знаю об этом. Ко мне проявили почтение. И я начинаю рыдать, умоляя Великого Духа дать тебе еще больше силы. Ты уходишь из жилища врага, которого почтила своим вниманием. Шаманки всегда испытывают гордость, когда у них появляется последователь. Учителя хотят, чтобы их знание крали. Так было всегда. Так будет всегда. Старые традиции до сих пор живут в людях знания. Но сейчас со стороны все выглядит по-другому.

Старая традиция была хорошей традицией. Но все в мире изменилось внезапно. Говорят, что в дакотскую деревню пришел мужчина. Это был первый белый человек, явившийся сюда. Всех распирало любопытство. Никто не знал, что он такое — человек или не человек. Сперва пришли шаманы, чтобы посмотреть на него. Потом пришли вожди. Шаман, изучив его, сказал: «Возможно, он человек, а не дух. Просто он съел слишком много мела». Белый человек пытался объяснить всем, что он совсем обессилел от голода, что его живот вот-вот прирастет к спине из-за того, что он не ел много дней. Но на беду никто не понимал его слов.

Вождь сказал: «Если это человек, значит, он страдает от какой-то странной болезни. Она может оказаться заразной. Я не хочу, чтобы моя кожа потеряла цвет и я стал выглядеть так, как он. Кажется, он уже при смерти, что ж, убейте его. Если же он не человек, ваши копья и стрелы не причинят ему никакого вреда».

Всем казалось, что убить его означает проявить сострадание.

Но вот явились женщины, чтобы посмотреть на белого человека. Они сказали мужчинам своего племени: «Да вы что, не видите, он такой же человек, как и все вы? Но он может умереть с голоду. Дайте же ему нож, и пусть он отрежет для себя мяса с оленьей туши».

Должна сказать тебе, что в те дни жир был большой редкостью. Жир был самой дорогой и важной частью животного. Если человек не получал с пищей достаточно жира, он быстро умирал. Жир было трудно достать. И ценился он очень высоко.

Одна из женщин дала белому человеку нож и указала рукой на тушу, висевшую неподалеку. Белый человек бросился с ножом к оленю и срезал с его туши весь жир, потом он подбежал ко второй, третьей, четвертой туше и поступил с ними так же. Это был первый белый человек, которого видели в своей жизни дакотцы, и они прозвали его «васичу», что означает «тот-кто-берет-жир».

Шаманы долго глядели на человека, с чьих рук стекал олений жир. Потом они посмотрели друг на друга и поняли, что старая жизнь пришла к концу. И они были правы — пришли длинноножи и забрали гораздо больше, чем олений жир. Вот так пришел конец этому миру, и сейчас у нас новый мировой круг — тот круг, где много наций.

Шаманство осталось, но оно вынуждено было спрятаться. Хотя подлинное знание всегда было скрыто от посторонних. Оно открывается лишь тем, кто достоин его. Так должно быть всегда. Существует много тайн, хотя в наше время многие из них раскрываются. Рыжий Пес в совершенстве овладел этим тайным искусством. Он знает, как хранить силу, а главное, он знает, как красть ее. Он взял *свадебную корзинку*, разве не так? Вот что он говорит при этом: «Кто осмелится встретиться со мной? Кто одолеет меня? У кого достанет сил, чтобы отнять у меня свадебную корзинку?» В твоём мире обо всех великих ворах пишут в газетах. Верно, записывай все за мной. Может быть, ты когда-нибудь сможешь написать книгу о Рыжем Псе. Это заденет его за живое! Ему не понравится огласка. Он хочет вечно оставаться в тени. Научись видеть его. Ты принимаешь на веру слишком многое. Мир, который ты способна увидеть, — лишь краткая вспышка. Все остальное остается скрытым от тебя.

Что же такое шаманка? Мы, шаманки, — путешественницы по пространствам. Не заблудись в призмах вечности. Давай, думай животом! Две собаки стоят настороже в твоём животе. По-английски они зовутся ревностью и страхом. Один из псов-стражников

боязливо ревнив, другой же ревниво боязлив. Это магия, охраняющая тебя.

Продолжай использовать свою интуицию, иначе ты никогда не сможешь разрешить проблему на том уровне, где она возникла. Чтобы украсть *свадебную корзинку*, ты должна стать беспощадной преследовательницей. Будь хозяйкой своей судьбы — ведь ты чувствуешь необходимость проявить себя.

Сейчас ты идешь по священным горам, где пляшет медведь со стрелами с белым оперением. Ты слышала *сновидящих*. Эмоции рождаются тогда, когда ты связана с кем-то. Сейчас ты связана со *сновидящими*. Иди верной дорогой и стань целостной. Стань женщиной. В твоём мире женственность утрачена.

Агнес замолчала. Я прекратила писать и допила остатки чая. Я не знала, что и сказать. Агнес вышла наружу, и в хижину ворвался теплый солнечный свет. Я услышала, как поют птицы.

Агнес вновь появилась в дверях:

—Отложи в сторону свои записи и иди за мной.

Мы быстро пошли по тропинке и вскоре свернули налево, где раскинулся цветущий луг, покрытый желтыми цветами. Пчелы и кузнечики сновали по всей поляне, а солнце дарило свою улыбку всему миру. Агнес повелела мне провести остаток дня на лугу и при этом не отгораживаться от того, «что видишь».

Почти совсем стемнело, когда я услышала, что Агнес зовет меня к столу. Заслышав ее голос, я тут же побежала к хижине. Оттуда доносился замечательный запах еды.

Агнес поставила передо мной миску горячего супа, оказавшегося необычайно вкусным. Сумерки кружили по комнате серыми тенями, тая в себе угрозу для маленького, трепещущего язычка свечи. Тихий ветер ворвался сквозь открытую дверь. Агнес уселась на кровати и стала штопать старое пальто. Не глядя на меня, она спросила:

* Линн, чего ты хочешь на самом деле?

* А ты как думаешь? Конечно же, я хочу свадебную корзинку.

Агнес промолчала. Я отправила в рот последнюю каплю супа и отложила ложку. Агнес перестала орудовать иглой и посмотрела мне прямо в лицо.

Для того чтобы получить *свадебную корзинку*, ты должна сама статьместилищем для нее. Тебе нужно вспороть свою пустоту, чтобы энергия предмета твоего желания — в данном случае, *свадебной корзинки* — сама хлынула в твой живот. Ты должна стать всем тем, что желает она,—васничто не должно разделять. Если ты будешь думать о себе как об отдельной сущности, поток упрется в преграду и *корзинка* одолеет тебя.

Я не поняла ее слов:

* Как я смогу узнать, что вспорола свою пустоту?

* Ты просто осознаешь свою силу. Ты почувствуешь, что время пришло. Тебя не минует это.

—Агнес, я непонимаю твоей терминологии. Как я смогу выучиться всему этому?

—Ты здесь, чтобы учиться.

Агнес Быстрая Лосиха положила пальто в ящик комода, вышла на крыльцо и села на ступени. Налив в чашку чая, я последовала за ней. Агнес любовалась северным сиянием. Казалось, золотые и розовые огни сверкают на карнавале, который бушует сейчас на другом конце света. Я присела на крыльцо и стала любоваться игрой света, падающего на лицо этой странной женщины. Я испытала прилив огромной нежности. Ее лицо казалось мне предвестником большой боли, которую я должна буду испытать, когда моя жизнь подойдет к концу. Я не могла объяснить себе, что именно изменилось, но я отчетливо осознавала, что стала совершенно другой за несколько последних месяцев. Это напоминало влюбленность.

—Сегодня ночью предки вручат тебе главный подарок. Я собираюсь рассказать тебе о магии, — Агнес постучала по доскам крыльца, приглашая меня придвинуться к ней поближе. — Если бы ты была зверем, то каким?

Меня смутил ее вопрос:

—Ты всегда задаешь мне вопросы, на которые так трудно найти ответ.

Задумавшись на минуту, я продолжала:

—Мне всегда нравились лошади, возможно, еще и олени.

Агнес улыбнулась.

—Ты — черный волк, — сказала она.

Проследив за моей реакцией, она вытянула руку и прикоснулась к моему лбу.

—Проснись внутри, — она отняла руку от моей головы. Прикосновение ее пальцев вызвало странные ощущения во всем моем теле.

—Ты черный волк, а не белый, потому что одета в черный плащ созерцания. Будь ты белым волком, ты бы казалась более открытой, более откровенной. Ты блуждаешь по лесам сама по себе, а затем возвращаешься в стаю и, свернувшись калачиком на солнце, думаешь о том, что уви дела. Ты — одинокий волк, который боится своего одиночества. Я расскажу тебе одну историю.

В начале времен, когда мир только создавался, вожди послали волчат определить границы мира. Обойдя все тропы мира, волчата возвратились и сказали: «Таким мир был. А вот каков мир есть». Волчья магия — это мера. Волки могут быть хорошими математиками, если они того захотят. С этой твоей магией тебя никто не обманет, так как волки знают все тропы мира. Это сильная, гипнотическая магия.

Вот тебе пример: каждое утро волк ходит на водопой. Там, в воде, он видит гусей — свой завтрак — и начинает плясать на берегу. Гуси заворочены его танцем. Они подплывают к берегу, чтобы полюбоваться танцующим волком. Когда гуси подплывают на расстояние прыжка, волк бросается в воду и убивает столько гусей, сколько ему нужно их съесть на завтрак. Его магия очень опасна. Охотнику очень повезет, если ему удастся поймать в силки или убить хотя бы одного волка. Волк рассказывает другим волкам о замыслах охотника. Если бы ты была охотником, то не смогла бы убить волка. Ты не можешь убить свою собственную магию. Но если ты сделаешь это — тебе не миновать беды.

Волки организовали первую школу. Они были первыми учителями. Волк живет по законам, которые делают его стаю сильной. Он приносит пищу больным и старым, он обучает молодняк, он охраняет свою территорию, не допуская туда других волков. Он берет след, как ни один другой зверь, его выносливость кажется безграничной, и он может обходиться без пищи очень долгое время. Волк — это великая магия. И ты должна помнить, что не я выбрала для тебя волка. Ты есть волк.

Агнес откинулась на перила.

* Теперь я начинаю понимать. Ты затронула нечто, скрытое в глубине моего существа, — сказала я. — Теперь я чувствую себя каким-то волком. Да, я люблю открывать новые пути, и я чувствую, как новое осознание зарождается в центре моего существа. Наверное, Хаймейостс Сторм знал о моей магии — ведь он дал мне кусочек волчьего меха. Какова же цель моей магии?

* Цель магии — сила. Ты идешь к психиатру, и он говорит, что в твоей голове все перепуталось. Что делает он, чтобы помочь тебе? Он заставляет тебя заглянуть внутрь себя, узнать побольше о собственном характере. Но индейцы тысячелетиями наблюдали за своими четвероногими и двукрылыми братьями. Мы знаем свою родню. Когда я говорю: «Ты — черный волк», ты, заглянув в свою душу, понимаешь, что я права. Осознав силу черного волка, ты обретаешь ее. Всякая магия хороша, всякая магия обладает силой. Белые люди любят говорить себе: «Я не змея. Я не белка. Я — важная шишка». Они изолируют себя от всего мира, и в этом их трагедия.

Какую-то минуту Агнес молча глядела на меня. В ее глазах отражались огни северного сияния. Мой мозг жадно впитывал новую информацию. Я достала из кармана кусочек волчьего меха и помяла его в руке. Мех был мягким. Внезапно Агнес Быстрая Лосиха поднялась на ноги. Мы вошли в хижину, не говоря друг другу ни слова.

* Приберись в хижине, — обратилась ко мне Агнес. — Руби и Джули будут здесь с минуты на минуту. Мы собираемся попариться все вместе. Вон там, в парилке, что стоит ниже по ручью. Тебе предстоит еще многому научиться.

* Зачем нам нужна баня? — спросила я, немного нервничая.

—Я как раз собиралась рассказать тебе об этом. Эта тема прямо связана с тем, о чем я уже говорила. Пот нужен для того, чтобы очистить тело и дух, чтобы легче было слиться с Великим Духом. Я хочу, чтобы сегодня ночью ты прислушалась к своей магии — к

черному волку, что скрыт в тебе. Очищение поможет тебе возродиться, и ты получишь наставника.

Агнес еще некоторое время рассказывала о прелестях парилки.

—Мы должны поторопиться, — заявила она. — Если ты действительно собираешься украсть *корзинку* у Рыжего Пса, то должна попытаться сделать это сегодня ночью. После бани, когда твой дух очистится, я раскрашу твое тело особым образом, и мы спляшем твой танец, посвященный миру духов. Ты преобразишься и станешь единым целым со своей магией, познаешь ее силу. Ты будешь танцевать в особом месте, и место это изменится от твоей волчьей энергии. Оно станет твоим местом силы. Подумай об этом: если ты действительно желаешь обрести силу, то должна подчиниться закону.

Мы вышли наружу. В небе оранжевым, зеленым и бледно-голубым светом переливалось северное сияние. Издалека доносились звуки флейты. Вскоре на тропинке замаячили темные силуэты двух женщин — молодой и старой.

—Я чуть совсем не забыла о бане. Ну, вот мы и пришли, — раздался голос Руби у моего уха.

Казалось, долгий путь ее совершенно не утомил. Я испытывала какую-то неловкость в ее присутствии.

Агнес собрала нас вместе, словно курица цыплят, и указала нам в сторону Ручья Мертвеца. Я взяла из машины полотенце. Воздух был насыщен влагой.

Руби и Агнес, хихикая, устремились вперед. Джули семенила позади. Вдалеке я увидела холмик, о существовании которого раные не подозревала. Когда мы подошли к нему вплотную, Агнес приказала мне присесть и хранить молчание.

—Просто наблюдай, как мы разводим огонь и разогреем камни. Вообрази, что это вечный огонь. Мы разведем его в священном ритуале. Этот огонь очистит нас и приблизит к истоку силы. Сядь, как велит священный ритуал, и дожди дайся видений.

Агнес оставила меня сидеть на земле у ручья.

Я видела, как Руби кладет флейту Джули рядом с кисетом Агнес. К моему удивлению, Джули стала очень спокойной и покорной. Мы сидели с ней бок о бок на лесной опушке. Северное сияние поблекло,

и на небе проступили звезды, словно кристаллы чистейшего льда. Сейчас, когда огонь затрещал, тьма показалась еще более густой. Огромные желтые и оранжевые языки пламени взметнулись в ночь. Воздух сгустился и стал тяжелым. Агнес сидела возле огня. Ее лицо купалось в оранжевом свете. Она стала медленно бить в барабан и петь песню. Она пела очень долго, затем стала молиться у огня.

Через несколько минут Руби сказала: «Хо!» Агнес подошла к холмику и положила на землю набитую трубку. Под ее руководством я и Джули сбросили с себя одежду и вошли в баню. Нам пришлось низко нагнуться, так как высота входа была не более четырех футов от земли. Войдя внутрь, мы вознесли молитву Великому Духу. Агнес молилась вслух, и мы стали обходить баню по ходу солнца. Затем я села у двери напротив Агнес. Некоторое время все мы хранили молчание. Воздух благоухал шалфеем.

Когда-то Агнес учила меня не быть ограниченной, думать о высоком и всегда помнить о добре, лежащем в основе всех вещей. Сидя во тьме, я решила следовать этому совету. Свет проникал в помещение лишь через дверной проем. Языки пламени с треском рвались ввысь. Руби развела великолепный костер. Она протянула мне трубку, и я положила ее перед собой так, что мундштук был направлен на запад. Так научила меня Агнес. Палкой с расщепленным концом Руби стала подталкивать горячий камень к центру бани, туда, где находился врытый в землю алтарь. Коленями я почти касалась его.

Руби произнесла что-то на языке кри.

Агнес Быстрая Лосиха сказала, чтобы я притронулась к камню чубуком трубки, после чего все мы воздали благодарность на кри.

Руби вкатила еще несколько камней — по одному для каждой части света, один для земли, один для неба. Агнес приказала мне протянуть трубку к небу, к земле, а затем, поочередно, ко всем четырем частям света. После этого я раскурила ее. Сделав несколько затяжек и омыв дымом все тело, я протянула трубку Джули, которая сидела слева от меня. Она затянулась и передала трубку Агнес. Та сделала несколько затяжек, и трубка вновь возвратилась ко мне. Агнес приказала очистить трубку и вытряхнуть пепел у края священного алтаря. Затем я передала трубку ей. Подержав трубку над

алтарем (мундштук обращен на запад), Агнес двинулась по священному пути и вручила ее стоящей у дверей Руби.

От камней, лежащих в центре бани, исходил красноватый свет. Помещение было небольшим — восемь футов в ширину — и напоминало плетеную корзину, покрытую шкурами. Вдруг Руби задвинула полог и завесила вход одеялом. Мы полностью погрузились во тьму — ту тьму, которая, по словам Агнес, символизировала невежество, царившее в наших душах. Очистившись, мы должны будем выбраться из тьмы на свет.

Я услышала голос Агнес Быстрой Лосихи:

—Во время ритуала полог будет распахиваться четыре раза, чтобы напомнить о том свете, который освещал нас на протяжении четырех эпох.

И она начала читать на кри длинную молитву.

—Подземные молнии, кроты! — прокричала она. Затем шаманка четырежды брызнула на камни водой из деревянной чашки и стала молиться предкам.

Пахучий пар с шипением поднимался кольцами к потолку. В бане стало по-настоящему жарко, и меня придавила тьма — воздух был густым, темным и тяжелым. Агнес воззвала к Виски Джеку, или Небу Яркой Утренней Звезды. После этого она еще четыре раза разбрызгала воду на камнях. Я засунула голову между колен — так мне было легче дышать. Агнес воззвала к радугам, орлам и затянула мелодичную песню-просьбу. Песня была насыщена эмоциями. Внезапно я разразилась плачем. Я думала, что жар, достигнув определенного уровня, перестанет расти. Но не тут-то было. Воздух разогревался все больше, и мне показалось, что дальше выдержать невозможно. Мне чудилось, что раскаленные камни — это светящиеся глаза, глядящие на нас из глубин земли. Агнес воззвала к силам перемен — к оленю — и еще четыре раза окропила камни водой. Я услышала свой собственный голос, произносящий молитву. Ручейки пота стекали с головы и заливали глаза. Я слилась с жаром в единое целое.

Руби отдернула в сторону полог и сбросила одеяло. Порыв прохладного воздуха окутал нас. Свет костра отбрасывал причудливые, танцующие вспышки на дальнюю стену бани. Свет,

столь внезапно разрушивший тьму, испугал меня, но я испытала благодарность за глоток свежего воздуха. Агнес пустила по кругу чашу с водой, и мы совершили омовение. Я чувствовала себя смиренной и благодарной.

Полог вновь задернули, и я услышала, как Джули переворачивается с боку на бок, бормоча что-то тихо себеподнос. Затем послышались ее безудержные рыдания. Я стала думать обо всей той боли, которая существует в мире. Мое лицо заливал пот... или это уже были слезы? Я задыхалась. Меня затягивала черная дыра грусти и одиночества. В воздухе расходилась кругами и мерцала дымка.

— Лини, — обратилась ко мне Агнес Быстрая Лосиха, — ты явилась сюда как радужный воин. Ты есть мост между миром индейцев и миром белых людей. Ты — мост, переброшенный на большой Черепаший Остров. Познав себя, ты узнаешь свой путь. Узнав свой путь, ты познаешь власть. Когда ты познаешь власть, то сможешь увидеть дух. Увидев дух, ты научишься видеть людей.

Затем она стала учить меня вызывать волка — моей магии. Наконец она сказала:

Я научу тебя твоей песне. Слушай ее и пой со мной.

Я начала петь, закрыв глаза. Казалось, что позади сомкнутых век вращаются зеленые и голубые круги. Они поворачивались то влево, то вправо и наконец загипнотизировали меня. Перед моим мысленным взором возникло видение. Я нахожусь у хижины, а передо мной стоит старуха с маленькой девочкой.

* Как ты появилась здесь? — спрашиваю я. — И кто ты такая?

* Все пути ведут назад, к центру, и дух един, — видение исчезает, и в бане вновь воцаряется тьма.

Я слышу, как Агнес спрашивает меня:

—Что ты видела? Где ты была? Я рассказала ей о видении.

—Да, все пути, все религии ведут назад, к центру. Войди в добро.

* Но я не понимаю, кто эта старая женщина и эта маленькая девочка?

* Они — сама волчья магия.

* Что все это значит?

Ну, скажем так, дочь моя: любовь — хороший поводырь. Знание — хороший поводырь. Щедрость — хороший поводырь. Самообразование — хороший поводырь. Я не обязана *верить* в грусть — я *знаю*, когда грущу. Я не обязана верить в любовь — я *знаю*, когда люблю. Я не обязана верить в радость — я *знаю*, когда радуюсь. Чтобы быть здесь, я нахожусь здесь. Поэтому не верь, что ты всего лишь человек. Ты знаешь себя. Есть множество магий.

—От твоих слов мне становится хорошо, Агнес но не все они укладываются у меня в голове.

—У тебя когда-то был ребенок, Линн. -Да.

—Тебе не нужно было *понимать*, что ты беременна. Твоя девочка находилась во всем твоём существе, а не только в мозгу. Пусть же она родится.

Я ощутила себя совершенно беспомощной, словно была связана веревками по рукам ногам. Я не могла пошевелиться. Мне захотелось закричать и убежать от этого невыносимого жара и тесноты. Но я сдержалась, и тогда, словно по волшебству, во мне открылось дыхание тьмы. Жар камней пульсировал в такт с сердцем. Тело, казалось, начало плавиться, а руки сжались в кулаки. Я старалась разжать пальцы, но они скрючились, словно когти, и отказывались подчиняться моей воле. Моя спина выгнулась, плечи ссутулились, голова моталась из стороны в сторону, а когда я заморгала, то почувствовала, что лицо застыло, словно маска. Губы выгнулись уголками вверх, обнажая зубы. Я оскалилась — все барьеры рухнули. У себя на животе я ощутила короткую мягкую шерсть. Я превратилась в первобытную волчицу. Откинув голову назад, я беззвучно завывала.

Агнес что-то тихо говорила на языке кри. Я не могла понять значения ее слов, но знала, что она хочет успокоить меня.

Полог вновь раздвинулся и тут же запахнулся. Я была одержима духом волка. У меня не осталось никаких других кроме волчьих. Я наклонилась над своими волчатами, длящими и повизгивающими в темном лабиринте волчь-логова. Я утратила все ощущения. Помню только, как слышала журчанье ручья. Возле меня сидела Агнес.

— Ты получила благословение этой ночью, Линн, — сказала она, — твоя волчья магия очень сильна. Меня затрясло от страха: Я не

могла разжать пальцы. Тогда я была настоящей волчицей.

— Не волнуйся. Я рада за тебя, — сказала Агнес. — *Сновидящие* были правы — из тебя получится прекрасная охотница за *свадебной корзинкой*.

Я медленно возвращалась к жизни. Волосы на моей голове перепутались и слиплись. Агнес укутала мои плечи теплым одеялом, от которого исходил запах кедра. Шум ручья звучал все громче, все отчетливее. Я начала подниматься, но Агнес остановила меня.

— Побудь здесь еще немного.

Агнес подошла к Руби, сидящей у костра. Затем они вдвоем стали бить в барабан. Во мраке я могла различить лишь силуэты.

Серебряный серп молодого месяца взошел над холмами, его свет мягко разливался по небу. Джули сейчас сидела у ручья, наблюдая за серебристыми отражениями, пляшущими в воде. Воздух был пронизан ароматом ночных цветов.

— Идем же, — сказала Агнес, обращаясь ко мне. — Сейчас мы поужинаем в хижине, а после подготовим тебя к танцу.

Мы тут же стали карабкаться вверх по тропе. Я старалась не отставать от женщин, забыв о своей усталости.

— Что ты сказала, Агнес? Я еще должна готовиться к танцу?

Агнес отмахнулась от меня, буркнув «Да», и я остановилась, чтобы дождаться играющую на флейте Джули.

Подкрепившись, я прилегла отдохнуть. Агнес и Руби вышли из хижины, но я не сразу заметила это, отдавшись убаюкивающим порывам ветра. Мне снилось, что я попала в огромную свадебную корзинку и не могу выбраться оттуда. Каждый раз, вскарабкавшись на ее стенку, я сползала вниз.

— Проснись! — услышала я над ухом голос Агнес, которая трясла меня за плечи.

Я была рада очнуться от этого сна.

— Корзинка! Она вновь мне снилась!

— Я так и знала, что тебе что-то снится. У тебя был очень смешной вид, — сказала Агнес, улыбаясь.

Руби тоже склонилась надо мной. Она улыбалась, а весь ее вид выражал любопытство. Меня всю передернуло от этого зрелища —

Руби никогда прежде не улыбалась мне. Улыбка казалась чем-то невообразимым на этом сморщенном лице.

Агнес, взяв меня за руку, вытянула на двор. Похоже, было далеко за полночь.

—Это твоя священная ночь. Настройся на священный лад, как я учила тебя, и мы скоро отправимся на поиск силы. Послушай, как поют твои сестры, а я скоро вернусь.

Агнес ушла в хижину, и я осталась одна. Вдалеке за холмами выли койоты. Джули спала, прислонясь к перилам. Я различала лишь смутные силуэты деревьев, покачивающихся на ветру. Присев на крыльцо, я стала ждать.

Агнес и Руби вышли из хижины через несколько минут. Все вместе мы отправились через густой низкорослый кедровник, а затем резко свернули направо у больших камней, возвышавшихся над нами. Тишину ночи нарушал лишь шум перекатывающейся под нашими ногами гальки. Узкая тропинка петляла между валунами. У меня кружилась голова, и я струдом ориентировалась в пространстве. Руби и Агнесшли пе-то рядом — я могла слышать их дыхание.

Вскоре мы вышли на равнину. Сам воздух пах здесь как-то иначе. Я поняла, что это сера или что-то похожее на К ее запаху примешивался аромат кедра и шалфея. Вскоре мы увидели догорающий костер, над которым медленно вздымался густой дым. Руби подбросила в него хворосту, и языки пламени взвились вверх.

Я стала оглядываться по сторонам. Казалось, с моим зрением что-то стряслось. Агнес подвела меня к костру, положив перед ним на землю одеяло с красивым рисунком в красных и черных тонах. Невдалеке из-под земли бил ключ.

Сними-ка с себя одежду, Линн, и присаживайся на одеяло, — обратилась ко мне Агнес.

Я подчинилась. Агнес куда-то отошла и вскоре возвратилась, неся два глиняных горшочка, из которых торчали палочки. Руби началапеть, Агнес молилась, а барабан издавал глубокие ритмичные звуки. Голоса женщин слились в прекрасной песне, исполняемой на загадочном языке. Она уносилась в глубины леса. Как я жалела, что не знаю этого древнего языка!

Уголья пылали, и языки пламени чутко реагировали на малейшее изменение ветра. Я ощущала жар всей своей кожей. Одежда казалась жестким и очень плотным. Агнес и Руби плясали с обеих сторон от меня. Каждый раз, приблизившись, Агнес трясла у моего уха трещоткой. Я ощутила прилив бодрости, но все еще была дезориентирована. Руби стала напротив костра с другой стороны и там продолжала бить в барабан и тихо петь.

Агнес уселась напротив меня. После некоторого раздумья она сказала:

—Мы привели тебя в это священное место. Это секретное место. Здесь тебе суждено родиться заново. Здесь ты будешь раскрашена и изменена навсегда. Благодаря раскраске, ты вступишь в новые отношения со своей волчьей магией. Отныне ты примешь новые обязательства.

Агнес погрузила пальцы в один из глиняных горшков. Они были влажными: я ощутила это, когда она прикоснулась ими к моей голове. Затем Агнес провела линию вниз.

—Это красная краска. Она предназначена для женщин. Красная линия соединяет тебя с землей, где плодится и обитает все живое.

Уверенными движениями Агнес провела еще две красные линии у меня под глазами. Краска была прохладной и пахла цветами. Мне показалось, что она жжет кожу.

—Великий Дух, эта молодая женщина находится здесь по твоей воле. Она будет раскрашена. Пусть же она родится чистой на этой священной земле: чистой, как после бани. Очисти ее еще раз, Великий Дух, после того, как я раскрашу ее. Пусть забудет она обо всех своих прошлых бедах.

После этого Агнес велела мне встать во весь рост.

Я тут же вскочила. Агнес выкрасила мои ноги в красный цвет. Я ничего не видела и ничего не чувствовала, кроме пальцев Агнес, колдующих над моим телом. Она нарисовала волнистую линию на моей левой руке. Затем сделала то же самое с правой. Перестав наносить краску на мое тело, Агнес обошла вокруг меня четыре раза.

—Сегодня ночью мы призвали сюда смерть, — сказала Агнес. — Ее сила находится с нами. Мы убили очень много вещей. Сейчас ты пустилась в путешествие по священной тропе — ты отправилась в

новый поход. Я приветствую того, кто наблюдает за нами, — хранителя дальних странствий.

Линии на твоих руках символизируют радугу — этот лук *сновидящих*.

Я совершенно успокоилась и наблюдала за Агнес сердцем, мои глаза были закрыты. Казалось, каждое прикосновение ее пальцев отзывается в глубинах моего существа. От крив глаза, я увидела, что по щекам Агнес катятся слезы. Наклонившись, она дотянулась до сложенного куска бычьей кожи. Затем старая женщина выпрямилась и подняла кожу, расправив ее перед моим лицом. Барабанный бой эхом отзывался у меня в груди, словно по груди не постукивали ладонью.

— Надень это, — я приняла из рук Агнес бычью кожу, здесь платье и мокасины. Я носила их, когда была девушкой. Надень все это сегодня ночью — ведь ты стала новой женщиной.

Я осторожно стала одеваться. Платье оказалось великолепным — стеклянные бусины, которыми оно было изукрашено, блеали в свете костра, словно капли расплавленного золота. Вплетенные иглы дикобраза складывались в загадочные символы, а с рукавов и подола свисала длинная бахрома. Платье сидело на мне так, словно было сшито на заказ. Это же относилось и к расшитым бисером мокасинам.

* Я начала обучать тебя искусству хейока, — сказала Агнес, кладя руку мне на плечо. — Этот наряд поможет тебе учиться.

* Перья — это знак твоего ученичества, — продолжала она.

Я повернула голову влево и вправо, чтобы она смогла вплести мне в волосы два совиных пера. Меня стала затягивать в себя нежность женственности — тихая и спокойная. Я оказалась внутри плывущего в просторах, пульсирующего огненного пузыря. Я забыла этот мир.

— Садись, Линн, я расскажу тебе о своем собственном учителе. Когда-то я была замужем и у меня была дочь. Зимы на севере очень суровы. Одним зимним вечером девочка вышла из хижины прямо на снег. Она была еще совсем мала, моя дочь. Ей было только четыре года. Наши собаки были обучены злости. Они бросились на девочку и убили ее раньше, чем я успела выскочить за порог. Мы внесли мертвую девочку в хижину и положили на кровать, а сами легли по обеим сторонам от нее. Платье, которое ты сейчас надеда,

предназначалось для моей дочери. Сейчас я отдаю его тебе. Мою дочь звали Маленьким Черным Танцующим Волком. После ее смерти я стала часто обращать свой взор на восток, туда, где рождается солнце. Возможно, я все время хранила это платье, потому что в сердце своем никак не могла расстаться с дочерью — Маленьким Черным Танцующим Волком. Потом я стала глядеть на запад, туда, где умирает солнце. Но никогда, до этого момента, мне не удавалось распротиться со своей печалью. Земля мне мать, как я мать тебе. Сейчас у меня есть дочь. Моя семья, мой клан примет тебя как родную. Мой маленький волчонок вновь будет жить в тебе.

Не в силах больше сдерживаться, я расплакалась. Агнес похлопав меня по руке, продолжала:

—Но все это стряслось прежде, чем я получила знания. В те времена я считала, что на шаманов не стоит обращать внимания. Вскоре с моим мужем произошел несчастный случай на лесоповале, и он погиб. Думаю, он так и не смог прийти в себя после того, что случилось. Мое горе нельзя передать словами. Тогда я отправилась к хейоке, и она обучила меня всему, что знала сама. Ко мне пришла сила, и я получила свое имя, которое означает «та, кто знает секреты».

Прежде я не заботилась о том, что случится со мной в жизни. Я не осознавала этого, но в одиночестве таится великая магия. Я слышала, что хейока может ответить на любой вопрос, а мне нужен был кто-то, кто сможет объяснить причину моего великого горя. Священная старуха-хейока отвеяла на каждый мой вопрос вопросом. Она вела себя так, словно ничего не понимает, пока я не догадалась, что та живет центре священного круга и может по своей воле изменить все, что захочет. Я несколько часов рассказывала ей о смерти Маленького Танцующего Волка. В конце я спросила: «Почему моя дочь мертва?» В ответ хейока задала мне странный вопрос: «Кто хочет знать о том, кто мертв?»

Эта женщина стала моей наставницей. Она передала мне свою магию после многих лет учебы и отошла к предкам. Ее смерть была легкой. Эта женщина могла находиться во всех местах одновременно и видеть все. Я полюбила ее после того, как узнала поближе, — часть ее души живет во мне. Не знаю, что произошло бы со мной, не покажи она мне путь. Благодаря ей моя жизнь вновь обрела смысл.

Наши глаза встретились. Я зарыдала, выплакивая горе. Мы поднялись и молча отошли от костра. Моим ногам было уютно в мокасинах, которые подарила мне Агнес, — я ощущала землю через подошвы. Агнес несла две трещотки. Сильно притопнув несколько раз, она взвилась вверх и закружилась в воздухе. Затем она пригнулась вперед и засеменила, обходя меня по кругу. Я стояла как замороженная. Шаги были по-волчьи пружинистыми. Пригнув голову, она бросала на меня короткие хитрые звериные взгляды. Потершись своим бедром о мое, она отпрянула и завывала. Что-то всколыхнулось в моей душе, и я ответила ей таким же воем. Он был тоскливым и громким. В этом звуке не было ничего человеческого. Внезапно в моей груди словно оборвалось что-то. В ту же секунду барабанный бой прекратился. До меня донесся звук тяжелого дыхания.

—Сделай четыре глубоких вдоха и выдоха, поочередно обратив лицо к каждой из четырех сторон света, — услышала я изменившийся рычащий голос Агнес. — Отбрось голову назад и обопрись подбородком на оба кулака. Не смотри на меня пока.

Я сделала, как она сказала.

—Повтори это снова, но на сей раз, выдыхая, согнись вперед и заведи руки за спину, — ее голос был страшен. — Втягивай в себя энергию земли во время выдоха. Кради эту энергию, притопывая правой ногой. Смотри, не сделай ошибки! Волки знают это место, должна знать и ты. Откинь голову вправо, откинь ее влево, затем возврати ее в центр. Хорошо. А теперь иди кругами на запад и завывай как волк. Начинай бежать.

Я следовала всем ее наставлениям. Звук барабана раздавался у меня в ушах, а я бежала и подвывала. Начав двигаться в обратную сторону, я провела рукой по щеке и почувствовала на ней шерсть. Навострила уши. Глаза стали бегать в разные стороны в поисках воображаемой жертвы. Так мы мчались, не сбавляя темпа, на север, затем на юг. На вершине холма мы остановились и залаяли, но рядом со мной была уже не Агнес. Я видела только волчью фигуру в бархатной тьме ночи — свою сестру.

Бой барабана оборвался. Чары были разбиты. У меня больше не стало клыков, подушечки лап превратились в ступни и ладони. Агнес менялась вместе со мной. Ее задние лапы вытянулись и стали ногами,

и она вновь оказалась прежней, знакомой мне Агнес. Мое собственное тело постепенно приняло человеческие формы. Я с трудом поспевала за Агнес, мчащейся к горячему озерцу. Там, на берегу, она стянула с меня новое платье и затолкала в сернистую воду. Вода стала красной от краски, казалось, сам источник кровоточит.

— Смой ее.

Я смыла краску с тела, выбралась на берег и улеглась рядом с водой, наблюдая за звездами. Агнес стянула с меня одеяло.

Пошли, — повелела она.

Неся в руках расшитые бисером мокасины и платье, я возвратилась в хижину. Уже почти рассвело, когда я наконец забралась в спальный мешок.

Цель магии — сила.

** Агнес Быстрая Лосиха*

* Ты должна сделать куклу волка, — сказала мне Агнес на следующий день.

Я сидела за столом, потягивая шалфейный чай.

* Куклу волка? — переспросила я. — Что-то вроде амулета?

* Ты можешь превратить ее во что хочешь, главное, чтобы это была кукла и чтобы это был волк. Можно слепить куклу из глины, сплести из сена, сделать из деревяшек или сшить ее из кусочков кожи. Ты даже можешь вырезать ее.

* А какого она должна быть размера? — спросила я, предвкушая процесс созидания собственного амулета.

*

Ты можешь сделать ее вот такой большой, — Агнес широко развела руки, — или такой маленькой — какой захочешь. Любая кукла сгодится. Для усиления своей магии ты должна постоянно помнить о танце. Тебе стало известно о материнских силах, и

некоторые силы нуждаются в твоей защите. Понимание приходит к тебе в виде сновидений. *Сно-видящие видят* тебя пробужденной в своих снах. А сейчас придай этим снам и силам осязаемую форму. Можно использовать их, и они расскажут тебе о многом. Пусть твоя кукла волка станет мостом, переброшенным через миры. Как только окончишь, покажи мне свою работу.

*

Агнес отвернулась, всем видом давая знать, что разговор закончен. Припоминая все индейские куклы, хранящиеся в моей коллекции, я взяла нож, прихватила кое-что из еды и зашагала туда, где паслась моя Краска. Всю дорогу я думала о будущей кукле. В воздухе висел туман — как раз подходящий денек, чтобы придать форму моим видениям. Окруженная тенью от скал и волнующимися травами, я быстро взбиралась на холм. Тропа, которая вела к южному пастбищу, была почти неразличимой из-за движущихся силуэтов деревьев, казавшихся мне совсем незнакомыми. Я слышала взмахи крыльев в нависающих ветвях.

Пастбище было укрыто пеленой дымки, и там паслась Краска. Ее копыта тонули в клубках густого тумана.

Я отрезала прядь волос от ее хвоста: пригодится для куклы волка. Остаток дня я бродила в тумане, залезала на деревья и шарил апо земле в поисках перьев, кусочков дерева, кусочков коры — всего необычного, всего, что может подойти для куклы. У Ручья Мертвеца я нашла кусочек дерева весьма причудливой формы. Коряга слегка напоминала волка, стоящего на четырех лапах. Она была длиной около шести дюймов и заканчивалась чем-то похожим на пасть воющего волка. Живот волка я обмотала кусочками коры, листьями шалфея и перьями. Конский волос пошел на украшение хвоста, а на боках волка я вырезала символы ночного орла и медведя. В избушке Агнес я обнаружила клей, осколки зеркала и кусочки раковины. Из раковины получились волчьи зубы, а осколки зеркала превратились в глаза. Раздавлив красные ягоды, я намазала волка их соком, похожим на кровь. Птичьи коготки обратились в волчьи когти. Вырезая и склеивая фигурку, я обнаружила, что со мной творится что-то непонятное. Я услышала, как пою какую-то странную песню.

Этой песни я никогда не пела и даже не слышала раньше. Я поняла, что это песня из моего сна.

Кукла волка была сделана еще до наступления сумерек. Это был страшный волк, с оскаленной пастью, из которой вот-вот послышится вой. Но в нем было что-то птичье. Мой волк мог летать. Оба мира — небо и земля — были его домом. Не знаю даже, почему я говорю «он», но в этой фигуре было что-то мужское — наверное, жестокость и угловатость. Некоторое время я полюбовалась им, покачала его на руках, а затем отнесла в хижину, чтобы показать Агнес.

— Дай-ка взглянуть, — сказала Агнес, не дав мне и рта раскрыть. — Поставь его на стол.

Я поставила фигурку на стол, и мне показалось, что она заполнила собой всю комнату.

Агнес стала обходить вокруг стола, склонив голову к плечу. В ее глазах появился загадочный блеск.

* Что ты можешь сказать о человеке, сделавшем это?

* Его сделала я.

* А что бы ты видела перед собой, если бы не ты сделала эту куклу? Когда я смотрю на подобные вещи, то знаю, кто их делал. В данном случае куклу сделала ты, и она прекрасно отражает твое восприятие мира.

* Но ведь это всего лишь кукла, — возразила я.

* Нет, это не просто кукла. Я знаю, кто ее сделал. Если бы я никогда прежде тебя не видела, то все равно могла бы сказать, что эту куклу смастерила женщина. Белая женщина, чьи познания о волках и животном мире очень скудны. Сделав куклу, ты продемонстрировала мне свою истинную природу. Ты женщина, носящая много масок. Тебе не стоит притворяться передо мной.

* Я не притворяюсь, — возразила я.

* Нет, ты притворяешься. Ты притворяешься, что уважаешь меня, потому что знаешь, что я могу дать тебе кое-что такое, что ты не прочь получить. Но в душе ты считаешь, что я никак не впишусь в твой калифорнийский мир.

* Действительно так, Агнес.

* Да, именно так ты думаешь обо мне. Прикидываешь, во сколько тебе обойдется это удовольствие. Все думаешь, не позвоню ли я тебе домой в один прекрасный день с автобусной остановки и не попрошусь ли в гости? Небось, считаешь себя почище нас всех?

* Агнес, если ты думаешь, что я действительно такая, то почему позволяешь мне оставаться у тебя?

—Яне думаю, что ты такая, я знаю, что ты именно такая. Надеешься, что я никогда не появлюсь на пороге твоего дома. Ведь тебе придется объяснять мое присутствие своим друзьям. Думаешь, твоя роскошная жизнь не для меня, а твои шикарные друзья не ровня мне?

* Что ж, признаюсь, о некоторых подобных вещах я действительно задумывалась.

* Ты боишься, что я не разберусь, кто есть кто и что есть что? Стыдишься моих нарядов, моей бедности, моих манер... да всего во мне ты стыдишься!

Я вздрогнула:

—Агнес, думаю, не стоит обвинять меня во всем этом. — Эта кукла все рассказала мне о тебе. Боялась оскорбить меня в лучших чувствах, если расскажешь об этом сама? Кукла волка нужна была для того, чтобы она сделала это за тебя.

—Это просто догадки. Ты не можешь увидеть в этой кукле всего этого.

—Ты любишь хорошую пищу. Тебе нравится коллекционировать вещи по эстетическим причинам. Я сразу могу сказать тебе об этом. Тебе нравится жить в той обстановке, которую ты считаешь красивой. Ты дождаться не можешь того часа, когда можно будет вернуться обратно — к комфорту, друзьям и красивым вещам.

А что в этом дурного?

Ничего. Но здесь тебе придется попотеть ради этого.

Что еще тебе удалось разглядеть в волке, Агнес?

Вот кое-что еще: видишь, как обернута кожа?

* Да, — ответила я, приглядываясь.

* Какой ты можешь сделать вывод из этого?

* Даже не знаю.

* Тот, кто делал эту вещь, — правша. Нитка закручена по ходу солнца. Еще он большой аккуратист, все доводит до совершенства — нить связана много раз. Между прочим, почему ты срезала волосы с хвоста, а не с гривы лошади?

Мена поразило то, что Агнес догадалась об этом.

* Не знаю, мне казалось, что так будет лучше.

* Я так и думала! — расхохоталась Агнес. — В тебе задатки настоящей хейоки.

Я тоже стала смеяться, хотя так и не поняла, что здесь смешного.

Агнес же продолжала:

* Эта кукла рассказывает мне о тех твоих заблуждениях — о тех вещах, которые ты считаешь важными и значительными, за которые готова умереть. Ты ничего не смыслишь в пище или в том, как с достоинством убивают хорошего друга. Эта кукла рассказывает мне о твоём положении в мире. Она говорит мне о том, что ты хочешь и чего ты не хочешь. Ты не видишь своей смерти, и ты никогда не примешь смерть целиком, как надлежит доброй дочери Вселенной. Охотница никогда не сюсюкает со смертью.

В жизни приходится выбирать одно из двух, — продолжала она. — Можно сдохнуть как испуганная шлюха или жить как настоящая охотница и умереть охотницей. Встретившись глазами с величайшей охотницей, ты можешь сказать ей: «Я готова. Когда шла охота, я не трусила. Я выслеживала жертву и убивала ее так, как надо. Я обеспечивала свое племя пищей, я съедала добычу и делилась с другими. Я действовала от твоего имени и достойно представляла тебя. Я понимаю, что жила благодаря тебе. Сейчас же твое мясо — я. Мы заключили договор. Я готова отправиться с тобой и поохотиться в мире духа».

—Ты видишь во мне трусиху?

—Ты не опасная женщина. Мне ты напоминаешь птицу с подрезанными крыльями, которая машет ими без толку. Я вижу перед собой женщину, которой требуется гораздо больше воли и смелости

— подлинной смелости. Я в свое время решила стать важной и не обманывать себя.

* Как тебе удалось стать важной?

* Узнай у своей смерти.

—Я не понимаю, что общего у смерти с тем, что человек становится важным?

* Все. Прими свою смерть и стань опасной. Получи силу.

* Погоди, я совершенно сбита с толку. Ты действительно хочешь, чтобы я умерла?

Агнес захохотала:

—О, это смешно, я не могу запретить тебе умереть. Взгляни на мир открытыми глазами и пойми, *что* здесь истинно. Люди могут казаться тебе важными по той или иной причине. Ты боишься их, так как тебе кажется, что они обладают какой-то силой. Но если ты узнаешь смерть, то поймешь, какие люди обладают настоящей иглой — а их немного. Ты сможешь стать опасной лишь тогда, когда примешь свою смерть. Ты станешь опасной, несмотря ни на что. Ты должна научиться видеть пробужденных. Опасная женщина ожет ^{все>} потому что она все может. Сильная женщина творит немыслимое, так как немыслимое — часть ее самой. Ей принадлежит все. Для нее все возможно. Она может проследить за своим видением и убить его, сделав реальностью.

Что же ты мне предлагаешь? Неужели думаешь обучить меня смерти, чтобы я смогла украсть *свадебную корзинку*?

* Я собираюсь учить тебя охоте, чтобы у тебя появился шанс победить, когда ты отправишься на поиск. Ты же не собираешься бесцельно слоняться, не представляя себе, что делать. Ты будешь охотиться за пищей, чтобы прокормить себя и других. Если я преуспею, обучая тебя, ты станешь невероятно опасной.

* Зачем ты попросила меня сделать куклу волка?

* Я хотела, чтобы ты уяснила для себя одну вещь — ничто не происходит беспричинно. Каждое произведение в точности отражает своего создателя. Внимательно изучая вещи, ты сможешь повисить свое осознание. Если на предмет посмотреть достаточно пристально, он начнет буквально кричать о себе. Со

временем ты наберешься опыта и сможешь многое узнать о человеке по тому, как он подносит ко рту стакан или держит карандаш в руке. В любом действии тебе будут открываться тысячи деталей. Как птицу можно узнать по тому, как она вьет гнездо, так можно все узнать об охотнике по тому, как он укладывает хворост для костра. Присмотревшись к предмету, ты сразу определишь, есть ли у него центр. Истинный предмет силы всегда обладает центром. Тебя манят к себе такие вещи, но ты не знаешь причины этого.

* Но какое все это имеет отношение к *свадебной корзинке*?

* Мы немало поговорили с тобой о воровстве — прямо и косвенно. Ты узнала, что, прежде чем сможешь красть, ты должна стать воительницей. Понимаешь, о чем я?

* Да, я помню, как ты говорила об этом.

* Но прежде, чем стать великой воительницей, ты должна стать прекрасной охотницей — всевеликие воителишцы прежде были великими охотницами.

* Что мне нужно узнать, чтобы стать хорошей охотницей?

Агнес расхохоталась как ребенок.

—Тебе нужно узнать очень многое, но даже тогда ты не будешь знать всего. Видишь ли, искусство охотницы — совсем не простое дело. Можно охотиться на множество существ. Ты сможешь поставить силки на духа, если знаешь, как это делается. Но, даже поймав в эти силки детей-водяных, тебе все равно придется изучить, как приготовить из них пищу. Сейчас духи прячутся от тебя, ты думаешь, что они порождены твоим воображением. Но воображение может обратиться против тебя и убить тебя, когда ты не знаешь, как нужно всматриваться в него. Охота на кролика — это одно, охота на гризли — совершенно другое. Кролик и гризли — два вида дичи. Не думай, что кролики безобидны. Некоторые могут легко убить человека. К счастью, даже хорошим охотникам такие кролики попадаются редко. Если ты попытаешься убить такого кролика, он лягнет тебя задними лапами. Мир исчезнет для тебя, и ты умрешь. Гризли также не по зубам глупому охотнику. Нельзя недооценивать даже карибу [Город Творцов](#)*. Рассказывают, что некоторые карибу

способны распылить разум охотника до такой степени, что он просто сойдет с ума. Если ты охотишься за мясом, то не должна потерять ни одного куска — используй даже кости. Мясо, добытое на охоте, обладает духом. Это великий дух, который сделает тебя сильной. Нежное мясо поработанных животных не налагает на тебя никакой ответственности. Оно очень приятно на вкус, но от него только толстеешь и становишься ленивой. Тебе нужно прийти к равновесию в физическом мире, а затем прийти к равновесию в мире духовном. А после эти два равновесия вновь должны быть уравновешены.

* Обретаешь ли ты это двойное равновесие благодаря пище, которую ешь? — спросила я, отчаянно пытаюсь уследить за логикой Агнес.

* В какой-то мере. Поедая мясо поработанных животных, ты не догадываешься, что тебя могут принудить сделать что-либо против твоей воли. Животные-рабы находятся в силках, и ты, питаясь их плотью, попадаешь в такие же силки. Ты можешь судить о людях по тому, чем они питаются. Нация рабов ничего не знает ни о себе, ни об окружающих. Существует множество видов пищи — пища для сердца, пища для тела и пища для мозга.

* Нужно ли питаться мясом?

* Нет. Пытайся есть лишь шаманскую пищу — пищу, наделенную духом. Если ты и сама являешься пищей, вожди растительного и животного мира расскажут тебе о твоей диете.

* Можно ли купить подобную пищу в продуктовом магазине? ' —Как правило, можно. Но тебе придется узнать побольше о том, как *разбудить* пищу. Разбудить и узнать, например, какая пища страдала, а какая отдается тебе с радостью.

* Я не понимаю этого.

* Знаю, что не понимаешь. Давай поедим суп.

После еды Агнес не была склонна к беседе. Очевидно, она устала от разговоров. Я решила лечь в постель.

Пока я раздевалась, Агнес ухватила мою куклу волка за холку и потряхнула ее несколько раз. Затем она стала лаять на нее и скакать

вокруг. Я не имела ни малейшего представления о том, что она затевает, и потому решила, что старуха просто забавляется.

На следующее утро я поднялась с первыми лучами солнца и отправилась с Агнес на прогулку. По пути она показывала различных насекомых и объясняла мне, какие птицы и звери питаются ими. Потом она показала мне растения и рассказала о различных животных, отдающих предпочтение тем или иным из них. После этого Агнес попросила меня повторить все услышанное. Я должна была непосредственно овладеть тем знанием, которое она передавала мне, и научиться использовать его с практической целью.

Агнес спросила меня, не вижу ли я поблизости дичи.

* Нет, не вижу ничего.

* Неужели не замечаешь куропатки? А на том дереве полно белок. Где-то у подножия скал пасется олень. Вон там стая уток, и скоро она поднимется в воздух.

Вначале я не увидела ни одного зверя или птицы, но, приглядевшись повнимательнее, стала их замечать.

* Агнес, как тебе удастся так видеть?

* Я знаю, куда смотреть. Развей в себе *голодный взгляд* — такой взгляд, что чувствует голод раньше, чем желудок. Чтобы стать охотницей, вначале нужно знать, на что охотиться. С этого и начинается охота. Ты должна знать повадки животного, должна видеть его тогда, когда еще никто не видит. Хороший охотник всегда умеет это делать. Я была свидетельницей того, как один охотник видел дичь, тогда как другие ничего не видели. Если ты не можешь видеть дичи, то, по крайней мере, должна знать о ее местонахождении. Тогда ты сумеешь спугнуть ее. Главное — помнить о том, что нужно убить чисто. Можешь ли ты послать стрелу в цель, не видя своей жертвы? Но для того, чтобы научиться охоте на человека, требуется еще больше времени. Для охоты на человека, особенно на человека, обладающего силой, необходимо использовать все свое умение. Иначе тебя обманут.

—Ты говоришь сейчас о Рыжем Псе? — спросила я Агнес.

—Да, о нем. Но сейчас тебе еще рано выходить на охоту на столь опасного зверя. Большинство существ довольно безобидны: изучи их повадки, поохотись сперва на них. Научившись с легкостью настигать бездумное животное, ты сможешь перейти к охоте на более сильную дичь. Беспрерывно совершенствуй свои охотничьи таланты. Большинство существ так поступает. Некоторые животные скрывают свои следы, иные не делают этого. Есть существа, которые при передвижении не сдвигают с места и былинки. Есть и животные, оставляющие заметные следы, которые могут завести тебя лишь в собственную западню. Чем лучше ты изучаешь повадки разных животных, чем больше ты узнаешь о правилах охоты, тем большая удача будет сопутствовать тебе.

Есть хорошие дни для охоты и есть плохие дни. Дичь, как правило, можно найти всегда, но есть такая дичь, которую не стоит убивать. Безусловно, чтобы убить ту дичь, какую хочешь, следует отправляться в хорошие места. Охотница никогда не должна сомневаться. Проанализировав и рассчитав все, стремглав бросайся на жертву. Но чтобы бить без промаха, ты должна знать все о собственных сильных и слабых сторонах. Не делай глупостей. Будь расчетливой и осторожной. Хорошие охотницы не задумываются о том, *какие* они. Хорошие охотницы убивают. Стоит ли раздуваться от гордости, чтобы позволить своей жертве убежать? Это позор для охотницы. Упущенная дичь имеет право отправиться в дом духов и попросить разрешения поохотиться на тебя. Тогда дичь может либо убить тебя, либо лишить рассудка. Мы знаем, где залегает наша жертва, еще не видя ее, и наша задача — убить ее.

Помни всегда, что ты охотница, а не дичь. Тропа охотника священна. Никогда никого не убивай бесцельно — даже клопа. Вообрази, что на *тебя* бездумно накатывается что-то огромное и распластывает тебя. Убивай лишь ту дичь, какую способна убить, и никогда не вторгайся на территорию дичи, которая хитрее тебя. Не забывай проявить почтение к своей жертве.

* И все это относится к Рыжему Псу?

* Конечно. У него есть то, что хочется иметь тебе. И он знает все, о чем я тебе рассказала. Не забывай проявлять почтение к дичи. Будь благодарна за то, что убиваешь *ты*, а не *тебя*.

Я хотела еще многое узнать об искусстве охоты, но Агнес не пожелала больше отвечать на вопросы.

—Я должна передать тебе действенную силу, — сказала она. — В мире нет ни одной идеи, о которой не знал бы твой внутренний голос. Знание не приходит извне. Ты хочешь силу, верно? Так вот, болтовней ты никого не убьешь.

Агнес начала учить меня смотреть. «Гляди в кусты» — вот как она называла это.

На протяжении нескольких последующих дней я только и делала, что расхаживала невдалеке от дома, а под вечер рассказывала Агнес обо всех увиденных животных. Мне не нужно было думать ни о чем — за собой меня должно было вести чувство иное, чем зрение. Агнес сказала, чтобы я не создавала для себя никаких привязок и готова была отдаться «тяге», которая поведет меня за собой куда нужно. На четвертый день мне удалось обнаружить фазана именно таким способом.

Агнес пришла в восторг.

Это — сила! — заявила она.

Я тоже радовалась своей новой способности.

Так я стала пробуждаться для встреч с разными животными. Я видела оленя, лося, антилопу, скунсов и кроликов. Мне удавалось замечать диких индюков и куропаток. Я углядела бобра и парочку ласок, а однажды совершенно неожиданно столкнулась нос к носу с волком. Мы остановились и несколько минут смотрели друг другу в глаза. Затем я развернулась и побежала в хижину, чтобы поделиться с Агнес.

—Это очень важная встреча, — сказала она, — шаманский знак. Ты должна воспринять его как благословение. Встретиться с волком труднее, чем с любым другим животным буша, и его практически невозможно поймать. Ты должна отрезать прядь волос, возвратиться туда, где произошла встреча, и оставить ее там. Этот волк не должен был позволять тебе увидеть себя, но он узнал, что ты наращиваешь силу, и потому явился помочь тебе!

Все это время Агнес казалось замкнутой. Часто, когда я заговаривала с ней, та обрывала меня на полуслове: «Прислушивайся к себе. Я устала от всего этого!» И я чувствовала себя покинутой.

Однажды вечером после ужина я сказала:

- * Теперь, если я отправлюсь на охоту с друзьями, они, небось, поразятся тому количеству дичи, которое я смогу заметить.
- * Не желаю слушать обо всех этих убийцах, — тут же оборвала меня Агнес.
- * Убийцах? Да они такие же охотники, как и ты, — выпалила я. — Некоторым людям нравится охота.
- * Я сказала, что это убийцы. Среди них нет ни одного охотника. Я повидала таких людей в своей жизни! Они наезжают сюда и расстреливают все подряд. Они не уважают гнездящихся птиц: для них охота — то же убийство. Они не уважают жизнь. Они гонятся на вертолетах за мустангами и койотами и безжалостно истребляют их. Ты должна будешь объяснить этим людям, считающим себя чем-то лучше той дичи, на которую они охотятся, что когда-нибудь они тоже умрут. Когда убийца отправляется в свой самый далекий путь, то сперва попадает на поляну, где его окружают духи всех убитых им животных — будь то утки, кошки или медведи.

Духи спрашивают его: «Почему ты убил нас так бесчестно?» И этому убийце-идиоту лучше, черт подери, иметь ответ наготове, иначе животные будут рвать его в клочья, пока не восстановят свое достоинство.

- * Агнес, не сдурела ли ты? — не выдержала я. — Признайся, ты придумала все это только что!
- * Ты сама увидишь, придумала или нет, когда пробьет твой час. Я говорю тебе о том, что знаю наверняка. Сколько раз я объясняла тебе, что ничто не происходит без причины. Существует справедливость — пусть она иногда и запаздывает, но в распоряжении Великого Духа вечность. У него есть время проследить, чтобы справедливость восторжествовала. Мы, люди, живем всего ничего, но я хочу провести свои дни как воительница и увидеть красоту во всех вещах. Животные — дети Вселенной, как и мы с тобой. Отнимать жизнь у дикого и свободного животного можно лишь тогда, когда знаешь о собственной смерти. В противном случае пусть оно остается

жить. Поразительно, но у этих убийц не хватает мозгов даже на раскаяние.

Хорошо, а как же называется то, чему я учусь? — спросила я, чувствуя, как во мне поднимается волна отчаяния.

Ты учишься охотиться на опасную дичь и учишься делать это с достоинством, решимостью и честью. Ты учишься даже большему — тому, как красть силу. Если бы я видела в тебе убийцу, то отослала бы тебя назад, в надежде, что ты не замедлишь попасть к своим предкам.

Жаль, что я не могу изложить здесь всего того, чему меня обучили на протяжении нескольких следующих недель: подробное описание заняло бы несколько томов... и весь остаток моей жизни.

Однажды она показала мне следы ворон в поле.

— Можно отслеживать птиц и в небе. Великие следопыты способны делать это. Даже на небе остаются отпечатки.

Пока она говорила мне об этом, я стерла вороний след, наступив на него. Агнес Быстрая Лосиха смерила меня ледяным взглядом.

* Извини, — сказала я, — это вышло случайно.

* В шаманском мире не бывает случайностей, — ответила Агнес с яростью. — В каждом поступке кроется смысл. Неужели ты не понимаешь? В этом вся суть искусства следопыта. *Случайность* — слово, порожденное хаосом. Оно означает, что мы не понимаем причины того или иного своего поступка. Если ты порезала себе палец, значит, этого хочет кто-то в твоём лунном вигваме. Если ты умеешь слышать вождей, живущих в твоём лунном вигваме, то ни за что не сделаешь подобную глупость. Шаман никогда не совершает ошибок. Шаманка знает, как посылать разведчиков из лунного вигвама, чтобы те вывели все что нужно. Когда она берется за дело, то знает, чем оно завершится, — ведь ее разведчики побывали уже везде и доложили ей обо всем.

* Но я совсем не собиралась наступать на след, — возразила я.

* Нет, собиралась. Я всегда смеюсь, когда слышу слово «случайность». В священных снах предков не существовало путаницы. *Случайность* — это способ снять с себя ответственность за собственные поступки и переложить ее на

кого-то другого. Если я начну хлестать тебя по щекам до тех пор, пока ты не перестанешь слышать мой голос, тебе это вряд ли понравится. Что ж, именно так ты и поступаешь со мной, и мне это тоже не нравится.

Я никогда прежде не бранилась с Агнес, но сегодня, казалось, дело дойдет до ссоры. Хотя я прекрасно знала: заглянув поглубже внутрь себя, я увижу, что Агнес абсолютно права, — как бы ни были сильны мои сомнения в ее словах!

Казалось, чем больше меня учили, тем меньшими были результаты. Я начала сомневаться во всем. Мои первые попытки расставить силки оказались очень неуклюжими. В половине случаев они захлопывались сами по себе, в другой половине они не сработали бы, даже если бы на них наступил медведь.

—Я хочу, чтобы ты расставила силки на водопое у Ручья Мертвеца, — сказала мне Агнес.

Как только мы приблизились к месту водопоя, Агнес оттолкнула меня назад.

* Что ты делаешь неверно? — спросила она. Я задумалась.

* Не знаю, — призналась я наконец.

—Куда дует ветер? Ты должна приблизиться к водопою так, чтобы твой запах не разносился через тропу, — ты должна зайти с подветренной стороны. Мы же подошли к тропе не с той стороны.

—Действительно ли животные способны так хорошо чують запахи, Агнес?

—Люди воняют. А эти звери знают человеческий запах очень хорошо.

Мы с Агнесс побрели вверх по течению ручья. Я поставила силки у самого края воды, а Агнес натерла их кожаные части пахучими листьями.

— Это маскировка, — сказала она, — листья маскируют твой запах. Но где же приманка?

Приманкой должна служить вода.

Да, для этих силков приманкой является вода. Но попадется ли что-либо в них?

— Не знаю.

Нет, не попадется, — тут же ответила Агнес, указывая на силки. — Петля слишком широка. Будь она нужного размера, ты еще бы могла на что-то надеяться. А вот старого койота ты не поймашь ни в какие силки. Старые хитрецы знают, как приносить жертву. Они притворяются, что устремляются к водопою, и молодые койоты тут же следуют их примеру, стараясь догнать и опередить стариков. Их губит жадность.

Когда расставляешь силки, всегда следует помнить о приманке. В данном случае приманкой является вода. Сюда дичь влечет жажда. Если ты научишься использовать нужную приманку, то сможешь поймать любое существо. Лишь бы силки были правильно подобраны и поставлены. Сперва изучи характер того животного или существа, на какое собираешься охотиться.

Обучение охоте и разным ее премудростям занимало все мое время. Агнес обладала неисчерпаемыми знаниями о дикой природе и делилась ими со мной при помощи совершенно варварских методов. Она заставляла меня ходить на цыпочках по крыльцу, пока я не научилась делать это совершенно бесшумно. Мне потребовалось три дня упорного труда, чтобы изучить каждый дюйм крыльца. Наконец я смогла передвигаться по крыльцу почти во всех направлениях, не издавая ни малейшего звука.

Агнес заявила, что я слишком «созерцательна», что мне следует научиться быть более агрессивной. Все время я проводила под открытым небом и возвращалась в дом лишь ночью. Порой мне казалось, что Агнес скорее экспериментирует со мной, чем учит меня. Иногда она прятала от меня пищу и воду и заставляла трудиться — рубить дрова или носить камни — без какой-либо видимой причины. Разговоры сводились к отрывистым командам. Я перестала спорить с ней: вживаясь в роль прилежной ученицы, старалась впитать в себя как можно больше знаний.

Однажды вечером, вбегая в дверь хижины, я налетела прямо на Хаймейостса Сторма. Никак не ожидала встретить его здесь!

Стол был покрыт одеялом вождя, на котором лежал большой щит — более красивого щита я не видела в своей жизни. Прекрасно подобранные ястребиные перья свисали вниз на шнурках, почти

касаясь пола. Агнес сидела у стола, скрестив ноги, и внимательно изучала эти перья.

* Что ты здесь делаешь, Хаймейостс?

* Я приехал сюда, чтобы показать Агнес шаманский щит. Я хотел посоветоваться с ней по одному вопросу. Ведь Агнес мне как родная бабушка. Или я не могу навестить собственную семью?

В ответ я пробормотала что-то невразумительное.

—А как ты находишь этот щит? — поинтересовался Хаймейостс Сорм.

Никогда не видела подобной красоты! Дух захваты-

'Когда-то таких щитов было множество, — сказала Но их либо спрятали, либо уничтожили. Лишь Агнес. Лишь немногие люди удостоились чести увидеть подлинные шаманские щиты.

Кожа на щите — скорее всего, антилопья шкура — была туго натянута. В центре красовался большой голубой орел, по краю - орлиные перья. Картину довершал четырехфутовый шлейф из ястребиных перьев. От щита исходила почти осязаемая сила.

Хаймейостс Сорм осторожно перенес щит на кровать, и мы стали пить кофе. Во время беседы Сорм показал Агнес несколько *магических колес*, изукрашенных бисером. Агнес стала переставлять их с места на место по одеялу вождя, составляя различные комбинации. Ее движения явно таили в себе какой-то скрытый смысл.

Хаймейостс сказал:

—Посмотри на эти круги, и ты представишь себе большой магический круг. Маленькие круги — это учения. Магические круги подобны щитам.

Агнес подняла один из кругов и прижала его к своему сердцу. Затем положила его на стол, рядом с остальными.

—Эти магические колеса станут для тебя кругами смысла, если тебе удастся найти свое *видение*, — продолжал Хаймейостс. — Все они — фрагменты единой мозаики. Подобно великой шаманской змее, пожирающей свой хвост, они будут *сновидеть* тебя в твоём *сновидении*. Они — части мандалы наших жизней, твоей и моей. Если тебе когда-либо удастся составить круги так, что они воспроизведут великий магический круг, то ты навсегда освободишься от иллюзий.

Ты совершишь поступок силы — достигнешь истинной цели своей жизни. В этом поступке заключена твоя смерть, а в своей смерти ты найдешь свой истинный круг. Но ты еще не готова для этого учения.

Агнес дала мне задание по дому. Выполнив его, я почувствовала себя такой усталой, что свернулась на кровати рядом с красивым щитом и проспала до самого утра. Проснувшись, я обнаружила, что Хаймейостс укрыл меня своим одеялом, но ни его, ни щита в доме уже не было.

Прошло столько дней, что я сбилась со счета. Мне казалось, что Агнес недовольна моими успехами. Однажды вечером, после того как весь день выслеживали оленя, мы с Агнес тихо сидели и любовались красотой заката.

—Завтра утром, — неожиданно сказала Агнес, — ты сможешь убедиться, хватит ли тебе ловкости украсть *корзинку*. Ты можешь отправиться к Рыжему Псу и попробовать.

Меня ошеломили слова Агнес. Мне казалось, что я не усвоила и малой толики того, чему пыталась обучить меня старая индианка. Я уж было решила, что мне придется посвятить годы ученичеству. Я чувствовала, что мне нужно больше времени. Я пыталась сказать что-то, но так ничего и не сумела выдать из себя.

—Нет, конечно, ты еще не готова, — сказала Агнес. — Но я не представляю, что еще способна для тебя сделать. Я могу обучать тебя искусству целую вечность. *Сновидящие* считают, что ты обладаешь силой. Что ж, пришло время убедиться, правы ли они.

—Агнес, — сказала я страдальческим голосом, — сейчас я чувствую еще большую растерянность, чем в первые дни учебы. Каким образом смогу я сделать это, не зная всего? Я до сих пор не понимаю ничего из того, чему ты пытаешься обучить меня.

— Ты знаешь больше, чем тебе кажется. Я же учу тебя стать невидимкой.

— Но что это такое?

— Невидимка всегда завоевывает доверие. Ты не пой мешь, что встретила с невидимкой, но потом... Да, мы любим таких...

— Ладно, Агнес, возможно, вопрос покажется тебе глупым, но скажи мне, пожалуйста, не *воровское* ли *существо* ты сама?

— Это вовсе не глупый вопрос, так как ты не можешь увидеть, кем я являюсь на самом деле. *Воровское существо* может проникнуть в комнату, делать в ней все, что заблагорассудится, и исчезнуть в любое время. *Воровское существо* атаковало тебя и забрало все, что хотело. *Воровское существо* опасно, и оно никогда не боится нанести удар. *Воровское существо* передвигается не так, как ты ожидаешь, конечно, если ты сама тоже не являешься *воровским существом*. *Воровское существо* знает о своей смерти.

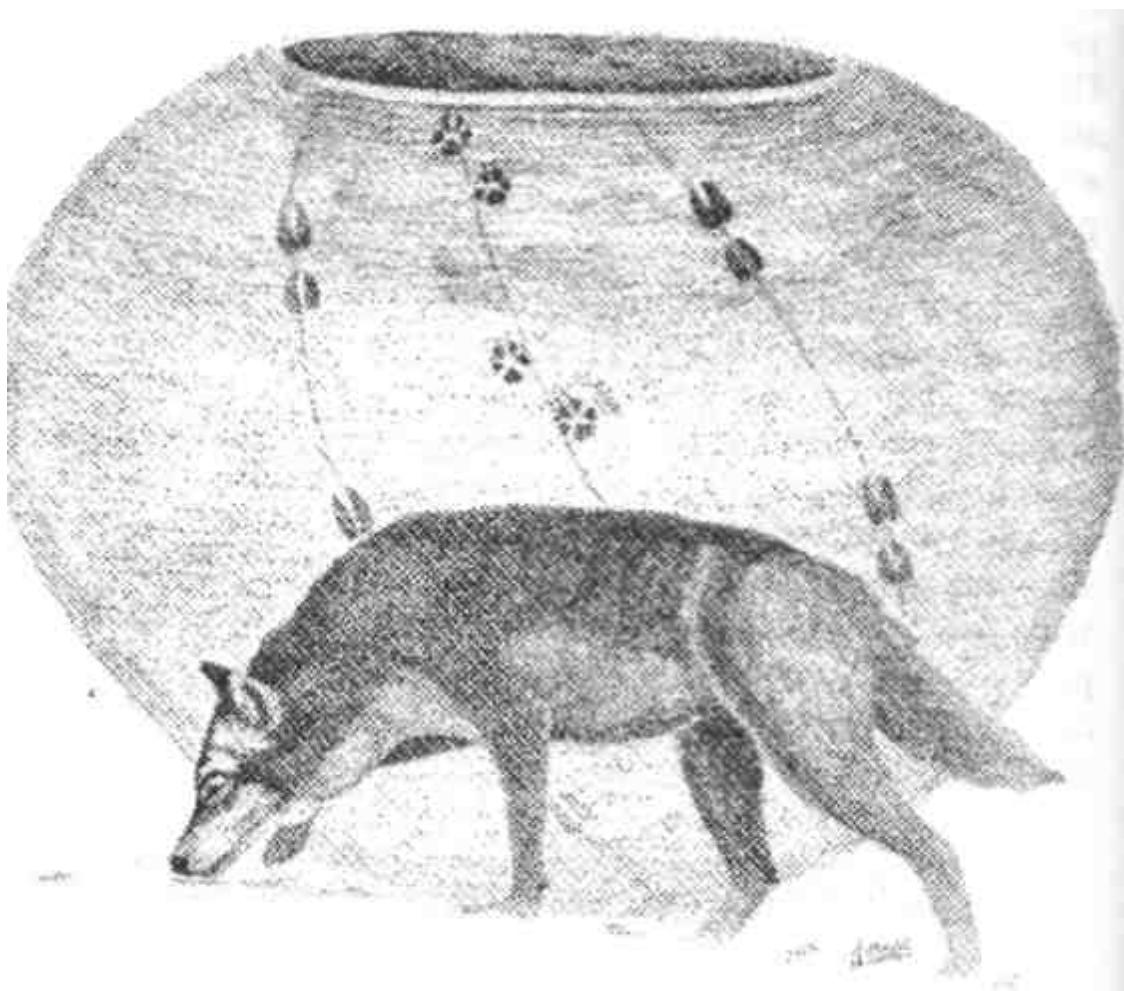
— Да, но становлюсь ли я *воровским существом*? Никогда прежде не видела я, чтобы Агнес так хохотала.

По ее лицу текли слезы, и она хлопала рукой меня по спине.

* Я сделала все что могла, — наконец заявила она. — Вот почему ты находишься здесь. Если тебе удастся стащить *корзинку* — это будет настоящий акт воровства — акт, достойный великой воительницы. Чем лучше охотница, тем опаснее дичь, за которой она охотится. Такой человек, как Рыжий Пес, опаснее любого духа. Победить такого человека и ограбить его логово...это...Да, если тебе это удастся, я скажу, что ты почти стала *воровским существом*.

* А сейчас?

Нет, пока нет. Эта страна, поросшая кустарником, все еще тебе в новинку. Воровство — это сила, а ты пока что очень неповоротлива. Неуклюжий охотник вряд ли может рассчитывать, что в его силки попадется хорошая добыча. Неклю-жие ловят других неуклюжих. Глупые существа живут за счет друг друга, *воровские же существа* могут находиться в любом месте в любое время. Ты можешь подстергать *воровское существо*

сколь угодно долго, но так и не увидеть его. Только *воровское существо* способно увидеть другое *воровское существо*. У *воровских существ* есть сны — они реальны.

Не существует преграды, способной остановить *воровское существо*. Там, где следы невидимки исчезают, можно увидеть ворону, воздушный шарик или орла, но в действительности ты видишь полет *воровского существа*. Беда глупцов в том, что они не видят всех хитросплетений следов. У них нет знаний, и это хорошо — ведь если бы они обладали знаниями, то не представляли бы, что делать с ними.

Время от времени глупцы обнаруживают нечто важное. Тогда за ними стоит понаблюдать. Они говорят: «Ага! Да это же так просто!» Когда находишься на пути к силе, то поднимаешь любую блестящую штуковину. Когда же идешь по пути *воровского существа* и видишь

блестящие предметы, ты просто отводишь от них глаза и проходишь мимо.

Когда глупец делает для себя блистательное открытие и поднимает первую блестящую вещь — для него все кончено, он проклят. Пыль поднимается вокруг него могучим вихрем, и он слышит далекие голоса. Это существо еще не состоялось как охотник. Ему бы стать скромнее, да чувство собственной важности просто распирает его. Прочие существа глядят на него, словно замороженные. Скорее всего, глупец будет сеять хаос и разрушения. Он расхаживает везде, прокладывает себе путь локтями и совершенно не умеет красться незаметно. Он силен, как молодой бык, и может стать религиозным или политическим лидером, но всегда будет оставаться лишь неявшимся охотником. Он может завести тебя лишь туда, куда дошел сам, и почему бы ему не сделать этого? Глупец *еоеи* что его блестящая находка — это центр вселенной. Прижимая ее к груди, глупец орет не своим голосом и приглашает всех прийти и полюбоваться его открытием. И люди являются из всех уголков земли, вымарав себя узорами, подражая его фальшивой раскраске. Они рядятся в его одежды и следуют за ним — навстречу своей гибели.

Наверное, ты думаешь: «Ну, уж я-то никогда не пойду за глупцом!» Но не смейся. Я могла бы хоть сейчас отослать тебя прочь с блистательным открытием. Ты могла бы обладать всеми великолепными корзинками, когда-либо существовавшими на земле. Кроме одной. Я могла бы обмануть тебя, сказав, что вручаю тебе *свадебную корзинку*. Ты уедешь счастливой и увезешь с собой муляж. Но я не стану обманывать тебя. Я не перестану учить тебя. Я хочу, чтобы у тебя было то, ради чего ты явилась сюда. Я хочу, чтобы ты обязательно получила эту *свадебную корзинку*. Наверное, для меня это значит больше, чем ты себе представляешь.

Во-первых, нужно понять, что тебе угрожает опасность.

** Автор*

И началась охота.

Я наблюдала, как дымный серый свет окутывал хижину Рыжего Пса. Я лежала на животе под шелковицей, мое лицо было вымазано речным илом. От земли исходил сильный запах. Ждала. Все во мне было напряжено. По земле вокруг меня и по моему телу сновали муравьи, пощипывая кожу: не сгожусь ли я в пищу? Это становилось невыносимым, но я не отваживалась даже пошевелиться. Наступил второй день пытки.

«Магический замок Рыжего Пса!» — подумала я про себя. Как может человек, обладающий силой, достаточной, чтобы убить меня и похитить *свадебную корзинку*, жить в таком доме? Хижина была прямоугольной и приземистой. Она казалась совершенно заброшенной. Щели между бревнами были законопачены старыми газетами и кусками земли. Жестяная крыша проржавела в нескольких местах, а дыры были залеплены разноцветным толем. Маленькие окна были такими замызганными, что я не могла разобрать, что творится за ними. Петух и куры кудахтали за избой у сарая, который, казалось, врос в землю.

Бен и Драм то и дело подходили к сараю, открывали тяжелые двери и скрывались за ними на несколько минут. Я слышала, как они чем-то там громыхали и звенели. Бен прислонившись к дверям, временами отпускал ядовитые замечания.

— Драм, ты уверен, что знаешь, как вколачивают гвоздь? — говорил он, выплевывая окурки и приминая его ногой. — Мне кажется, что это тебе не по зубам.

Вот Драм появился из сарая, неся в руках моток веревки а Бен последовал за ним с видом наблюдателя. Они стали очищать от ржавчины какие-то старые агрегаты, выкапывать ямы и сбрасывать туда мусор. Иногда они в шутку лупили друг друга, иногда просто стояли на месте. Казалось, парни стараются сделать как можно меньше работы.

Деревянная уборная сильно покосилась, а дверь на пружине хлопала и жутко скрипела с каждым порывом ветра. Я мысленно прозвала усадьбу Рыжего Пса «Свалкой», так как все это гнилое, ржавое старье лежало в полнейшем беспорядке, словно его здесь

оставили лет сорок назад. Старинный плуг, давно уже лишенный бронзового покрытия, скалился прямо в небеса. Во дворе валялись огромные кучи старых шин, на которые врямя от времени взбирался петух и горланил на всю округу. Рыжий Пес был хозяином Свалки и хотел, чтобы каждый об этом знал.

Возле покосившегося забора паслась пара тощих коров. Казалось, кости вот-вот прорвут кожу изнутри. Шерсть на их спинах вылезла клочьями, вымя казались пустыми, а колокольчики на шеях то и дело звякали, пока коровы пощипывали жидкую травку.

«Форд» старинной модели лежал на боку, ему не доставало большинство деталей, в том числе и осей. Дырявый гамак, натянутый между задним бампером машины и уборной, ритмично покачивался на ветру.

Я вздрагивала и чуть ли не подскакивала каждый раз, а Бен или Драм хлопали дверью хижины, чтобы сходить в туалет или помочиться прямо с крыльца. Казалось, Рыжий П с не отправляет естественных потребностей вообще. Ничто не говорило о его присутствии в хижине. Единственные звуки, которые я слышала за эти два дня, — кудахтанье кур, звон колокольчиков коров да хлопанье дверей.

Под конец второго дня из хижины донесся жуткий вой, от которого волосы на моей голове стали дыбом. Звук поначалу напоминал крик совы, а затем на смену ему пришли вопли какого-то доисторического животного. Через несколько секунд стали разноситься пронзительные стоны, в ответ на которые слышалось низкое рычание. Эти звуки продолжались долгое время, но мне так и не удалось определить их источник.

Смолкли они столь же неожиданно, как и возникли. Единственное, что доносилось до моего слуха, — это шорох листвы и шум ветра, гуляющего по равнине. Я уже была готова закрыть глаза и задремать, когда услышала громкий звук удара и быстрый топотмаленьких лапок. Подняв голову, я увидела серую мышь: зверек выбрался из-под дверей хижины, перебежал через крыльцо и устремился к большому камню. Тут же дверь распахнулась, и на пороге появились Драм и Бен. Они вертели головами во все стороны.

* Куда она делась? — спросил Драм.

* Да вот она!

Бен и Драм принялись гоняться за мышью по всему участку в попытке загнать ее в угол. Мышь вскарабкалась на дерево, перепрыгнула на жестяную крышу, а оттуда спустилась вниз по столбу. Зверек был настолько проворен и хитер, что Бен и Драм не могли даже приблизиться к ней — где уж там поймать! Всякий раз, когда казалось, что деваться больше некуда, мышь предпринимала совершенно неожиданный маневр и с торжествующим писком уходила от преследователей.

— Да вон там она, там! — закричал Бен.

Они бросились туда, где появилась мышь. Казалось, она поджидала их приближения и бросилась наутек лишь тогда когда преследователи оказались рядом. Крохотное существо обманывало Бена и Драм на каждом шагу.

Вдруг мышь совершила ошибку, которая мне показалась роковой: она забежала в пустую ржавую железную банку. Драм поднял банку и закрыл отверстие ладонью.

* Поймал! Поймал!

* Дай взглянуть, дай взглянуть, Драм.

Драм развел пальцы ровно настолько, чтобы можно было заглянуть вовнутрь. Затем он встряхнул банку и заглянул туда снова.

* Она там?

* Она должна быть там, — ответил Драм. — Я видел ее. Он снова встряхнул банку и снова заглянул вовнутрь.

* Черт, она должна быть здесь. Я же видел ее!

Она давно уже скрылась. Нам не удастся поймать ее. Драм встряхивал банку все сильнее и сильнее, а затем перевернул ее, словно собирался опорожнить.

— Здесь ее нет, — заявил он.

Тут-то из банки и выпала мышь. Драм и Бен закричали, и охота возобновилась. Мышь побежала вдоль хижины прямо к туалету, затем развернулась и прошмыгнула у Бена между ног. Бен подскочил, словно от испуга, а мышь подбежала к деревьям и там стала поджидать своих преследователей.

* Черт с тобой! — закричал Драм.

* Да, черт с тобой, — повторил за ним Бен.

Мышь покрутила головой, поглядела на них своими черными глазками-бусинами и медленно направилась к сараю, где проползла в щель под дверь.

— Оттуда нет выхода, — заявил Бен, — теперь она попалась.

Оба стремглав бросились в сарай и исчезли там.

— Подожди дверь, — донесся до моих ушей голос Бена.

Тут раздался звук, какого я еще не слышала в своей жизни. Он напоминал рев чудовища. Бен и Драм выскочили из сарая и помчались по дороге, словно за ними гнался сам сатана. Мышь спокойно вышла из сарая и вновь юркнула в хижину, но Бен с Драмом возвратились только через полчаса.

Теперь из хижины не доносилось ни звука. Сквозь окно пробивался бледный оранжевый свет. Закатное вечернее солнце, перебирая лучами-пальцами по поленнице, почти полностью исчезло за линией горизонта. По-прежнему не было никаких признаков присутствия Рыжего Пса. Но я хотела точно знать, что его нет дома.

Свет в хижине погас, дверь отворилась и на темном крыльце появились перешептывающиеся Бен и Драм. Через несколько секунд они шагали по дороге. Я смотрела, как их силуэты исчезают за холмом. Вскоре звуки их песни растаяли в ночи. Я совсем околела. Если бы хоть кто-нибудь оставался дома, свеча обязательно бы горела. Именно этого момента я ждала так долго. Сейчас я могу отправиться в хижину и украсть *корзинку*. Я достаточно долго наблюдала за домом. Рыжего Пса там нет.

— Ах, как я была глупа!

До моих ушей не долетало ни звука, только поскрипывание двери уборной. Даже куры молчали. Я энергично растерла бедра руками и пошевелила пальцами ног, чтобы восстановить кровообращение. Мое тело все еще было деревянным. Ветер дул мне прямо в лицо. Я стала медленно передвигаться, стараясь не издать ни звука. Все тело охватила дрожь. Наконец мне удалось преодолеть сотню ярдов, отделявшую меня от хижины, и я уселась у бревенчатой стены. Здесь стоял густой запах сажки. Тьма сгущалась с каждой минутой, и длинные тени приобретали зловещие очертания. Несколько минут я

выжидала, а затем вновь стала продвигаться, оглядываясь и прислушиваясь после каждого шага. На меня навалилось тяжелое предчувствие. Казалось, что меня должны вот-вот убить.

Я прижалась спиной к стене и ощупью стала потихоньку пробираться к окну. Чуть-чуть приподнявшись, я ухватилась за нижний край оконной рамы и провела по нему рукой, пытаюсь представить себе обстановку хижины. Никакой реакции. Я попыталась заглянуть внутрь. Стекла были покрыты слоем жирной грязи и отражали только ночное небо. Тогда я протерла стекло рукавом своего вязаного платья и, сложив руки козырьком, прижалась лбом к холодному стеклу. В хижине царила полная тьма. Я попыталась сфокусироваться хоть на каком-то предмете, но не могла различить там ничего. Если Рыжий Пес находился внутри, то давно уже заметил и меня, и мои попытки забраться в его хижину. Собрав всю свою волю, я двинулась к двери. Я ни о чем не могла думать. Моей единственной целью была *свадебная корзинка*. Медленно повернув ручку, я приоткрыла дверь.

От страха я вся дрожала.

С дороги донесся неистовый лай собаки. Я закрыла дверь так же тихо, как и открыла ее. Меня охватила паника. Развернувшись, я побежала в сторону своего укрытия — туда, где деревья стояли густой стеной.

Пес стоял на крыльце. Он рычал и щелкал зубами. Затем я услышала мягкие собачьи шаги. Пес приближался. Его лаза, казалось, смотрели прямо на меня. Я перестала вертеться и замерла.

Откуда-то донесся голос Драма:

— Заткнись, Суповая Кость!

— Наверное, он загнал скунса на дерево, — сказал Бен.

— Да мне плевать, мне не нравится этот чертов шум.

— Рыжий Пес может проснуться, тогда нашим задницам не поздоровится!

— Ну хватит, Суповая Кость! — обратился Бен к собаке.

Они оба засвистели, и пес, уже готовый вцепиться в меня, недовольно повернулся и засеменил по направлению к хижине.

— ЭЙ, ИДИОТЫ! СЕЙЧАС ЖЕ ПРИВЯЖИТЕ ЭТУ ШАВКУ, ИЛИ Я УБЬЮ ВАС! Я ПЫТАЮСЬ УСНУТЬ!

— Это был голос Рыжего Пса. Все это время он находился в доме.

Тишину ночи больше ничто не нарушало. В хижине царило полное безмолвие. Даже петух не кричал.

На следующий день, когда уже начинало смеркаться, вдруг раздался бой барабана. Меня он раздражал. Агнес и Руби стучали совсем не так. Казалось, звуки проносятся над землей и скапливаются в глухих углах, словно единственной целью музыки было сотрясти воздух. Барабанный бой продолжался еще некоторое время, а потом я услышала лай шакалов. Вдруг земля вокруг хижины задрожала, и до меня долетел грохот копыт. Вскоре лай и грохот стихли, и дверь хижины стала медленно отворяться. В проеме показался Рыжий Пес.

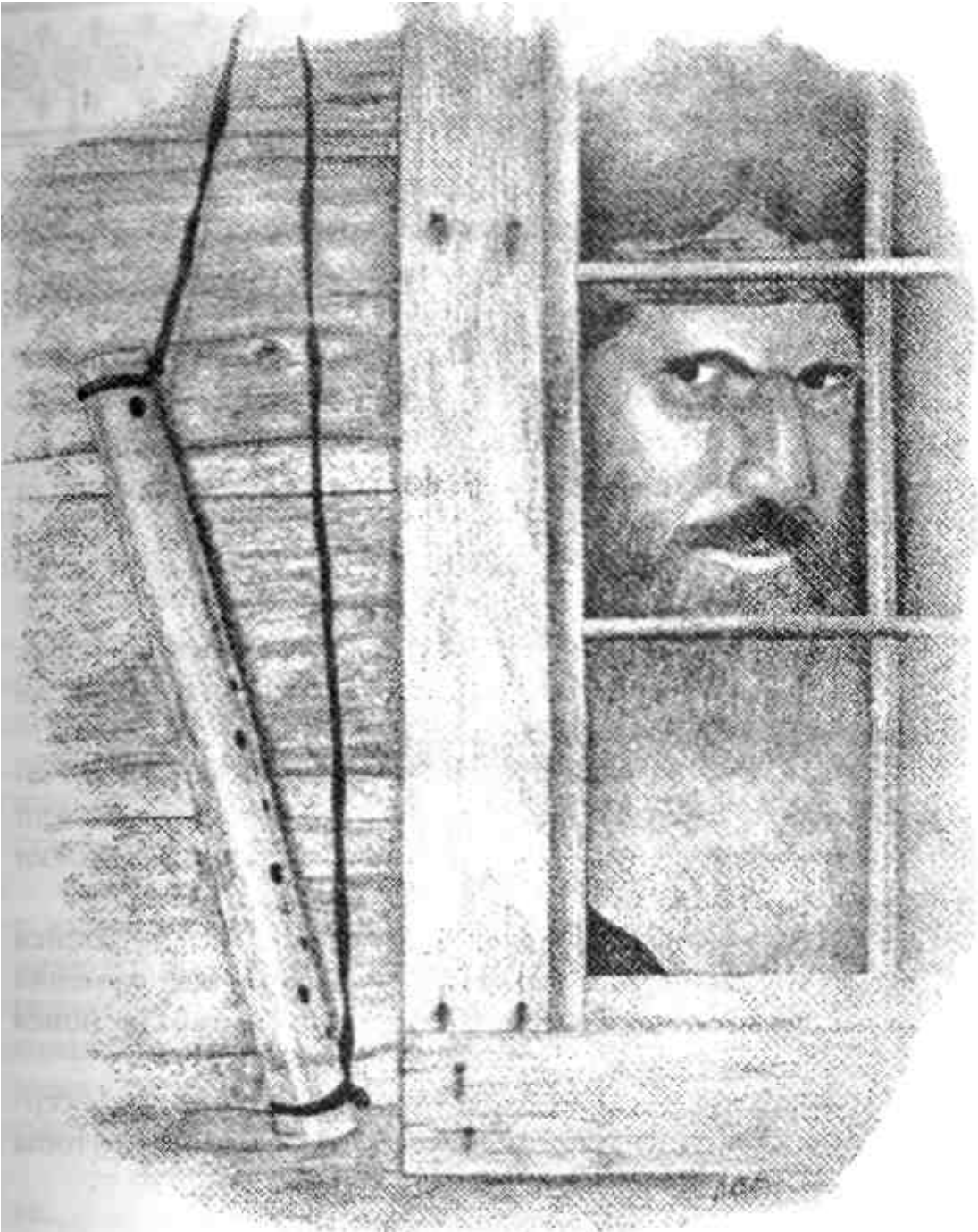
Он походил на растрепанного горца. На нем были старые брюки цвета хаки и оливкового цвета военная куртка, его рыжие волосы доходили до плеч, а нижняя часть лица скрывалась под длинной густой бородой. Его глаза пронзительно блестели, они напомнили мне глаза орла. Я безостановочно дрожала всем телом. Было ли это мое воображение или его сила действительно ощущалась даже на таком расстоянии?

В руках он держал какой-то серебристый предмет, блестевший под лучами заходящего солнца, словно нож. Рыжий Пес закрыл двери хижины и присел на краешек крыльца. На его ногах были тяжелые ботинки, но при ходьбе он не издавал ни звука. Я не могла оторвать глаз от этих ботинок. Рыжий Пес медленно поднес руку с ножом ко рту, и мне показалось, что он слизывает что-то с лезвия. Тут только я поняла, что это был вовсе не нож, а флейта. Он подул в нее, и оттуда полились нежные, чарующие звуки. Я стала расслабляться. Рыжий Пес самозабвенно играл, откинув голову назад. Обыденный мир стал растворяться в звуках этой волшебной музыки. Я слушала, затаив дыхание.

Я закрыла веки, а затем быстро раскрыла их, чтобы увидеть мир более отчетливо. И снова в глаза мне бросились эти ботинки. Они были странного коричнево-пшеничного цвета. Казалось, что они не сходятся на его голени, покрытых перьями от самых колен.

Рыжий Пес поднялся — ноги широко расставлены. Музыка флейты стала громче, но казалась еще мелодичнее. Вдруг какой-то мощный энергетический толчок подбросил его в воздух. Казалось, он

освободился от силы земного тяготения. Склонив голову набок и согнувшись в талии, он закружился в воздухе, таинственным образом превращаясь в *качину* — неистового духа *Коконелли*^{[Город Творцов*](#)}. На огромной, похожей на маску голове красовалась белая полоса. Остальная часть лица (кроме белых кругов над глазами) была черной. Лоб венчали перья — красные и белые. Нос — нечто среднее между фаллосом и словно был направлен в точности на меня. Вокруг обвивалось ожерелье, точь-в-точь как толстая черно-белая змея. Еще я заметила у него блестящий мешок, заброшенный за плечи.

Несколько мгновений я была не в силах смотреть на него. Эта горбатая гротескная фигура светилась в ночи призрачным светом и казалась одновременно прекрасной и безобразной. Его голубая трещотка сверкала, флейта продолжала играть. Он не прекращал скакать, кружить и плясать вокруг хижины. Рыжий Пес запрыгнул на крышу, а затем соскочил с нее, оказавшись в опасной близости от моего укрытия. Затем обежал вокруг меня. Тут я поняла, что все это

время он знал о моем присутствии. Рыжий Пес улыбнулся мне — бросил дерзкую улыбку любви. Затем, достав из своего заплечного мешка кольцо, он протянул его мне, издевательски усмехаясь и не прекращая прыгать из стороны в сторону. Я смотрела на него как замороженная. Вот он склонился ко мне, и я ощутила на своем лице его горячее дыхание. Я восхищалась им. Он воплощал в себе дух всех *качин*. Он манил меня к себе. Он дразнил меня, медленно поворачиваясь всем своим чувственным телом, подойдя ко мне так близко, что я могла потрогать его рукой. Музыка убаюкивала меня, и я сама услышала, как начала издавать какие-то тихие мелодичные звуки. Вскоре я ощутила жар. Нас окружили тени и свет — свет и тени.

—Я пойду с тобой, — прошептала я, поднимаясь.

Я сделала шаг. Чья-то сильная рука ухватила меня сзади, как клещами. Повернувшись, я увидела перед собой искаженное злостью лицо Агнес.

* Иди за мной, — прошипела она мне прямо в ухо.

* Нет! — закричала я.

Я совсем обезумела от страсти. Я пыталась оттолкнуть Агнес ногой и вырваться из ее хватки. Дико озираясь в поисках *Коконелли*, я увидела лишь Рыжего Пса, как и прежде сидящего на крыльце в своей одежде цвета хаки. Со мной случилась истерика. Я стала царапать и лягать Агнес, колотить ее кулаками по лицу. Она размахнулась и ударила.

Очнулась я на своей постели в хижине. Меня разбудили собственные всхлипы и стоны. На моей голове — в том месте, куда пришелся удар, — вздулась здоровенная шишка. Агнес возвышалась надо мной. На ее морщинистом лице было написано презрение, глаза горели недобрым огнем. Она топнула ногой.

* Ты не надела это! — в ее пальцах покачивалась сережка из рога оленя. — Она не могла найти тебя. Еще немного, и ты бы погибла. Последуй ты за этим миражом, Рыжий Пес овладел бы твоим духом.

* Я собиралась надеть ее. Я просто забыла... — запинаясь, стала оправдываться я.

—Надеюсь, ты все же не умрешь. А сейчас, девушка, приготовьтесь на собственной шкуре узнать, что такое страсти Рыжего Пса.

*Маги никогда никого не убивают.
Они делают так, что люди сами
убивают себя.*

** Агнес Быстрая Лосиха*

Мне кусок в горло не лез. Я безостановочно меряла шагами комнату. Потолок, стены — вся обстановка давила на меня. Агнес сидела на своем любимом стуле, наблюдая за каждым моим движением.

—Агнес, прекрати глазеть на меня, — сказала я, не выдержав.

Агнес ничего не ответила, а я продолжала расхаживать из угла в угол. В моем правом ухе звучала мелодия флейты *Коконелли*. Я сходила с ума от страсти.

* Почему мне нельзя просто пойти поговорить с Рыжим Псом? — спросила я у Агнес. — Возможно, мы смогли бы понять друг друга, — в моем голосе зазвучали нотки капризной школьницы.

* Нет, — бесстрастно ответила Агнес. — Попробай понять, — тут же добавила она, — Рыжий Пес поменял приманку. Он решил сам стать приманкой. Рыжий Пес повел себя нехорошо. Ему следует надрать задницу.

Но я даже не слышала слов Агнес. Топнув ногой, я сердито глянула на нее. Мне необходим был простор, чтобы вдохнуть воздух всей грудью.

—Мне можно пойти посидеть на крыльце?

— Нет.

—Почему нет?

— Нельзя ни в коем случае.

— Ну, пожалуйста, Агнес!

— Нет. Я уже сказала.

—Что ж, ладно.

Звуки флейты навевали воспоминания о похотливой ухмылке *Коконелли*. Я виновато улыбнулась и извинилась за свое поведение. Агнес молча кивнула головой.

После получасовой пытки я наконец не выдержала и заявила:

—Пойду к своей машине. Там я оставила книгу, которую собираюсь прочесть.

Агнес промолчала.

—Это интересная книга, по йоге, — продолжала я, открывая дверь. — Мне дал ее один мой приятель. Тебе должны понравиться рисунки.

Сделав сперва несколько спокойных шагов, я стремглав бросилась по направлению к машине, как только сошла с крыльца. Оказавшись на приличном расстоянии от дома Агнес, я оглянулась. Ее нигде не было видно. У меня вырвался вздох облегчения: «Мне все-таки удалось отделаться от тебя, старая карга!»

Довольная собой, я свернула с тропинки и направилась к жилищу Рыжего Пса. Я перестала замечать все вокруг, но меня это мало тревожило. Мелодия флейты звучала в моей голове все громче и громче. Она звала меня, завлекала. Не в силах больше сдерживаться, я побежала. Тропа проходила между двух больших камней и делала поворот. Вдруг я застыла как вкопанная.

—Агнес... — испуганно начала лепетать я, — да я просто...

Она преградила мне путь. Ухватив меня за бока и развернув на сто восемьдесят градусов, она пихнула меня в сторону дома.

—Отправляйся назад, сейчас же! — сказала она, едва сдерживая гнев.

Я медленно побрела к хижине. Ничего, у меня еще будет возможность улизнуть!

—Садись на кровать и молчи, — приказала она, как только мы оказались дома. — Ты просто дура. Следующий раз я позволю ему прикончить тебя.

Внутри меня все пылало. Казалось, Рыжий Пес разжег неистовое пламя внутри меня. Мне приходилось призвать всю свою волю, чтобы не ринуться обратно.

Вот Агнес склонилась над сундуком и начала рыться в нем. Я осторожно приблизилась к двери. Одним движением я распахиваю

ее, но Агнес успевает ухватить мои развевающиеся волосы и швырнуть меня на кровать. Я начинаю всхлипывать.

— Линн, постарайся хоть немного пошевелить мозгами, — услышала я над собой голос Агнес.

Но музыка флейты звучала в моей голове, словно соборный орган. На моих губах выступила пена. Я стала бить Агнес ногами, царапала ей руки и даже попыталась кусаться.

— Я ненавижу тебя! — кричала я. — Ненавижу! Отпусти меня, не то пожалеешь!

Наконец Агнес нашла то, ради чего она перерыла весь сундук: один кусок веревки она держала в руке, другой был зажат у нее в зубах. Поймав мои руки, она обмотала кисти веревкой, а затем привязала их к спинке кровати. Прodelав то же и с моими ногами, Агнес отступила на шаг, довольно потирая руки.

— Вот так-то будет лучше, — сказала она.

Я сжимала и разжимала пальцы, извивалась и кричала. Постепенно в моей голове стало проясняться.

— Послушай, Агнес, я в состоянии мыслить логически. -Не могли бы мы спокойно обсудить ситуацию, без всех этих мелодраматических сцен? Веревки причиняют мне боль.

— Безусловно, и чем больше ты пытаешься вырваться из них, тем туже затягиваются узлы.

Она подтянула стул к кровати и уселась на него. Затем, закрыв глаза, затянула нежную песню на языке кри. Но я была слишком зла на нее, чтобы оценить красоту пения.

— Знаешь ли ты, что это противозаконно. Я могу засадить тебя в тюрьму за это.

Она только рассмеялась в ответ.

— Мне больше не нужна эта *корзинка*. Меня словно раздирает на части. Я хочу познакомиться с тем человеком. Я больше не могу выдержать! — и я стала плакать.

— Слушай меня! — прикрикнула Агнес таким повелительным голосом, что видения и даже музыка на миг исчезли. — Слушай, — повторила она. Ее голос каким-то образом проникал сквозь пелену, окутавшую мое сознание. — Ты даже не представляешь, что угрожает тебе. Вспомни Джули. Ты — моя ученица, а Джули — ученица Руби.

Однажды она шла по дороге — пыталась добраться до Кроули автостопом. Заметив вдалеке старый пикап, она подняла руку, и тот притормозил рядом с ней. Джули изумилась: это оказался вовсе не пикап, а совершенно новая машина престижной марки. Но она приписала это игре собственного воображения. Белый мужчина, который сидел за рулем, был очень любезен и предложил Джули подвезти ее куда нужно. Та забралась в кабину. Мужчина сказал, что он сейчас на пенсии и завел здесь ранчо. Потом добавил, что хочет нанять индейца, готового присматривать за скотом. Джули ответила, что она подумает, кто из ее знакомых может согласиться на эту работу. Тут Джули заметила в мужчине какую-то странность. Опустив глаза, она увидела, что на педаль акселератора жмет вовсе не человеческая нога, а расщепленное копыто. Она вновь подняла глаза и почувствовала, что не способна сфокусировать взор. Но одно она знала наверняка — мужчина за рулем был уже другим человеком. Она поняла, что попала в ловушку колдуна. Рядом с ней сидел Рыжий Пес. Джули попыталась защититься, но было слишком поздно. Она только и могла, что слезно умолять отпустить ее. Девушка и не надеялась, что Рыжий Пес позволит ей уйти, но тот подъехал к обочине и остановился. Джули открыла дверцу и пустилась бежать. И тут она услышала, как Рыжий Пес назвал ее имя «Джули», а затем зазвучала флейта. Она не хотела останавливаться, но ей пришлось. Развернувшись, она пошла ему навстречу, словно в трансе. Джули больше не обладала собственной волей.

Агнес замолчала. Наступила долгая тишина. Наконец я спросила, сглотив, чтобы разогнать комок в горле:

- * Что же произошло потом?
- * Видела ли ты, как паук убивает бабочку?
- * Нет, не видела, — ответила я.

—Что-то подобное приключилось с Джули. Паук забавлялся с ней. Он не убил ее одним ядовитым укусом. Он стал прыгать вокруг нее, танцевать, играя на своей флейте. Он поступил с ней так же, как и с тобой. Словно паук, он высосал все жизненные соки из своей жертвы. Джули стала его любовницей. Вместе с жизненными соками он отнял у нее дух силы, засунул его в пустую тыкву и подвесил ее к потолку

своей хижины. Эта тварь считает, что шутка удалась на славу. Покончив с Джули, Рыжий Пес выбросил то, что от нее осталось, на крыльцо хижины Руби. Он оставил ей только флейту. Джули до сих пор одержима музыкой, и потому она беспрестанно играет. Руби пришла в ярость. Много дней пясались холмы вокруг ее хижины, много дней лесные звери боялись показываться из своих нор. Рыжий Пес хохотал не переставая, — в голосе Агнес появились мстительные интонации. — Руби собирается проучить его. Ты это еще увидишь. Она хочет оставить одного его ученика без его собственных костей. Так вот Линн, знай, с чем ты столкнулась..

Лицо Агнес было серьезным. Она потрогала рукой мой лоб, и я поняла, что заболела — лишилась рассудка. Мысль о том, что произошло с Джули, отрезвила меня. Я стала трястись от страха, вспоминая ее пустой, безумный взгляд.

Я снова услышала музыку флейты. Страсть волнами захлестывала меня. Казалось, Рыжий Пес осознал, что теряет власть надо мной, и сейчас идет, чтобы убить меня. Агнес сняла со стены мешочек из сыромятной кожи и извлекла оттуда сухие листья. Скрутив из них сигарету, она сделала несколько затяжек, а затем подошла к кровати и уселась прямо мне на грудь.

— Втяни в себя этот священный дым, — приказала она, держа меня за подбородок и вставляя сигарету в губы. — Линн, это поможет тебе *сновидеть*. *Сновидеть* свою страсть. Улетай прочь. Пройди сквозь петлю своих самых сокровенных страхов и желаний. Встреться с ними и победи их. Пройди сквозь собственное отражение и освободись от Рыжего Пса. Поступай во сне так, как желаешь поступать, и найди потайную пещеру, где ты прячешь свое сердце.

Последнее, что я помню: Агнес усаживает меня за стол. Мои глаза закрылись. Мучительные звуки флейты медленно ползли сквозь мозг. Низкий потолок начал кружиться. Он становился прозрачным, как вуаль. Я выскочила из собственного тела и тут же оказалась во дворе, рядом с хижинкой.

Некоторое время я блуждала меж деревьев, котом присела и пригляделась к камешку на тропе. Оказалось, в нем есть отверстие, из которого лился свет. Я внимательно вгляделась в него и стала такой маленькой, что смогла полететь навстречу этому свету.

Попав в эту дырочку, я услышала сильный треск, а затем стремительно полетела сквозь холодное кристаллическое пространство. Через некоторое время я оказалась на просторном дворе посреди джунглей. Лунный свет заливал все вокруг. В центре находился Храм Великого Ягуара. Невдалеке, на расстоянии нескольких сотен ярдов друг от друга, возвышались две пирамиды, высеченные из огромных скал. Между ними стоял каменный алтарь. Это было *место ягуара* — место равновесия между памятью и забвением.

Тишину нарушили звуки флейты и мягкая поступь мокасин по траве. На фоне южной пирамиды выделялся кружащийся в танце фантастический силуэт *Кокопелли*. Это был древний ритуальный танец. Звуки флейты напоминали брачный зов вожделения. Рыжий Пес пытался достать меня изнутри. Во мне вновь стала разгораться ответная страсть.

По мере того как луна поднималась, гигантская пирамида вырисовывалась все отчетливее. Хижина Агнес полностью стерлась из моей памяти, а над головой простиралось залитое звездным светом ночное небо из другого времени. Фигура великого *качины*, окутанная лунным светом, была неотразимой. Он плясал и играл на своей волшебной флейте, жестами приглашая меня к алтарю. Я стояла на вершине пирамиды, белые одежды развевались на горячем ветру. Мы проскользнули в щель между мирами и очутились в пространстве, где содержались высшие понятия, — мы очутились в пространстве магии. Меня захлестывала любовь к *Кокопелли*. Мы исполняли священный ритуал, который вдохнет силу в непре-вный поток жизни. Я была олицетворением всех женщин.

Я медленно спускалась по ступеням пирамиды. *Качина* на алтаре и подмигивал мне. В нем было что-то от зверя, что-то от птицы и что-то от человека. Я шла навстречу собственной смерти, но мне было все безразлично. *Кокопелли* манил меня своими горящими глазами. Протянув руки, он осторожно усадил меня на алтарь.

Меня усыпали душистым шалфеем. С обеих сторон горели факелы. Игра теней и света факелов гипнотизировала. Мне стало трудно дышать. Его лицо светилось, изменялось то исчезая, то вновь

появляясь. Я закрыла глаза и увидела то, что не было ни мной, ни им, — я увидела силу *сновидения*, стоящую за нами обоими. Это был союз высших и низших «я», мы были едины со всеми живыми существами во Вселенной. Казалось, флейта продолжает играть сама по себе. Мы лежали на каменном алтаре, и ночной ветер окутывал нас, как звездное покрывало. Посмотрев на лицо *Кокопелли*, я поняла, что лежу там одна — обретя того, кого боялась и кого желала больше всего на свете, я слилась с ним в одно существо — в воина и воительницу. Я соединилась с воином — с мужчиной, жившим во мне.

Пирамиды исчезли, и я почувствовала себя покинутой. Свернувшись, как плод в матке, я неслась где-то вне времени и пространства. Все вокруг поглотила тьма.

Когда я проснулась, мое тело била дрожь. Агнес уже успела развязать меня и спрятать куда-то веревки. Она принесла ведро, и я умылась. Затем она придвинула стул поближе и села рядом со мной, а я снова легла в кровать, чувствуя неодолимую слабость. Когда я в следующий раз посмотрела в окно, то увидела, что солнце уже перешло на западную сторону и висело низко над горизонтом. Я проспала всю ночь и почти весь день.

Агнес разгладила мои волосы и прикоснулась рукой ко лбу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

Ее лицо выражало одновременно и радость, и строгость.

— Что, будем ждать ребенка-качину? — она захихикала.

Я рассказала ей обо всем, что пережила, как можно подробнее. Сейчас я начала осознавать, что чувствую лишь остаточную страсть. Казалось, мое психическое здоровье восстановилось.

* Агнес, — сказала я, почувствовав, что наконец могу присесть на кровати, — что все это значит? Какое отношение может иметь этот сон к *свадебной корзинке*?

* Они соприкасаются друг с другом в твоей памяти. Ты осознала, что *свадебная корзинка* была послана тебе

сновидящими как символ единения великого воина и великой воительницы в твоём существе. Каждая женщина ищет этого великого воина, этого лучшего из мужчин, заключенного в ней самой. Мы ищем его всю жизнь. Если нам везет, мы встречаемся с ним во сне, сочетаемся с ним брачным союзом и становимся единым целым. Ты понимаешь меня?

* Да, думаю, что понимаю.

— Те сны о двух вождях — большая удача. Должно быть, ты обманула силу, раз смогла найти их. Символом вождей является великая магия — та магия, о которой женщина почти забыла. Раньше это было очень опасно, но сейчас ты можешь помочь женщинам вспомнить об этой магии. Ты соединила в своём «я» женское и мужское начало и пришла туда, где дороги расходятся. Теперь ты можешь изменяться и расти. Ты начнешь понимать, что в действительности означает слово «отдавать». Женщина думает, что она умеет отдавать, но она забыла, как это делается. Жилища многих женщин стоят пустые, так как никто не заглядывает в них.

Протяни руки к великому воину, который сидит в женщине и ждёт, прими его и стань свободной. Оранжевое солнце походило на удлиненное яйцо, которое кто-то окунул в сумерки. Мы сидели на крыльце и молчали. Меня била мелкая дрожь, а внизу живота притаилось странное чувство. Когда совсем стемнело, Агнес приказала мне отправляться в постель. Она сказала, что должно пройти ещё время, прежде чем я смогу полностью оправиться от переживаний. Она долго не появлялась в комнате. Много позже я проснулась и увидела Агнес сидящей у изголовья моей кровати. Её руки были сложены на коленях. Она смотрела прямо перед собой — туда, где на стене играли световые узоры.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Она улыбнулась и сделала знак, чтобы я продолжала спать.

Что же такое ночные видения и боль, как не слабость твоей воли?

* Хаимеиостс Сторм

Я наконец проснулась и поднялась с кровати. Самочувствие было как после недельного запоя. Запах священного дыма был очень силен, и я медленно подошла и уселась за стол.

Агнес перебирала огромное количество вещей: камни, кристаллы, веревки, сплетенные из душистой травы, черепаховый панцирь, отбеленную нижнюю челюсть какого-то животного, перья, засушенные цветы и прочие вещи, назначение которых для меня оставалось загадкой.

—Все вещи живые, Лини. Я наблюдала за тем, как дух виски забирает с собой многих людей. Дух растений или наркотиков также забирает к себе многих. Как мало людей, которым известен дух всех вещей! Но этому можно научиться. Такое путешествие очень опасно, но я сама поведу тебя, когда ты будешь готова. А сейчас ешь, — сказала она.

Я приготовила себе завтрак, но не смогла проглотить и куска собственной стряпни. Только посленесколькихглоточ-ков чаю мне полегчало.

—Агнес, то, что я пережила вчера вечером (или это происходило не вечером?), показалось мне таким реальным, как сама жизнь. Я уверена, что повстречалась где-то там с Рыжим Псом, а также с *качиной Кокопелли*.

Она подняла лист и стала рассматривать его в лучах утреннего солнца.

* Не кажется ли тебе, что лунный вигвам тоже реален? — внезапно спросила она. Затем, запихивая камни и кристаллы в выбеленную нижнечелюстную кость, продолжила: — Сновидения проникают глубоко под землю. Они женской природы. Мужчина берет вещество и придает ему форму. Сны — это твое второе зрение. Ты сама-то реальна? На этот раз ты возвратилась с силой. На этот раз ты возвратилась с памятью.

* Мне очень трудно разобраться в *сновидениях*, — ответила я. — Трудно понять, что это такое и что они несут в себе. Сны, являвшиеся мне на протяжении последних месяцев, очень реальны и, кажется, полностью переменили мою жизнь. Но я не

могу даже представить себе, что сны материальны. Взять хотя бы этот сон — он был не похож на видение.

— Не приходило ли тебе в голову, что люди скитаются между двумя мирами отражений? Прикоснись к земле, чтобы проснулась мать. Земля — живет и *сновидит*. Все, о чем могут подумать люди, — материально. Твои мысли материальны. Пробудившиеся — шаманы — могут путешествовать к другому концу вселенной и даже еще глубже. Здесь находится радужная дверь, ведущая к изнанке материи. Если ты проникнешь сквозь эту дверь, существа, живущие по ту сторону, смогут наделить тебя той силой, которой ты пожелаешь обладать. Чаще всего сила слишком тяжела, чтобы мы могли протащить ее сюда за собой. Как радуемся мы, проходя обратно сквозь ту дверь, которая некогда открылась нам! Но величайшие воины совершали этот подвиг неоднократно. Ты вошла сюда через эту дверь в момент своего рождения и будешь втянута через нее обратно, когда придет твоя смерть.

Там тебе дано все, и там у тебя нет ничего. *Хранители* хотят, чтобы человек входил туда и брал все, что может унести.

Когда *они* видят тебя, то начинают петь. Ты говоришь о материи. Слушай, любая материя, в том числе и мои *сновидения* - мои сестры и братья. Я узнаю своих сестер и братьев, и мы живем здесь дружно.

— Агнес — сказала я, — не забудь, что я только встала с постели.

Агнес улыбнулась.

Вся твоя беда в том, что жизнь открывает перед тобой огромное число возможностей для обучения, а ты все еще не до конца проснулась, чтобы их увидеть.

— По крайней мере, я кое-чему научилась, — ответила я возмущенно.

— Линн, ты споткнулась об орлиное перо, словно оно преграждало твой путь.

— Что это означает?

— Ты думаешь, что я сумасшедшая старуха, — так я такая и есть, — Агнес захохотала во все горло.

Я тут же запротестовала:

* Да разве бы я оставалась здесь, если бы действительно так думала?

- * Возможно, — вновь захохотала она.
- * Ты мне до сих пор не сказала, что означает «споткнуться об орлиное перо».

Орел парит высоко в небе и видит оттуда все хитросплетения жизни. Когда перо орла-шамана падает вниз с небес, оно хранит в себе знание. Если ты умна, то поговоришь с ним и попросишь дух этого пера стать твоим проводником. Все орлиные перья обладают силой, а ты должна поднимать их и беседовать с ними. Потом узнаешь, как выслушивать ответы. Ешь свой завтрак.

Я давилась пищей, пока Агнес убирала свою коллекцию в шкаф. Закрыв ящик, она задумчиво уставилась на меня.

—Идем-ка за мной, Линн.

Я вышла с ней на крыльцо. Джули прислонилась спиной к столбу и играла на флейте. Тут только я осознала, что последнее время слышала звуки флейты так часто, что уже перестала воспринимать их. То, что я слышала сейчас, казалось вялым и слабым — флейтистке просто не хватало сил дуть в инструмент.

- * Присаживайся сюда, — сказала мне Агнес, указывая на место напротив Джули. Я стала опускаться с осторожностью — мое тело оказалось намного более одеревенелым, чем я предполагала. Агнес присела на корточки между нами и взяла Джули за подбородок.

- * Внимательно присмотришься к Джули, Линн. Погляди в ее глаза и скажи, что ты там увидишь. Опиши ее.

Последнее время я была так занята, что даже не заметила, как сильно девушка сдала. Джули словно не замечала нашего присутствия. Флейта выпала из ее рта, но она продолжала выдувать из себя воздух, пуская пузыри. Она быланевероятно бледна и истощена. Ее карие глаза ввалились внутрь и казались еще более пустыми, чем раньше.

—Я вижу кого-то, потерявшего рассудок, — начала я, запинаясь.

Агнес впиалась в меня взглядом:

- * Хочешь, чтобы это стряслось и с тобой?
- * Нет, — закричала я, — не хочу!
- * Тогда оставайся здесь и понаблюдай за ней немного. Ты все

равно сможешь кончить так же, как и она, если пожелаешь, — с этими словами Агнес скрылась за порогом.

Оставшись одна, я оперлась о стену и попыталась привести мысли в порядок. Джули шарила по земле руками в поисках флейты. Я вспомнила ее встречу с Рыжим Псом, и гяезы жалости навернулись мне на глаза. Но при мысли о Рыжем Псе я ощутила укол ревности и почувствовала себя волчицей, которая охраняет свою территорию. На мгновение я почти возненавидела Джули. Казалось, мои мысли полностью вышли из-под контроля. Наверное, если кто и потерял здесь рассудок, то это я. Возможно, Джули думала, что свободна — ведь она слышала музыку Рыжего Пса.

— Линн, увидела ли ты то, что хотела? — это был голос Агнес.

— Да, думаю, что увидела. Агнес, слышит ли она музыку Рыжего Пса? Почему она хочет все время играть одну и ту же мелодию?

* В голове Джули нет никаких звуков, никаких образов — нет ничего. Она больна и скоро умрет. Рыжий Пес никогда не возвратит ее дух. Она дует в флейту, так как должна делать это. Почему луна все время восходит и заходит? Джули заблудилась в своем лабиринте. Попытайся отвлечь ее — и случится беда.

* Можно ли что-то сделать, чтобы помочь ей? — спросила я, невольно содрогнувшись.

— Ты ничем не сможешь помочь ей. Может быть, я смогла бы кое-что сделать, но... — Агнес запнулась. — Отправляйся в комнату сейчас же! — вдруг закричала она, меняя тон.

Схватив меня за руку, она побежала со мной в дом. Свет, казалось, стал меркнуть в моих глазах.

— Я вижу, что Джули вызывает у тебя отвращение, — сказала Агнес.

— Нет, я жалею ее, только и всего.

Лицо Агнес осталось непроницаемым.

* Послушай, Джули умрет на этой неделе — очень скоро. Ее дух забудет тело, и оно исчезнет. Ты же должна заботиться о том, чтобы не присоединиться к ней. Рыжий Пес все еще надеется приобщить тебя к своей точке зрения. Вон она, его точка зрения, сидит за дверью на моем пороге.

* Мне кажется, что я не могу контролировать свои желания, Агнес.

—Лини, существуют шаманы, которые высасывают дух. Они используют для этого секс, наш половой инстинкт. Они выжимают из тебя дух, словно это какая-то безделица. Лети от них, как летит стрела. Беги, не разбирая дороги, подальше от таких шаманов. Рыжий Пес пытается склонить тебя к своему пути.

—Неужели Рыжий Пес действительно прячет где-то дух Джули? — спросила я. — Разве такое возможно?

—Я уже говорила тебе об этом, — сказала Агнес. Затем она наклонилась ко мне, и глаза ее вспыхнули как у ящерицы:

* Я могу разломить тебя пополам. Человек не может быть двойником самому себе. Пойми, правая половина — это не копия левой. Обе стороны служат своей особой цели, исполняют свою роль. Между двумя половинками есть шов. Шаман и шаманка способны найти этот шов и переломить человека по шву пополам — разделить его на правую и левую части. Это просто. Рыжий Пес пользуется для этого сексом. Понимаешь, Линн, я могу заняться сексом с Рыжим Псом и для меня это будет поступком силы.

* Как в моем сне о мужчине-качиня?

Да, это похоже на суть твоего сна. Рыжий Пес мог бы даже оказаться для меня подходящим мужчиной, если бы я могла выносить его. Но, как по мне, этот чокнутый ублюдок слишком уродлив. Что же касается тебя, то ты еще не достаточно сильна, чтобы противостоять ему. Он переломит тебя пополам, и от тебя ничего не останется.

— Тогда я умру?

— Если тебя переломят пополам, значит, шаман может взять тебя к себе — забрать себе твой дух.

— Как выглядит дух, если он вообще на что-нибудь похож?

— Он похож на дым.

— Действительно ли внутри человека есть что-то напоминающее дым? И это есть дух?

— Да, это похоже на облако табачного дыма. Мы все бы умерли, если бы не табачный дым. Так мы можем обмануть смерть. Когда

смерть видит облачко табачного дыма, она пумаег, что это дух, за которым она явилась, и убирается восвояси.

* Так вот что Рыжий Пес держит в своей тыкве — ту часть Джули, которая похожа на дым?

— Верно, и она должна возвратить ее себе, если хочет жить.

— Можешь ли ты заставить Рыжего Пса отдать ее дух назад?

* Рыжего Пса невозможно заставить сделать что-либо против его воли. Он никогда не пошевелится, если сам того не захочет.

* А что происходит, когда человек умирает, Агнес?

* Это не столь важно. За всей жизнью человека наблюдают *громовые вожди*. В тебе заключена дорога — бирюзовая дорога. Важно — следить за тем, чтобы твой дух продвигался по этой дороге. Если тебе это удастся, то в конце твоих дней ты сольешься с *громовыми вождями*. Все остальные дороги ведут назад — к абсурду и обману. Эти дороги полны горя, боли и непонимания. Я обладаю некоторой силой, так как могу видеть насквозь до конца. В конце все загадки разрешаются и парадоксы исчезают. В конце становится ясным скрытый смысл всех наших слез и страданий. И если в свое время ты придешь к этому, то обретешь целостность, которую никто не сможет отнять у тебя. Это шаманский путь, и для тебя это верный путь.

* Агнес действительно ли я уже вышла на этот путь?

* Да, но ты еще не осознаешь этого. Ты можешь не выжить.

Я почувствовала внезапный приступ тревоги:

— Рыжий Пес хочет убить меня? Агнес улыбнулась в ответ:

— Если бы он хотел тебя только убить, можно было бы сказать, что тебе повезло. Нет, он хочет *испытать* тебя. В сравнении с этим испытанием смерть может показаться загородной прогулкой. Если шаман начинает испытание, цепляйся за все, что попадется под руку. Есть четыре места, где с ним можно сражаться: это огонь, ветер, земля и вода. Если же он словит тебя в ином месте, считай, что твоя песенка спета. Убирайся отсюда ко всем чертям и забудь о своих снах. Собирай индейские куклы и больше ни о чем не думай. Но все равно остается шанс, что шаман догонит тебя в твоём доме. Тогда тебе уже некуда будет деваться.

Я задумалась над словами Агнес. Вспомнила о своей страсти к Рыжему Псу и об опустошенности Джули. Все это складывалось в единую картину, словно фрагменты мозаики, и вдруг я поняла, как бесчестно Рыжий Пес заманил меня в свою ловушку. Во мне стал нарастать гнев.

— Да как этот Рыжий Пес посмел использовать меня! — выпалила я так неожиданно, что Агнес расхохоталась.

— Что ж, давно пора! — сказала она. — Ты начинаешь что понимать, хоть до сих пор влюблена в него. Твои глаза выдают тебя. Сейчас, когда ты немного пришла в себя, я стараюсь полечить тебя. Я знаю только один способ помешать ему погубить тебя.

— Что же мне для этого делать?

— Ты должна отправиться к озерцу, где я впервые рас сказала тебе о Рыжем Псе. Просиди столько, сколько сочтешь необходимым. Смотри, что произойдет. Твоя сестра вскоре придет и исцелит тебя.

— Так я должна спать там совершенно одна?

— Да, сейчас для тебя иного пути нет. Но ты будешь защищена со всех сторон. Не забудь и о серье. Держи глаза открытыми — и все будет в порядке.

* А кто такая моя сестра, о которой ты говоришь?

* Она сама отыщет тебя там.

* Ты знаешь, что у меня нет сестры. Значит, ты имеешь в виду что-то другое.

* Ты должна узнать об этом сама.

К этому моменту Агнес уже собрала и завернула еду. Казалось, она спешит.

* Мне действительно необходимо проделать все это?

* Конечно! — воскликнула Агнес с чувством. — Рыжий Пес не покажется там. На карту поставлена его честь, и он проявит уважение к твоему уединению.

Я свернула свой спальный мешок, не смея даже подумать о надвигающейся ночи, и посмотрела на Агнес с тоской.

— Уходи и не возвращайся, пока тебе не будет о чем рассказать мне.

Я кивнула головой и ушла — словно бродяга, которому отказали в ночлеге. Дорога шла по направлению к жилищу Руби. Небо было голубым, словно спокойное далекое море.

Я слишком обессилела, чтобы ощущать страх со всей остротой, и лишь всю дорогу повторяла про себя: «Если мне суждено умереть, я умру».

Казалось, это немного помогает. Шагать стало легче. Вся моя жизнь была направлена на борьбу со смертью.

Несколько раз я останавливалась, чтобы отдохнуть, и один раз — чтобы перекусить. Наконец мне удалось расслабиться, настроившись на одну волну с травой, деревьями и небом. Несколько раз я взбиралась на холмы, чтобы оглядеться вокруг, и один раз прикорнула, подложив под голову спальный мешок. Погода менялась, становилось теплее, а тени удлинились. Когда я добралась до озера, закат уже позолотил горы.

Положив на камень сверток с едой и спальный мешок, я стала осматриваться в поисках подходящего для наблюдательного пункта места. Наконец мое внимание привлекла к себе впадина. Ее дно было плоским, она открывалась в сторону пруда и была защищена от ветра рядом деревьев. Я находилась довольно далеко от воды, так что животные не заметили бы меня, явись они сюда на водопой.

Затем я уселась у самой воды на плоском камне. Мой ужин состоял из вяленой оленины и сухарей. Я насобираала хвороста — от него исходил запах влаги и земли — и разожгла костер.

Последние лучи заходящего солнца догорели, и тут же все окутала тьма. Я забралась в спальный мешок, положила под голову кроссовки и почувствовала себя на удивление комфортно. В небе светила полная луна. Я ощутила, как меня начали убаюкивать доносящиеся издалека песни сверчков и лягушек. Я попросила луну, чтобы она не прекращала сиять, и почувствовала, как ее свет соприкоснулся с каким-то светом внутри меня. Последнее, что я помню, — это мой разум, гуляющий по каким-то огромным просторам, залитым лунным светом.

Когда я проснулась следующим утром, оказалось, что я в том же положении, в каком засыпала прошлым вечером и отлично выспалась. Солнце уже взошло. Я лежала и любовалась игрой

солнечных лучей на небе. Холодный ветер подул мне в лицо. Прежде чем подняться, я еще немного подремала.

В тени было значительно холоднее, чем на солнце. Я решила снова забраться на плоский камень и наблюдать оттуда за прудом. Солнце согревало и успокаивало меня. Агнес строго наказала мне сесть лицом на север, не шевелиться и наблюдать за водой, чтобы та учила меня. Еще она сказала, что такая самодисциплина очень важна.

Поначалу меня отвлекал ветер, гуляющий среди высокого кустарника, шорох листвы и тучи беспокойных насекомых. Я же продолжала сидеть спокойно, вода по воде пальцем. Моя единственная подруга — стрекоза — перелетала через пруд то в одну, то в другую сторону. Ветер гнал рябь по воде. Я вытащила из воды лист, отряхнула его и вновь опустила на поверхность пруда. Если бы я была Нарциссом, то, наверное, решила бы, что мне предстоит скоро умереть.

При мысли о Рыжем Псе меня охватило острое чувство отчаяния. Я все еще находилась в состоянии влюбленности, хотя и знала, что это очень опасно. Великий *качина*! Не могу выразить словами того экстаза, который охватывал меня при одной мысли о нем! Передо мной мелькнула птичка, потом — в противоположном направлении — пролетела другая. Еще одна птичка вылетела из-за дерева и пронеслась быстро-быстро над самой водой. Вдали какой-то зверь звал свою подругу.

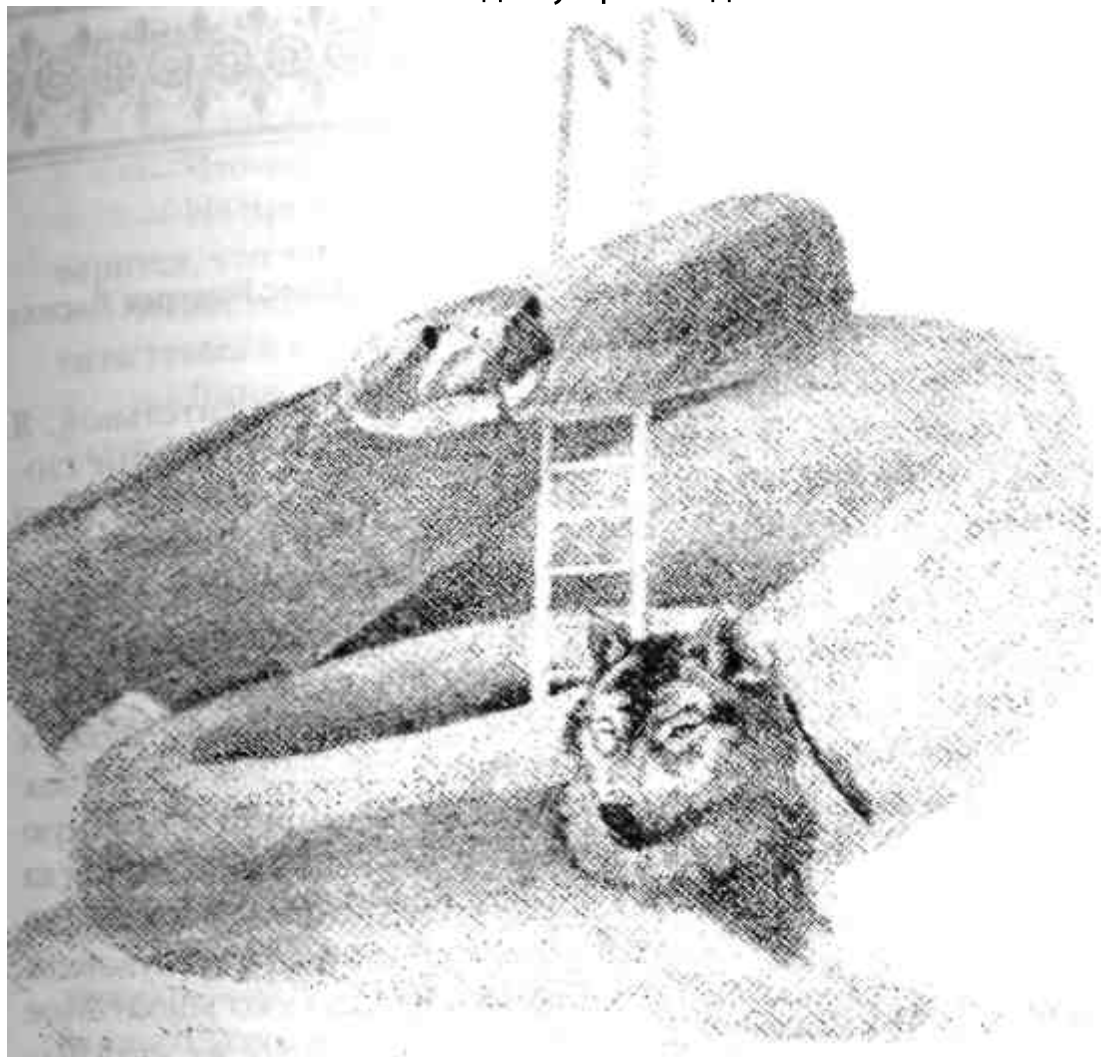
Солнце взбиралось по небу все выше, и воздух прогрелся гораздо сильнее, чем обычно. Я перестала быть собой — и *сновидела* флейту *качины*.

Каждое мгновение заключало в себе целые эпохи. Мне захотелось увидеть мир более отчетливо. Я улеглась на прогретый солнцем камень и погрузила свое сознание в воду

мне показалось, что я тихо вращаюсь под волнами. Подобно рыбе в морской бездне, я погрузилась в дремоту. Какие-то глубинные чувства овладели мной, и я кувыркалась под солнцем, отдыхала на гребне морской волны.

Безо всяких усилий я скользила по подводным пещерам, слегка задевая безжизненные фигуры, обозначившиеся на фоне древних скал. Казалось, они ждут, чтобы им подали какой-то знак. Я глядела на

свое отражение в подземных озерах, чтобы убедиться в том, что жива — всякий раз, возвращаясь на берег, я не была в этом уверена. Я хваталась руками за воду и за лицо *Кокопелли* лишь для того, чтобы отмыть свои пальцы от любого воспоминания о нем. Я была существом, которому неведомы ни любовь, ни надежда. Я вновь спускалась в глубокие подводные пещеры и взывала к образу далекого бога. Я возвращала к жизни свои древние души, вспоминала боль и злоключения, которые привели меня сюда. Во мне жила сама душа моря, и я говорила с нею. Здесь было начало, мудрость всех времен, покой и истина прилива и отлива. Вода просачивалась сквозь мои пальцы, волны рождались и умирали, пузыри и пена уносились вдаль. В зеленых глубинах царил покой. Водная гладь превратилась в небо и облака. Я осталась одна у края воды.

Вдруг краем глаза я заметила какое-то движение. Медленно повернув голову, я встретила взглядом с гремучей змеей. Та неотрывно смотрела на меня немигающими глазами. Она находилась в шести футах от меня — тело свернуто ами, голова приподнята. Змея удерживала меня своим спокойным взглядом. Некоторое время мы смотрели друг в глаза, затем змея потеряла ко мне интерес, спокойно опустила голову и улеглась спать под солнцем.

Я пригляделась — не движется ли? Нет, она лежала не ведаясь. Я не могла отвести от нее глаз. Затем произошло нечто совершенно неожиданное — стрекоза, кружившаяся прудом, подлетела к змее и уселась ей прямо на голову. Раздвоенный язык змеи метнулся вверх — туда, где сидела стрекоза, и та мгновенно поднялась в воздух, описала широкий круг и устремилась ко мне. От неожиданности я отпрянула, но стрекоза угодила мне в лоб — прямо между глаз, посидела там несколько секунд, вновь поднялась в воздух и полетела вниз по ручью.

Я поняла, что стрекоза и есть та сестра, которую мне нужно было дожждаться.

Я поднялась и сошла с камня. Оставив для стрекозы и змеи табак, я поспешно собрала вещи, перебросила через плечо свой мешок и зашагала по тропе. Когда я обернулась, то увидела, что змея продолжает спать у воды.

Бледный солнечный свет приобрел золотистый оттенок. Шагая по тропинке, я начала сознавать, что моя страсть к Рыжему Псу куда-то пропала. Слезы благодарности навернулись мне на глаза, и я помчалась к хижине. Я не могла дожждаться минуты, когда смогу сообщить эту новость Агнес.

Увидев хижину, я завывала волком. Агнес вышла на порог и стала поджидать меня. На ее лице от уха до уха расплылась улыбка. Я бросилась к ней, мы обнялись и вместе вошли в хижину. Я рухнула на стул и стала жадно пить воду.

Агнес попросила рассказать обо всех моих переживаниях в мельчайших деталях, и я поведала обо всем, что приключилось со мной возле пруда.

—Объясни мне, что все это означает. Я ощущаю невероятную разницу между прежним восприятием мира и нынешним. Только

сейчас я начала понимать, что жила все это время как в кошмарном сне. Теперь я не дам спуску этому Рыжему Псу! — уверенно заявила я.

Агнес рассмешили мои слова, и она расхохоталась.

* Да, — сказала она, — шаманская стрекоза — твоя сестра. Она — хранительница и защитница Кецалькоатля Существа, впадающие в спячку, — такие, как медведь или змея, — *сновидцы*. Они спят долгое время и видят сны. Твоя сестра увидела состояние, в котором ты пребываешь. Стрекоза коснулась твоего внутреннего глаза и принесла тебе силу *сновидящей*. Она избавила тебя от наваждения. Все очень просто.

* Твое объяснение не кажется мне таким уж простым. Но теперь ко мне возвратился мой разум — по крайней мере, на время.

* Бьюсь об заклад, ты хочешь чаю, — сказала Агнес.

Я кивнула головой. Мы поговорили и посмеялись вдоволь. Затем мы вместе занялись приготовлением обеда. Как здорово снова оказаться дома!

*Все истинные маги знают, как
красть силу.*

* *Агнес Быстрая Лосиха*

Однако моя радость оказалась непродолжительной. Я проснулась перед самым рассветом. Перед глазами еще стояли картины моей собственной смерти — смерти от руки Рыжего Пса.

—Агнес, — позвала я шепотом, — Агнес!

Она не ответила. Впервые я проснулась раньше нее. Угрюмый серый свет бросал косые тени на дощатый пол, а рваный туман скрывал от взгляда далекие деревья. Воздух пронизывала мертвенная тишина. Мой спальный мешок пропитался влагой, а тело казалось закутанным в плотную оболочку. Я была близка к отчаянию. Я знала, что никогда ничему не научусь, знала, что мне никогда не удастся украсть *свадебную корзинку*. Смогу ли я когда-нибудь

почувствовать себя счастливой после всего, что произошло со мной? Мое мировосприятие полностью изменилось, но все же этот шаманский мир оставался для меня недостижимым. Этот мир оказался слишком жестоким, и я чувствовала, что никогда не смогу научиться тому, что требует от меня Агнес. Я начала всхлипывать, уткнувшись лицом в подушку.

—О чем это плачет Бедная Корова спозаранку? — спросила облокотившаяся о кровать Агнес, поворачиваясь ко мне лицом.

—Агнес, я никогда не смогу украсть *свадебную корзинку* Рыжего Пса, — лихорадочно забормотала я, — он уничтожит меня.

И это все?

—Я так глупа.

Что-нибудь еще не в порядке?

Не представляю, как я влипла во все это. Мне даже не верится, что такое может происходить со мной.

Агнес поднялась с кровати и открыла окно, чтобы впустить туман в комнату. Потом стала согревать воду.

—Линн, прекрати жалеть себя и послушай, что я скажу. Ты должна многое узнать сегодня, а потому прислушивайся внимательно к каждому моему слову. Ты не обязана больше ничего говорить, Бедная Корова. Ты умрешь в своих воспоминаниях. Ты изопьешь воды там, где крадется под лунным светом большая рысь. Ты забудешь, что кто-то наделил тебя силой. Тогда дети воды подойдут к тебе и спросят: «Где ты взяла такую силу, что вся светишься?»

Утирая слезы, я стала укутывать плечи одеялом.

—Агнес, я не могу понять и половины из того, что ты мне наговорила. И почему ты вдруг ни с того ни с сего называешь меня Бедной Коровай?

Я наблюдала за туманом, который клубами валил сквозь открытое окно. Агнес присела и пристально посмотрела мне в лицо. Затем она взмахнула рукой, словно собиралась швырнуть мне чем-то в лицо.

—Это называется швырнуть песок в глаза бизону перед тем, как убить его, Бедная Корова. Ты же не хочешь, чтобы бизон видел твоё подношение.

* Что ты хочешь этим сказать? И почему ты снова называешь меня Бедной Коровай?

- * Потому что ты ничего не понимаешь в подношении.
- * А кто такая Бедная Корова?
- * Бедной Коровой звали мужчину. То, что он был мужчиной, совсем не важно. Такой человек мог быть и женщиной. Ты стала им этим утром. Бедная Корова постоянно жалел всех. Он ходил по деревне и причитал: «Ох, у Черного Воробья нет мокасин!», «Ах, у Большого Быка нет теплого одеяла!», «Бедный Желтоглазый, у него искалечена нога!», «Ой, бедный я, несчастный!»

На кого бы Бедная Корова ни посмотрел, в каждом он находил что-то печальное. Как-то раз ходил он по деревне с причитаниями: «Ох, бедные все, бедные», и ему повстречался шаман Близнецы Койоты. «Эй, Бедная Корова, — окликнул его Близнецы Койоты, — где твоя тень?» Бедная Корова посмотрел себе под ноги и не увидел на земле собственной тени. Ее там просто не было. Бедная Корова потерял свою тень. «У меня ее нет», — сказал Бедная Корова. «Не кажется ли тебе, что ты должен пойти отыскать ее?» — спросил Близнецы Койоты. «Верно, — согласился Бедная Корова, — я не хочу разгуливать повсюду без тени. Нужно пойти и отыскать ее».

Бедная Корова стал бродить по деревне и искать свою тень. Он заглядывал во все вигвамы и при этом очень жалел себя. Но ему так и не удалось найти ее. Близнецы Койоты как-то увидел его и спросил: «Эй, Бедная Корова, нашел ли ты свою тень?» Бедная Корова ответил: «Нет, мне не удалось найти ее. Я устал искать». «А искал ли ты ее в Бане? — поинтересовался Близнецы Койоты. — Может быть, ты парился и забыл там свою тень?» «Пойдупосмотрю», — ответил Бедная Корова и помчался в Баню. Там он сразу же нашел свою тень. Глашатай стал ходить по деревне и кричать: «Добрая весть: Бедная Корова нашел свою тень в Бане. Бедная Корова умер».

— Я рассказала тебе эту историю, — продолжала Агнесс, потому что ты очень напоминаешь мне Бедную Корову. Ты замечаешь столько вещей, не имеющих никакого значения, а важные вещи оставляешь без внимания.

— Ты права, я — вылитая Бедная Корова, — согласилась я. - Я так часто жалею себя, и весь мир в придачу.

Депрессия стала проходить. Я поднялась с постели и съела кусочек бекона и немного орехов. Затем я принялась в задумчивости пить чай.

Агнес наконец нарушила молчание:

Ты много е узнала о своем враге и много узнала о своем сопернике. Силы везде одни и те же: и в Беверли-Хилс, и на том озерце, откуда ты недавно вернулась. Только в твоём мире их называют безумием и смертью.

- * А разве враги и соперники не одно и то же? — спросила я.
- * Тебя окружает множество врагов, например рак или другие болезни. Ты должна защищаться от них так же, как и от злых людей, готовых убить тебя. Но соперник—это совсем другое дело.
- * Что ты хочешь этим сказать? — удивилась я.
- * Давай представим, что ты писательница и очень хочешь поддеть Анаис Нин — ту самую даму, о которой ты мне говорила как о стоящей сопернице. Ты пытаешься затмить ее своим творчеством и своими идеями. В определенном смысле ты используешь ее, чтобы увидеть саму себя. Ты вовсе не хочешь, чтобы она допустила промашку: тогда ты потеряешь образец, с которым можешь сравнивать себя. Чего же от тебя могут хотеть шаманы? Они хотят, чтобы ты набралась сил и стала достойным соперником для настоящего воина.
- * А как соперничество соотносится с состязанием? — спросила я.
- * Я уже говорила, что весь мир живет по одним правилам. Состязание — уродливая сестра соперничества. В истинном соперничестве нельзя ничего ни выиграть, ни проиграть. Из соперничества можно только извлечь пользу. Но если ты начнешь думать, что заключила с соперником молчаливый договор о сотрудничестве, то обязательно проиграешь. На соперника нельзя полагаться. Ты можешь рассчитывать лишь на саму себя. Никто не собирается тебя спасать. Наоборот, *хейока* смотрит на мир как на соперника и учится не отделять

внутренний лунный вигвам от наружного солнечного вигвама. Но ты не сможешь состязаться со всем и вся.

* Можно ли состязаться со смертью?

* Нет, со смертью можно лишь соперничать. Состязание ведет к эгоцентризму, а соперничество облагораживает человека, — она на минуту замолчала, затем ее глаза сверкнули: — А как ты собираешься состязаться с победителем?

* Это невозможно, — ответила я.

* Да, но с победителем можно достойно соперничать. Например, телевидение. Человек выдумал его потому, что каждый старается сделать лучшее, на что он способен. Но при этом все продолжают восхищаться неповторимостью *сновидений*. Я могу сидеть здесь несколько дней, чтобы подобрать правильные слова. Я буду вечно пытаться сделать это, чтобы разбудить тебя. Но ты должна стремиться насытиться землей, солнцем и Вселенной, чтобы понять: все находится в тебе.

Агнес закивала головой. Моей депрессии как не бывало. Мне ужасно захотелось побродить и подумать над этими словами. Но она не позволила мне сделать этого.

— Шевелись, — сказала она, — надень вон тот свитер. Я собираюсь отправиться с тобой на прогулку.

Я попыталась возразить.

— Вставай же, — решительно повторила Агнес, подни мая меня за руку.

Я взяла свитер.

Куда же мы направляемся? — спросила я, как только мы оказались под открытым небом. Она указала глазами на тропу, и я последовала за ней к Ручью Мертвеца. Прохладный серый воздух придавал бодрости. Из-за тумана лес казался совершенно черным. Под сенью крон поднимались молодые побеги. Агнес сошла с тропы и направилась к молодому ясеню. Осторожно согнув его, она подозвала меня к себе.

* Обычно мы ищем вот такие молодые деревца. Но нам не удастся сделать все по правилам. Просушка дерева займет

неделю или две.

* Но для чего нужно это деревцо? — спросила я. — Для лука? Для щита?

—Это трубка в подарок. Ты должна будешь сделать ее. Я не представляла, как делаются трубки, о чем и заявила Агнес.

—Просто тебе придется быть внимательной, — ответила Агнес на мои возражения. В ее голосе сквозило нетерпение.

Сквозь туман я последовала за ней к хижине. Прежде чем войти, она взяла в руки сухой ствол молодого деревца, стоявший у стены хижины. Он выглядел в точности как и тот, что Агнес недавно показывала мне. Только этот был обрезан и частично оструган. Войдя в хижину, Агнес положила чурку на стол.

—Присаживайся, — сказала она почему-то очень официально.

Повернувшись ко мне спиной, она стала рыться в каких-то вещах, затем быстро обернулась и бросила охотничий нож в мою сторону. Нож перевернулся несколько раз в воздухе и вонзился в крышку стола, приблизительно в футе от моей руки.

Я невольно отпрянула.

—Ты невнимательна. Сними ножом оставшуюся кору. Остругивай равномерно.

Я боялась что-либо возразить, поэтому вытащила из доски нож и стала молча строгать деревяшку. Мои руки слегка дрожали. Оставшаяся кора сходила с дерева легко.

—Хорошо. А сейчас вырежи на конце маленький кружок, вроде этого, — показав, как вырезать кружок, Агнес возвратила мне нож. — Продолжай работать, пока я подогрею воду и приготовлю чай.

Агнес наблюдала за моей работой в течение двадцати минут, давая время от времени наставления. Затем она подошла к полке, достала оттуда очень красивый чубук из серого камня и приложила его к концу деревяшки, чтобы показать, как ладно он смотрится на моей будущей трубке.

—А сейчас, Лини, — обратилась ко мне Агнес, протягивая проволочные плечики, — распрями-ка вот это.

Я провозилась с вешалкой около десяти минут, используя для работы плоскогубцы и каблук собственных ботинок. Наконец

проволока была выпрямлена, и я предъявила Агнес результаты своей работы.

—Разогрей ее в печи, — сказала она, — раскали докрасна.

Я сделала, как она велела, обмотав конец распрявленной вешалки полотенцем. Когда проволока стала красной, я вытащила ее и стала ждать следующего указания.

—А сейчас возьми деревяшку и выжги в ней канал по центру. Верно. Проволока очень горячая и проходит сквозь дерево довольно легко.

Проволока действительно прошла сквозь сердцевину совершенно беспрепятственно.

— Неплохо, — заявила Агнес. — Теперь отложи проволоку и начинай остругивать ствол, чтобы он стал более плоским.

Агнес улыбалась, и я тоже почувствовала, что работа начинает приносить мне подлинное удовольствие. Старая индианка извлекла откуда-то несколько баночек с разноцветным бисером и поставила все это на столе передо мной. Затем на столе появились лоскутки кожи, ремешки и несколько перьев.

—Когда закончишь строгать, можешь украсить трубку этим бисером. Выложи рисунок по своему вкусу. Можешь также воспользоваться перьями и ремешками, — она щелкнула по неоконченной трубке пальцем.

Я увлеклась и полностью погрузилась в работу. Мне захотелось выложить зигзаги-молнии бирюзовыми, желтыми и красными бусинами, окаймив их коричневым бисером. Я трудилась, не поднимая головы, пока во второй половине дня сквозь приоткрытые окна в хижину не влетели звуки флейты. Через несколько мгновений в комнату ворвалась разъяренная Руби.

—Джули плоха, совсем плоха, — сказала она Агнес, полностью игнорируя меня.

Звуки флейты, которые долетали с улицы, казались необычно слабыми.

Я тут же выскочила из дому. На крыльце, прислонившись к стене хижины, сидела Джули. Она действительно выглядела умирающей.

* Могу ли я принести ей что-нибудь? — спросила я, бросаясь от молодой умирающей женщины к безумной старухе.

* Только ее дух, — рявкнула Руби в ответ.

—Успокойся, Руби. Успокойся, — заговорила Агнес, кладя руку ей на плечо. — Шипенье и рычание здесь не помогут. Давай-ка лучше повеселимся. Бери куртку, Линн, — обратилась она ко мне, — мы собираемся сходить к Рыжему Псу и надрать ему задницу. Делай все, как я скажу, и постарайся не путаться под ногами, когда дойдет до дела.

Поставив перед Джули питье и еду, мы втроем направились к хижине Рыжего Пса. Две старухи бежали, словно девочки. Тут только до меня дошло, что мы собираемся сцепиться с Рыжим Псом.

—О Боже, — закричала я, — Рыжий Пес! Агнес и Руби остановились, поджидая меня.

—Что мы собираемся делать? — выдохнула я, поравнявшись с ними.

* Помолчи, идиотка, — сказала Агнес. — Неужели ты хочешь, чтобы каждый в радиусе сотни миль смог побежать и сообщить Рыжему Псу о том, что мы идем к нему?

* Нет, — ответила я испуганным шепотом.

Обе старухи бросили на меня злобные взгляды. Руби, ущипнув меня за руку, сказала:

—Никогда не болтай. Сознавай, что делаешь, и бей. Я вздрогнула от боли в руке.

Мы снова пустились бежать и не останавливались, пока не оказались на расстоянии сотни ярдов от хижины Рыжего Пса. Там мы замедлили шаг и отыскиали для себя укрытие.

—Мыс тобой спрячемся за этими деревьями, — зашептала мне на ухо Агнес. — Слейся с ними и не шевелись, пока я не прикажу тебе действовать.

Сейчас нас отделяло от хижины около тридцати ярдов. Агнес подала Руби сигнал рукой. Я стояла за деревом и наблюдала, как Руби неторопливо зашагала по направлению к хижине, затем наклонилась и подняла с дороги пригоршню ¹ея. Она, казалось, раздумывала с минуту, потом размахнулась и принялась швырять камни на жестяную крышу. Поднялся оглушительный грохот.

Тут же из-за двери появилась всклокоченная голова Рыжего Пса.

* Кто это, черт подери, поднял здесь шум? — закричал он.

Руби даже не попыталась убежать. Напротив, с громким истерическим кулдыканьем она, как индюшка, стала гордо расхаживать по саду.

Рыжий Пес сделал пару шагов. Он был босиком, все в той же одежде защитного цвета. Бен и Драм, стоящие у дверей, опасливо пялились на происходящее из-за спины своего патрона. Я могла рассмотреть рыжие волосы на груди Рыжего Пса. Мне было смешно вспоминать о чувстве, которое я испытывала к нему еще недавно. Оно сменилось отвращением.

—Руби, убирайся из моих владений, — заорал он. Казалось, от этого голоса застыл лес.

В ответ Руби швырнула новый камень. Опустившись на крышу, он запрыгал по ней, производя такой звон, словно кто-то изо всех сил лупил чем-то тяжелым по мусорному баку.

—Скажи спасибо, что я не сожгла твою хибару, — кричала Руби, поднимая с земли доску и с треском опуская ее на старый ржавый плуг. — Ты украл у меня ножницы для резки проволоки, и не вздумай оправдываться!

* Да не крал я у тебя никаких ножниц, ты, старая ведьма! — визжал ей в ответ Рыжий Пес. — Убирайся отсюда сейчас же!

* Ты еще пожалеешь об этом. Я приведу с собой индейцев-полицейских. Они быстро найдут мои ножницы.

* Попробуй приведи! Тебе же не поздоровится. Я расскажу им, что ты здесь устроила!

* Не посмеешь! — еще громче заорала Руби, швыряя следующий камень, но на сей раз целясь в окно. Камень врезался в раму и отлетел рикошетом прямо в стекло, которое тут же дало трещину. — Я покажу тебе, как брать чужие ножницы!

Все происходящее казалось мне совершенно нелепым. Передо мной стояли могучий маг и шаманка и ругались друг с другом из-за каких-то ножниц для резки проволоки. Во всем этом не было абсолютно никакого смысла.

Руби ухватила за горлышко пустую бутылку, валявшуюся у нее под ногами, и запустила в сторону дома. Бутылка приземлилась на камни в футах от крыльца и разбилась с громким звуком. Осколки брызнули во все стороны. Рыжий Пес отпрыгнул назад, а Бен и Драм моментально скрылись в дверном проеме.

Несомненно, Руби была выдающейся женщиной. Слепота не помешала ей рассчитать расстояние до крыльца хибары Рыжего Пса. Осколки бутылочного стекла разлетелись широким полукругом, едва не задев босых ног Рыжего Пса. Такая точность никак не была случайностью. Руби ни в коей мере не производила впечатление беспомощной калеки. Она повернула голову в сторону, словно старая ворона, клюющая хлеб. Ее мутные глаза были холодными и немигающими.

—Ты явно что-то задумала, Руби, — крикнул Рыжий Пес и махнул рукой. — Убирайся отсюда немедленно!

Он повернулся и вошел в хижину, захлопывая за собой дверь.

Вот тут Руби подняла настоящий шум. Она стала кричать гоготать по-птичьи, а затем вновь зашагала по двору, словно индюшка. Камни градом сыпались на железную крышу, вновь отворилась и на пороге показался разъяренный Рыжий Пес. Его лицо покраснело от злобы, рыжая борода клочьями торчала во все стороны. Несмотря на то, что мое укрытие казалось надежным, я дрожала как лист. Агнес совсем слилась с деревом, за которым стояла.

Это мое частное владение, Руби, — завопил Рыжий Пес, - и тебе лучше держаться отсюда подальше!

Руби ответила не менее пронзительным воплем: Ха, что ты вообще делаешь здесь, в резервации? Почему бы тебе не жить вместе с остальными белыми людьми? Индейцы не выносят тебя! Да от тебя воняет, грязный *васичу*!

—Это не твое дело, — вопил Рыжий Пес, — имею право жить, где хочу.

* Отдай мне мои ножницы!

* Были бы они у меня, не отдал бы!

* Я сожгу твою лачугу!

—Только попробуй. Одной старухой станет меньше на свете!

Бен и Драм, прячущиеся за спиной Рыжего Пса, одобрительно закивали головами. Рыжий Пес просто кипел от злости, Руби казалась не менее неистовой.

—Убирайся отсюда, Руби. Все говорят, что ты совсем свихнулась, и они правы.

— Поцелуй меня в задницу, — прорычала Руби в ответ.

Она обошла хижину, отворила настежь дверь сарая и вошла внутрь. Оттуда стал доноситься звон каких-то инструментов. Мужчины с Рыжим Псом во главе начали осторожно подбираться к Руби.

—Я так и знала! — вдруг закричала Руби. — Я нашла их!

Она побежала по двору, размахивая своей находкой.

* Это мои ножницы, — стал возражать Рыжий Пес, - я купил их прошлым летом на распродаже в Брендоне. Я их не крал... — Он при этом сделал еще один шагок, но так и не сошел с крыльца. — Да это вовсе и не ножницы, ты старая глупая ведьма. Это тиски. Драм, ведь это тиски, верно?

* Да, — ответил Драм хриплым голосом, — как пить дать, тиски. Я их помню.

* Не держите меня за дуру, — кричала Руби, — меня не проведешь! Не важно, что это такое, главное, что оно мое!

* Зачем женщине вроде тебя могут понадобиться ножницы для резки проволоки? — взревел Рыжий Пес.

* Я собираюсь соорудить забор вокруг своей хижины, чтобы хранить за ней инструменты от таких воругов, как ты.

* Отдай мне эти ножницы сама, не то я...

* И что же ты сделаешь?

* Не то я отниму их у тебя!

* Как это похоже на тебя, отнимать силой то, что ты украл у слепой старой женщины!

* Почему ты, старая... — Рыжий Пес не договорил и изо всех сил топнул ногой по крыльцу и ударил кулаком по стене хижины.

Руби развернулась и с победоносным видом зашагала по направлению к дороге. В ее высоко поднятой руке блестели тиски.

—Давайте же, — закричал Рыжий Пес, обращаясь к Бену и Драму, — мы не можем позволить ей уйти с нашей вещью, — его лицо покраснело еще сильнее, а глаза метали искры. — Давайте догоним ее!

И трое мужчин побежали по дороге вслед за Руби. Все трое орало что есть мочи. Дверь хижины осталась полуоткрытой.

Я обернулась к Агнес, чтобы спросить, не собирается ли бежать на выручку Руби, но ее уже не было рядом. Я успела метить лишь то, как она юркнула в дверь хижины Рыжего Пса. Мне показалось, что расстояние в тридцать ярдов Агнес одолела одним прыжком и беззвучно приземлилась прямо на крыльце. Вскоре она вновь появилась в дверях. На ее лице играла улыбка, а в руках она держала тыкву. Затем она метнулась вперед и через мгновение стояла рядом со мной. Я так испугалась, что у меня разболелся живот. Я уже была готова согнуться пополам, но не успела: Агнес шлепнула меня по спине.

—Не поможет, — сказала она. — Будь воительницей.

Мы побежали к дому Агнес. Так быстро я еще в жизни своей не бегала. Вдруг я увидела, что рядом с нами бежит Руби. От неожиданности я испугалась.

* Ну как, она у тебя? — спросила Руби у Агнес.

* Да, — ответила запыхавшаяся Агнес и коснулась ее руки маленькой тыквой, изукрашенной бисером.

Узкая тропа зазвенела от дьявольского хохота. Оказавшись во дворе Агнес, мы попадали на землю и стали качаться, ухватившись за животы. Со мной чуть истерика не случилась.

—Видела бы ты лицо Рыжего Пса, когда он пустился за тобой вдогонку, — говорила Агнес Руби, задыхаясь от смеха. — Ты, старая хитрая чертовка!

Они без конца хлопали друг дружку по спине и поздравляли с победой. Они вскакивали и снова падали, чтобы покататься по земле.

Вдруг я перестала смеяться.

* Руби, как тебе удалось удрать от них?

* Я притворилась, что испугалась их: бросила тиски на землю и была такова.

—А не станет ли Рыжий Пес обыскивать твою хижину? — спросила я с тревогой.

Руби и Агнес удивленно посмотрели на меня.

* Нет, это было бы подло, — задумчиво произнесла Руби. — Там нет ничего, что могло бы заинтересовать Рыжего Пса. Я же не стала обыскивать его хижину. Я не такой человек. Да, но что же в таком случае вы делали сегодня вечером, как не производили обыск в его владениях? — сказала я.

—Нет. Это совершенно другое, — ответила Руби. — Мы просто забрали то, что принадлежит Джули. Человеческий дух — ее собственность.

* Всякая стычка с Рыжим Псом — вызов его личной силе, Линн, — сказала Агнес.

* Не знаю, не знаю, — возразила ей Руби, — но иногда это становится слишком уж утомительно.

Я чувствовала себя совершенно сбитой с толку и снова залилась смехом.

Мы все одновременно вспомнили о Джули — обернулись и посмотрели на нее. Она сидела там, где мы оставили ее. Тарелка с едой все так же стояла перед ней, а кружка с водой была перевернута. Она слабо дула в флейту. Глаза девушки были мутными.

—Мы должны возратить то, что принадлежит ей, — сказала Агнес. — Вновь пробудить отраженный рисунок.

Руби и Агнес подошли к Джули с обеих сторон и, взяв за руки, отвели ее к центру двора. Девушка подчинилась им безропотно.

Руби развернула Джули лицом на запад. Солнце уже опустилось за линию горизонта, но последние лучи все еще озаряли небо. Обняв девушку за талию, Руби подвела ее к определенному месту. Агнес стала позади Джули.

Старухи делали свое дело неспешно, взвешивая каждое движение. Когда все было готово, Руби подала сигнал Агнес. Агнес подняла тыкву сзади над головой Джули. Руби надавила живот девушки, а Агнес в этот момент крутанула тыкву в руках так, что раздался резкий звук, напоминающий пистолетный выстрел. Над

головой Джули взвился столб дыма и тут же, казалось, всосался в нее, увлекаемый серебряной нитью.

Я скорчилась от резкой боли второй раз за сегодняшний вечер.

—Пойди принеси одеяло для Джули, — прокричала мне Агнес.

Я покорно поплелась в хижину и сняла одеяло с кровати Агнес. Руби укутала им плечи Джули. Затем обе старухи взяли девушку под руки и стали водить ее по двору.

* Что произошло только что? — спросила я.

* Джули совершила переход, — сказала Агнес просто.

* Никогда больше не позволяй этому проклятому Рыжему Псу обмануть тебя снова, — строго сказала Руби, обращаясь к Джули.

Джули охватила голову руками. Она была уже совершенно другим человеком. Вечернюю тишину нарушали ее тихие всхлипывания. Потом глаза девушки прояснились, и она сказала, улыбаясь:

—Я не могла возвратиться. Есть ли у вас что-нибудь поесть?

—Линн, достань-ка немного вяленой оленины для Джули, — обратилась ко мне Агнес.

Мы все направились к дому.

—А как это сюда попало? — спросила Джули, поднимая с земли свою флейту.

—О, нет! — закричала Руби, выхватила флейту из рук девушки и сломала ее об колено.

Джули заметно вздрогнула.

Вдруг перед нами замелькали черные крылья и на плечо Джули уселась ворона. Она что-то громко закричала ей на ухо.

Агнес обернулась ко мне:

—Ворона везде летала и пыталась найти потерянный дух Джули. Это ее птица. Сейчас они снова вместе. Мы очень рады этому.

В хижине Джули жадно набросилась на еду. После того как девушка утолила голод, нас представили друг другу. Я почувствовала, что она знает много вещей, которые мне лишь предстоит изучить.

После того как Руби и Джули ушли к себе, я лежала в своем спальном мешке и долго не могла уснуть, думая, что будет дальше. Но в голову ничего не приходило.

Единственное, что я знала наверняка: я все еще хочу заполучить свадебную корзинку.

*Я оставил тебя в зеркале
созидания, где ты касаешься мирового
круга.*

— Хаймейостс Сторм

Я проснулась оттого, что Агнес тихонько трясла меня за плечо. Было темно, хоть глаз выколи. Даже когда Агнес зажгла фонарь, окна казались затянутыми черной тканью. Все в лице Агнес говорило о том, что мне сейчас предстоит выполнить трудную и опасную задачу. Натягивая джинсы, я заметила, что руки у меня дрожат.

— Рыжий Пес разозлится не на шутку, если поймает тебя шатающейся под его окнами, — сказала она мне ровным обыденным тоном.

Я икнула:

* Не сомневаюсь.

* Он собирается отыгаться на тебе. Ты должна быть предельно осторожной. Он знает миллион различных приемов. Ты ведь сама видела, что он сделал с Джули. Она выжила чудом. Не делай ничего, не принимай никакого решения, пока не посоветуешься со мной. Можешь продолжать вести наблюдение за его хижинкой, но не пытайся забрать *корзинку*. Ты поняла меня?

* Ты хочешь сказать, чтобы я не подходила к хижине, не испросив на то разрешения?

Совершенно верно. Ты не можешь позволить себе совершить еще одну ошибку.

Но ты все равно предлагаешь мне отправиться туда и ожидать удобного случая, чтобы украсть *корзинку*?

— Да. Но даже если Рыжий Пес поставит *свадебную корзинку* у тебя под носом, ты должна сперва подойти ко мне и посоветоваться, а уж потом действовать.

— Зачем же мне туда идти, если я не в силах хоть что-то совершить самостоятельно?

—Твое присутствие и наблюдение за домом является испытанием твоих качеств воительницы. Не позволяй им найти: твое укрытие. Все зашло слишком далеко. Победа — вопрос жизни и смерти.

Я сделала несколько глубоких вдохов и легко позавтракала. Есть не хотелось. В памяти всплыли все дни, проведенные мною в укрытии, когда я следила за домом Рыжего Пса в надежде украсть *корзинку*. Сейчас эта цель казалась мне недостижимой, как никогда.

* Зачем ты посылаешь меня туда так рано?

* Рыжий Пес — большой любитель поспать. Он никогда не встает рано. Возможно, на этот раз он не почует твоего присутствия. Он совершенно непредсказуем. Это единственное, что мне удалось придумать.

Впервые я слышала неуверенные нотки в голосе Агнес. Отодвинув стул, она поднялась и зашагала по комнате.

* Надеюсь, что даю тебе правильный совет, Линн. Я даже не знаю, что ты сможешь сделать. Но помни одно: если они все же загонят тебя в угол, хватайся за серьгу и беги что есть мочи. Ну как, ты до сих пор хочешь заполучить эту чертову *корзинку*?

* Агнес зачем ты задаешь мне такие вопросы? Конечно же, я хочу *корзинку*.

*

* Может быть, я уже впадаю в маразм, Линн, но мне бы было гораздо легче, если бы ты забыла об этой *корзинке* и отправилась назад, в свой Беверли-Хилс.

* Агнес, что с тобой? Я не узнаю тебя!

* Отправляйся к Рыжему Псу и без *корзинки* не возвращайся.

* Агнес, но ведь ты только что сама говорила, чтобы я ничего не предпринимала, не посоветовавшись с тобой.

* Что ж, если я действительно так говорила, то тебе следует так и поступать.

Я почувствовала странное покалывание по всему телу.

—Пожалуйста, Агнес, не сбивай меня с толку! Она что-то ответила на кри.

—Агнес, я не понимаю, что ты хочешь сказать. Пожа луйста, не делай этого, — закричала я в панике.

Агнес не отвечала. Она стала подавать мне знаки — говорить со мной на языке знаков. Я подбежала к ней и, ухватив за руки, начала трясти. Казалось, ее тело обмякло.

* Линн, Линн, — громко сказала она, — Рыжий Пес напал на меня. Сделай то, что я приказала тебе. Возвращайся. Надеюсь, ты еще застанешь меня в живых, когда вернешься.

* Что я могу для тебя сделать? — в отчаянии закричала я.

* Ты можешь только отправиться туда. Иди прямо сейчас. Не позволяй им убить себя.

Натянув коричневый свитер, я ухватила несколько кусков вяленой оленины и запихнула мясо в карманы.

—Я *сыта*-, Маленький Волк. Берегись собак.

Агнес явно путала меня со своей дочерью, умершей много лет назад. Внезапно она громко закричала и ухватила за горло обеими руками. Затем, упав на пол, она стала колотить по полу ногами и кричать:

—Стукни этого клятого быка! Врежь ему хорошенько!

Я сама начала рыдать и вскрикивать. Агнес тут же оказалась на ногах.

—Ну как, проснулась, родная? — спросила она совершенно трезвым голосом, в котором звенели саркастические нотки.

—Да, — ответила я, чувствуя, как болит мое горло от крика.

—Ты попадаешься на любую старую шутку, Линн. Я специально разыграла весь этот спектакль, чтобы посмотреть, сможешь ли ты проявить самостоятельность. Ты не смогла.

* Ты хочешь сказать, что все это была шутка, спектакль? — я даже не знала, радоваться или злиться.

* Не шутка — испытание. Ты еще не готова.

* По-моему, это нечестно.

* Конечно же, нечестно, Бедная Корова! Но и Рыжий Пес не станет вести себя честно с тобой, когда начнет вытряхивать из тебя душу. Он тоже подумает, что это нечестно — быть такой слабосильной, как ты, — Агнес смерила меня взглядом и продолжала: — Еще я обманула тебя, чтобы нанести удар по твоей уверенности. Запомни, у тебя будет лишь одна-

единственная возможность украсть *свадебную корзинку*, и я хочу, чтобы тебе это удалось. Потому возвращайся побыстрее и расскажи мне обо всем, что сочтешь важным.

* Хорошо, — сказала я.

Минуту я смотрела на Агнес, затем повернулась и вышла из хижины. Начерномпредутреннемнебенегорело ни одной звезды, но я знала дорогу, и ноги сами беззвучно понесли меня по тропе. Лишь крик совы сопровождал меня.

Я стала пробираться сквозь густой кустарник, начинающийся в сотне ярдов от хижины Рыжего Пса. Остановилась я, когда до цели оставалось сорок или тридцать ярдов. Я лежала в своем укрытии без движения, ожидая, когда первые лучи солнца озарят горизонт. Примерно в девять часов на пороге появился Драм с жестяной кружкой в руках. Из кружки валил пар. Он присел на крыльцо и стал потягивать кофе.

—Чертова старуха!

Я улыбнулась, припоминая, как Руби забросала дом камнями.

Драм обернулся к двери и закричал:

—Выходи, Бен. Пора приниматься за работу.

Я слышала, как Бен что-то ответил, но разобрать слов мне так и не удалось. Когда на пороге появился и Бен, я увидела, что в руках он держит чашку с кофе и кофейник. Оба парня начали зевать, потягиваться и почесываться.

Затем они вновь удалились в хижину и появились на крыльце, одетые в рабочие комбинезоны. Парни вытащили из сарая огромный рулон проволоки и перенесли его к крыльцу. Затем вновь отправились в сарай за молотками, пилами, решетками, ножницами, гвоздями, цепями и прочими инструментами, предназначения которых я не знала. На крыльце громоздилась странная куча металлолома, а Бен и Драм стояли рядом и смотрели на все это добро с таким видом, словно им предстояло решить сложную логическую задачу.

* Эта проклятая старуха, — закричал Драм, поднимая молоток и швыряя его в сердцах на землю, — нам не пришлось бы делать всего этого, если бы не она!

* Да, — как всегда односложно ответил Бен.

* Как ты хочешь, чтобы я раскатывал рулон, а ты резал, или ты будешь раскатывать, а я — резать?

Бен почесал затылок.

—Да мне безразлично, главное управиться со всем этим побыстрее, — ответил он.

—Тогда давай так: я стану на конце, а ты будешь раскатывать проволоку и резать, — заявил Драм.

—Может быть, все-таки сперва отмерим?

Пришла очередь Драма почесать затылок.

—Ах, да, — сказал он, — я и не подумал об этом.

Затем последовал спор относительно того, кто будет держать конец рулетки. Драм проиграл.

—Тридцать девять... чтобы не промахнуться, скажем, пусть будет сорок два, — торжественно объявил Драм и положил рулетку на подоконник.

* Ты думаешь, я это запомню? — возмутился Бен.

* Ладно, найди чертов карандаш!

* Схожу, а ты не ори зря.

Через несколько минут Бен возвратился с карандашом и листком бумаги в руках.

—Так сколько ты намерил, Драм?

Обмер окон хижины продолжался целую вечность. Бену пришлось воспользоваться табуреткой, а затем и стремянкой.

Каждые две-три минуты они начинали ругаться, поминая Руби. Из-за каждой мелочи они затевали перебранку и при этом каждый раз решали проблему самым нелепым образом.

—Проклятая старуха! — выругался Бен, разворачивая ржавый моток проволоки. Драм придерживал конец, наступив на него ногой.

Каждый раз, когда Бен отпускал моток, чтобы отрезать кусок проволоки длинными ножницами, тот скручивался и неизменно оцарапывал его руку.

* Черт бы подрал все это! Старая паршивая ведьма!

* Дай-ка их мне, — сказал Драм, забирая ножницы у него из рук. — Пожалуй, ты слишком туп для этой работы.

И он шагнул, забыв, что стоит на конце проволоки. Проволока тут же пружинисто взлетела вверх, оставляя прореху в его комбинезоне.

—Проклятая проволока, — голо с Драма звонко разнесся по роще. — Это все проделки той чертовой старухи!

Для того чтобы укрепить куски нарезанной проволоки на окнах хижины, им потребовалось несколько часов. Казалось, что они решали сложнейшую геометрическую задачу. Затем из хижины появился Рыжий Пес.

—Эй, болваны! Почему вы так долго возились? — закричал он. Бен и Драм опасливо отвели глаза. — Закрепите все это гвоздями прямо сейчас. Да пошевеливайтесь!

Бен и Драм, ухватив огромные молотки, стали забивать гвозди куда попало. Рыжий Пес, глядя на них, с отвращением затряс головой:

— Миллиарды людей живут на земле, а мне посчастливилось заполучить в качестве учеников парочку простофиль.

Бен и Драм быстрее заработали молотками.

—Сегодня к вечеру эти замки должны стоять на двери сарая, — прорычал им Рыжий Пес. — Так что не мешкайте!

Молотки замелькали в воздухе еще быстрее.

—Никому нельзя доверять в наши дни, — сказал Рыжий Пес с гадкой ухмылкой. — Но я поквитаюсь с ними! Белая девчонка, которая живет с ними, ответит мне за все!

И он скрылся в хижине, хлопнув дверью.

Вспоминая фотографию *свадебной корзинки*, я вглядывалась в хижину и пыталась представить *корзинку*, скрывающуюся там. Каким-то образом Агнес удалось пробудить во мне еще больший интерес к ней, и я скорее согласилась бы умереть, чем отказаться от *свадебной корзинки*.

—Аааа — завопил от боли Драм, отшвырнул молоток и огнулся пополам, ухватившись за ушибленный большой палец. — Помоги мне, Бен, сделай что-нибудь!

Изогнутый кусок проволоки отвалился от рамы и упал рядом с Драмом.

Я знала, что все трое живущих в хижине мужчин были алхимиками высшего класса. Но на физическом плане они казались совершенно беспомощными. Бен и Драм невольно разрушали все то, что

создавали с такими усилиями. Их работа выглядела как комическая сцена из плохого фильма.

Не раз из хижины выходил рассерженный Рыжий Пес. Он размахивал руками и громко ругался. Когда он присматривал за работой, Бен и Драм совершали особо смешные промахи. Бен уронил себе на ногу фомку, а Драм колотил молотком по раме с такой силой, что стекло не выдержало и разлетелось на куски. Казалось, они состязались в глупости.

Наконец Рыжий Песне выдержал и удалился, всем своим видом выражая отвращение. Во второй половине дня на окнах появились решетки. Затем Бен и Драм набили на двери сарая металлические полосы и стали прилаживать к ним засовы. Пока Драм стоял в стороне, любуясь своей работой, Бен приволок откуда-то огромный железный брус и со звоном опустил его на землю.

—Что ты собираешься делать с этой штуковиной? — изумился Драм.

—А ты как думаешь? Хочу поставить замок на уборную. Что, если Руби взбредет в голову запустить туда гремучую змею?

* Думаю, что даже Руби не способна на такое, Бен.

* Не важно. Все равно я присобачу туда замок.

* Теперь она ни за что не проникнет в сарай, разве что с помощью динамита.

*

—В сортир ей тоже не попасть! — Бен стал тащить ржавый железный брусок по саду. — Не хочешь помочь мне, Драм? Вроде ты сам не собираешься пользоваться этим!

Драм поспешил на помощь товарищу. Когда работа была закончена, уже совсем стемнело.

—Посмотри-ка на эти окна, — с гордостью сказал Драм.

* Полюбуйся лучше сортиром — сейчас он краше любой платной уборной.

* Мы здорово потрудились, как думаешь, Бен?

* Да, особенно я. Уверен, что мы смогли бы брать строительные подряды, если бы только хотели. Из нас бы вышли отменные инженеры.

Рыжий Пес вышел из хижины и, услышав их похвальбу, тут же вставил:

— Да вам бы не удалось соорудить даже кормушку для птиц. Инженеры!

Бена и Драма словно холодной водой окатили, а Рыжий Пес грустно покачал головой.

Я не могла удержаться от смеха. Вся сцена напоминала мне откровенную клоунаду.

* Мы старались как могли, — возразил Бен обиженным голосом.

* А чего ты ожидал? — тут же вступился Драм. — Мы не плотники.

Я не услышала, что на это ответил Рыжий Пес, так все трое тут же скрылись в хижине. Некоторое время ничего не происходило. Я пыталась успокоиться и расслабиться. Внезапно двери хижины распахнулись и трое мужчин — Рыжий Пес, Бен и Драм — выскочили во двор, крича и завывая. Обнявшись за плечи, они затянули песню и зашагали по дороге. Я продолжала лежать, пока они не скрылись из виду.

Очевидно, они отправились кутить в Кроули. Я была уверена, что все трое пьяны.

Я не осмелилась войти в хижину за *корзинкой*, не посоветовавшись с Агнес. Все пережитое утром было еще свежо моей памяти. Я бросилась бежать со всех ног к дому Агнес. Представ перед ней, я даже не могла выговорить ни слова, а только тяжело дышала. Агнес внимательно смотрела на меня.

— Агнес — наконец сумела я выдать из себя, — мне кажется, они ушли в город. Я видела, как они втроем шли по дороге, спотыкаясь и горланя песни. Они пьяны.

— Должно быть, ты права, — сказала Агнес. — У тебя появился шанс. Постарайся воспользоваться им, но не забывай об осторожности. Не дай себя провести. Будь храброй, Линн, и помни обо всем, чему я тебя учила. Беги туда побыстрее и укради *корзинку*.

Я пустилась по тропинке что было духу. Было уже совсем темно. В небе сияла серебряная луна. Я остановилась примерно в сорока

ярдах от хижины Рыжего Пса. Присмотрелась. Окна хижины были совершенно темными — никаких признаков жизни. Меня всю трясло. Я встала на колени и коснулась руками влажной земли. Затем начала медленно пробираться к хижине.

—Привет, дорогуша, — раздался над моей головой голос Драма.

Кровь застыла в моих жилах. Я поняла, что держу его за ногу. Драм согнулся, имитируя дерево — его руки свешивались вниз, словно скрюченные ветви. В темноте я не могла отличить его от других низкорослых деревьев. Отпустив его ногу, я попятилась.

Другая темная фигура стояла справа от меня, еще одна — позади. Они окружили меня.

—Леди, мотай отсюда подобру-поздорову, или я прибью гвоздями твою задницу к стене своего дома!

Это говорил Рыжий Пес. Три темные фигуры разом стали приближаться ко мне. Издав отчаянный крик, я пустилась наутек, слыша за собой торжествующий смех Рыжего Пса. Зацепившись ногой за пень, я полетела вверх тормашками на землю, но тут же вскочила на ноги и стрелой метнулась в сторону жилища Агнес.

—Хватай ее! — услышала я чей-то голос. — Да вот она! Бен и Драм стали бросать здоровенные камни в мою сторону. Камни пролетали в опасной близости с моей головой. Любой из них мог бы проломить мне череп. Бен и Драм только хохотали.

Вот мои ноги застучали по мощенной камнями тропинке, ведущей прямо к двери дома Агнес. Только на крыльце хижины я поняла, что вне опасности, и без сил опустилась на крыльцо.

—Меня снова провели! — закричала я. — Они меня чуть не убили!

В ответ Агнес засмеялась:

—Они не стали бы убивать тебя. Ты их слишком рассмешила.

Я с трудом сдерживала слезы.

—Да, но мне было не до смеха. Агнес лукаво посмотрела на меня.

* Я знала, что Рыжий Пес собирается провести тебя, — сказала она.

* Так ты поахала меня туда, зная об этом?

* Да, мне хотелось полюбоваться фейерверком. Когда ты сказала, что они напились, я поняла, что Рыжий Пес что-то

замышляет. Маги никогда не бывают пьяны. Они могут притвориться пьяными, чтобы ввести в заблуждение кого-нибудь.

Я хотела продемонстрировать тебе твою собственную слабость. Но ты обманула их, попавшись в их ловушку. Теперь они не ставят тебя ни в грош. Они не считают нужным защищаться от тебя.

Она налила чаю и пододвинула чашку в мою сторону.

Присаживайся, — сказала она. — Сейчас тебе ничего не угрожает. Расслабься и выпей чайку.

Я сделала несколько глотков.

— Понимаешь, Линн, эти ребята думают, что ты глупая женщина, что ты не опасна. Они считают, что, устыдившись своего поступка, ты уедешь отсюда. Такие мысли делают их уязвимыми. Сейчас для нас наилучшее время. Ты должна быть охотницей, воительницей. Ты должна показать нам всем, что значит иметь мечту. Иди же и наблюдай за ними всю ночь. Твоя страсть к *свадебной корзинке* остается неизменной. Ты явилась в этот мир, чтобы найти в нем свой путь. Что ж, ты нашла его — так следуй ему!

Агнес поднялась от стола и подошла к комоду. Через несколько минут она возвратилась назад, держа в руках мое платье из оленьей кожи и мокасины.

— Надень это, — сказала она. — Не обесчести этот наряд. Он полон женской силы.

Я быстро разделась. Воздух охлаждал мое голое тело. Но, надев кожаное платье, я тут же почувствовала прилив тепла. Прекрасная одежда казалась нежной, словно живая кожа. Агнес взяла свой магический узел.

— Во двор, — приказала она. — Захвати одеяло.

Взяв одеяло, я последовала за ней в сад. Агнес велела мне расстелить одеяло на земле и расправить его.

— Усаживайся, — строго сказала она.

Мы присели на противоположных сторонах одеяла. Агнес положила между нами трещотки, развернула узел и высыпала его содержимое. Она стала раскладывать отдельными кучками желтые, черные и красные ленты, высушенные цветы, кристаллы кварца, пучки волос (а может быть, и кусочки скальпа), совиный коготь,

несколько мешочков, расшитых бисером, и несколько предметов, предназначения которых я не знала.

Склонившись ко мне, Агнес вплела мне в волосы два совиных пера.

—Что говорят тебе эти вещи, если говорят вообще?

спросила она, указывая на разложенные предметы.

—Не знаю.

Вдруг я почувствовала неожиданный толчок — силу, исходящую от предмета, похожего на шишковатый камень.

—Вот этот, — сказала я, указывая на него. Агнес одобрительно закивала головой.

—Это дедушка. Ему уже больше девяноста лет — дедушка-бутон пейота. Я часто сама чувствую силу, исходящую от него.

Рассматривая содержимое узла, я заметила половину двадцатидолларовой банкноты, лежащую рядом с перьями.

—Откуда это у тебя? — воскликнула я с комком в горле. В памяти живо всплыла Гватемала и молодой индеец, который разорвал пополам мою банкноту. Вторая половинка до сих пор хранилась у меня.

—Это разбитые деньги с юга. Они рассказали мне о твоём приходе.

Кровь отлила от моего лица.

Агнес взяла маленькую трубку и дала ее мне. Я покрутила в пальцах ее изящный мундштук. Затем она сложила орлиные перья в круг так, что их стержни были обращены внутрь — почти соприкасались.

Каждое перо символизирует одну из сторон света, — сказала она. — Это знак того, что ты находишься в центре вигвама.

Я возвратила ей трубку. Набив ее крупным желтоватым табаком из расшитого бисером мешочка, Агнес сделала несколько затяжек.

Мне хочется, чтобы ты получила побольше этого дружественного дыма, — сказала она, протягивая трубку. — Затягивайся поглубже и растирай живот рукой.

Трубка оказалась теплой и гладкой, как кость. Сладко-горький дым тут же опьянил меня.

—Мы можем выкурить эту трубку вместе. Предки здесь, стобой. Они ждут осуществления твоей мечты. Этот дружественный дым — гость из плачущего вигвама старухи, которая беседует с розами.

Лицо Агнес приобрело особую рельефность, ее голос успокаивал. Я чувствовала давление на барабанные перепонки, словно воздух вокруг нас сгустился. Мне казалось очень важным, что я успела сказать Агнес, как люблю ее и уважаю.

Я обнаружила, что могу просто есть дым, словно он был сделан из нежной ваты. Агнес походила на восемнадцатилетнюю девушку, чьи косы были заброшены за спину. Я хотела рассказать о своем внутреннем видении Агнес, но все на свете — все мысли — проваливалось вовнутрь. Казалось, я сижу на одеяле целую вечность и это мгновение никогда не кончится.

Агнес взяла дымящуюся трубку из моих рук.

— Эта магическая трубка курилась на протяжении тысячи лет, а эта душистая трава — тайная трава. Дух ее — женщина. Это дар воительнице, живущей в тебе. Он придает силы в битве.

Агнес встала на ноги и знаком показала мне последовать ее примеру. Казалось, мое тело поднимается по собственной воле.

—*Белая госпожа севера*, повелительница лесных зверей слушает нас. Но есть еще и шаманы-обманщики, желающие украсть силу, которую ты обрела в этом шаманском месте. Благодаря дружественному дыму ты сможешь различить их. Они готовят длинные, острые стрелы и направляют их на твоих сестер. Они питаются твоими мечтами, не заботясь о твоём голоде. В их узлах недобрая магия, сердца их черны.

Агнес топнула ногой по земле.

—Сделай так, — велела она. Я топнула вслед за ней.

—Дочь моя, — продолжала Агнес, — мой хитроумный волк, пришло время взглянуть на юго-восток, на место *великих мирных вождей*. Когда-то женщины верховодили там. Пришло время, чтобы женщины вновь обрели былое значение и привнесли равновесие в племя. Эту трубку следует держать параллельно земле. Мое сердце насытится, если ты победишь.

Достав из кожаного мешочка какой-то порошок, Агнес посыпала им меня. Затем из-под рубахи она достала нож в ножнах из шкуры

косули, который прежде покоился между ее грудей. Она обнажила его, и я увидела, что клинок сделан из кремня. Агнесс подняла руку и прижала острие к большому пальцу.

Кровь мгновенно залила ладонь и кисть, закапала на одеяло. Она поднесла проколотый палец к моей голове и провела им у границы волос. Я ощутила влагу. Агнес продолжала держать руку поднятой, словно приветствуя меня.

— Кровь, окрасившая твой лоб, — кровь шаманки. Это добрая кровь из сладкой реки моего тела. Кровь моя связывает всех женщин. Я — *хейока* и заявляю об этом. В твоём красном пути есть сердце всех нас. Я рада, что могу пометить твой путь.

Она вручила мне нож и ножны. Сейчас клинок казался костяным, а не кремневым, и необыкновенно острым.

— Повесь его на пояс. Это священный нож, привезенный издалека. Если тебе удастся заполучить *корзинку*, то сможешь перерезать волокна лишь этим ножом. Когда *корзинка* будет у тебя в руках, ты поймешь, о чем я говорю.

Я вложила нож в ножны и закрепила его на поясе.

— А сейчас садись на одеяло, — сказала Агнес. — Посиди тихо и спокойно. Я чувствую в глубинах ночи присутствие *великой белой госпожи севера*. Если ты решишься на это, она пошлет животное поговорить с тобой. Непугайся, она может послать оленя или барсука, даже скунса. Пробудь здесь до восхода солнца. Если ничего не произойдет, уходи. Но если к тебе приблизится животное, можешь считать себя счастливницей — бессмертная пророчица сделала тебя такой же святой, как и сама.

Агнес свернула узел и собралась уходить. Худшие опасения вновь вернулись ко мне.

— Но Агнес, — сказала я. — Эта троица никогда не покидает владений.

Агнес посмотрела мне прямо в лицо.

— Линн, ты должна выманить их тем или иным способом. Решай сама, как это сделать. Не раздумывай над этим, или твоя сила улетучится. Ты *сыта*, и я вижу это.

Я не чувствовала себя особо *сытой*. Очевидно, *дружественный дым* отнял у меня отвагу.

* Агнес! — взмолилась я.

Я сделала для тебя все, что могла. Побудь здесь еще немного. *Дружественный дым* рассказал мне о том, что *северная госпожа, светящаяся голубым сиянием*, возможно, пошлет любовника, чтобы утешить тебя. Но это ей решать, — Агнес пожала плечами. — Помни, если достанешь нож — режь быстро.

Агнес повернулась и оставила меня одну. Ночь была тяжелой и темной. Я закрыла глаза. Я услышала, как позади меня хрустнула ветка. Где-то недалеко раздалось рычание. Слева от меня слышались мягкие шаги — шло какое-то большое животное. Мое сердце часто забилося. Затем я почувствовала странный мускусный запах. Я хотела обернуться и посмотреть на животное. Но тут чья-то морда буквально зарылась мне в волосы. Затем я почувствовала, как мне вылизывают шею. Животное было усыатым, его язык оказался жестким.

Открыв глаза, я уставилась на морду рыси. Животное тяжело дышало, его рот был открыт. Оно стало потягиваться и урчать, а я начала гладить его. На большом, длинном теле рыси перекачивались мышцы. Животное поставило мне на плечи обе свои лапы, при этом его зеленые глаза оказались на одном уровне с моими, затем оно соскочило и игриво промчалось по кругу. Затем, изменив направление, оно описало другой круг, по-кошачьи склонило голову и зарычало.

— Ты красива, — сказала я. Рысь была тем животным, о котором говорила мне Агнес.

Кошка скакала вокруг меня, а затем вдруг остановилась в пятнадцати ярдах прямо напротив меня. Она стала медленно приближаться, вытягивая лапы вперед, а затем взвилась в воздух и пролетела над моей головой. Я обернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как рысь длинными прыжками удаляется в густой кустарник.

Оказавшись рядом с хижинкой Рыжего Пса, я стала пробираться ползком по подлеску и, выбрав удачную точку для наблюдения, распласталась на земле. Покрыв себя землей и листвой, я стала терпеливо наблюдать.

С первыми лучами восходящего солнца защебетали птицы. Везде стали скакать и летать насекомые, а маленькие муравьи заползали у меня по руке. В саду начали летать бабочки. Что-то вот-вот должно было произойти. Вот только плохое или хорошее? Все мои инстинкты пришли в боевую готовность. Я была готова к борьбе.

Я услышала голоса, доносящиеся из хижины, но не смогла разобрать слов. Все мои чувства были обострены. Затем на крыльце появился Рыжий Пес. Я заметила, что птицы умолкли.

—Эй, Драм, выходи-ка сюда! — закричал Рыжий Пес.

Через секунду дверь открылась, и на пороге появился Драм с чашкой кофе в руке.

* Ну? — спросил Драм.

* Принеси мою палку для рытья. Смотри, не перепутай ее с моим посохом. Я хочу накопать репы к ужину.

Драм исчез в хижине и возвратился через некоторое время с палкой в руках. Рыжий Пес взял у Драма палку и зашагал на запад, к холмам, и вскоре исчез среди деревьев. Драм присел на ступени, чтобы допить свой кофе. Тут из хижины выскочил Бен и, как обычно, побежал к уборной.

* Отчего спешка, Бен?

* Потребность есть потребность, — ответил тот, открывая недавно привинченный замок.

Последовал обмен еще парочкой невнятных фраз. Драм направился к сараю.

—Поторопись, — крикнул он через плечо, мне тоже нужно туда.

Затем Драм открыл дверь сарая, и я услышала, как он прокликает Руби за учиненный ею погром. Вскоре из двери сарая вылетел топор с длинной ручкой и вонзился в землю. Затем по воздуху пролетела цепь. Драм продолжал звенеть инструментами, явно стараясь найти там что-то.

Вот она, долгожданная минута!

Я выскочила из укрытия и метнулась к сараю. Мои движения быстры и уверенны. Я знала совершенно точно, что буду делать дальше. Захлопнув дверь сарая и закрыв ее на замок, я тут же

ухватила цепь и топор и бросилась к уборной, которая находилась в двадцати пяти ярдах от сарая.

—Эй, — закричал Драм, барабанив в дверь, — эй, что происходит? Выпусти меня сейчас же!

У меня возникло ощущение, что время замедлило свой ход. Понимая, что могу не справиться с этим сложным замком на двери уборной, я обмотала цепью весь деревянный домик, завязала ее узлом, а затем затянула ее потуже, воспользовавшись ручкой топора как рычагом.

Теперь уже Бен принялся лупить ногами по стенам уборной и орать:

—Что ты делаешь? Я уступлю тебе место!

Крики Бена и Драма заглушали друг друга, их голоса становились все более и более враждебными. Обнажив нож, я бросилась к хижине. Дверь оказалась незапертой. Всего секунду я привыкала к темноте, царящей внутри хижины. Но вот я увидела ее. Корзинка, прекрасная *свадебная корзинка* стояла на столе в углу комнаты. Я протянула руку, чтобы взять ее.

Внезапно послышался голос Рыжего Пса. Я обернулась к двери, пытаюсь унять дрожь в руке, сжимающей нож. Передо мной стояла Агнес! Или это была галлюцинация?

—Агнес, что ты здесь делаешь? Ты все портишь своим присутствием!

* Отдай мне нож! — приказала она. — Это не та *корзинка*. Настоящая *корзинка* спрятана. Рыжий Пес вновь перехитрил тебя, — и она сделала шаг по направлению ко мне.

* Оставайся на месте, Агнес! — истерически закричала я выставляя нож вперед. — Стой где стоишь! — мои руки тряслись помимо моей воли.

Я всегда беспрекословно подчинялась Агнес. Но сейчас во всем этом было что-то не то. Она вызывала во мне отвращение. Мне казалось, что вся Вселенная обратилась против меня. И все же я знала, что ничто не сможет остановить меня. Даже Агнес не в силах сделать это.

—Посмотри на меня, Агнес!

Агнес медленно подняла лицо, и наши взгляды пересеклись. Глаза были безжалостны и в них читалось отчаяние. Я знала, что это глаза Рыжего Пса. Должно быть, я застонала от ужаса.

Пальто и юбка висели на нем, как на пугале. Светящиеся волокна направлялись к нему из всех точек *корзинки*. Рыжий Пес был соединен с *корзинкой* нитями света. Казалось, от его тела распространялись какие-то волны и он стал превращаться в нечто напоминающее моток проволоки. Из распадающегося образа Агнес над мотками проволоки начало медленно появляться лицо рыжеволосого мужчины. Следующий приказ отойти от *корзинки* был отдан уже мужским голосом.

— Как ты смела явиться сюда? — закричал он, словно безумец. Его голос был исполнен презрения и чувства собственного превосходства.

Я выпрямилась и прижала *корзинку* к животу. Затем, отбросив ногой с дороги столик, стала быстро обрезать светящиеся волокна. Они оказались на удивление крепкими.

Рыжий Пес смотрел на меня, не отрывая глаз, его голова качалась, как у пьяного. Он накапливал силы. Его стойка напоминала позу быка, готового ринуться в бой. Я наносила удары ножом, сражаясь за свою жизнь. Разрезая нити, я водила *корзинкой* по своему телу, чувствуя, как всю меня пронизывает ее сила.

— Ты даже не представляешь, что делаешь! Ты нарушишь равновесие, отрезав меня от нее! Ты просто не пони маешь этого! — он раскачивался из стороны в сторону, про должая отплясывать танец силы. — Не верь Агнес она лгунья!

— Нет, Рыжий Пес, это ты лжец! — крикнула я в ответ, продолжая кромсать оставшиеся нити.

Внезапно Рыжий Пес метнулся вперед, запустил руку в открытую печь и вытащил оттуда пригоршню красных углей. С жутким воем он швырнул мне в лицо уголья и прыгнул. Мне показалось, что на меня летят горящие бейсбольные мячи. Несколько углей попало мне в лоб, кровь залила лицо, и все поплыло у меня перед глазами. Я потеряла равновесие, но все же сумела перерезать последнее волокно — почувствовала, как что-то лопнуло под ударом ножа. В то же мгновение Рыжий Пес навалился на меня всем весом и повалил на

пол. Я откатилась в сторону и тут же поднялась на ноги, наблюдая за тем, как свечение, исходившее от Рыжего Пса, начинает блекнуть. Казалось, он растворялся в этом жутком свете. Рыжий Пес начал стонать. Его кожа обвисла и сейчас напоминала сеть, болтающуюся на скелете. Он корчился и извивался. Рыжий Пес ссыхался и старел на глазах. Я в ужасе смотрела на все это. Когда странное свечение погасло, передо мной стоял древний седовласый старик.

Я выбежала из хижины. Все было кончено. Возможно, я сошла с ума, но одно я знала точно — *корзинка* была у меня. Я ощущала ее в своих руках.

Она казалась живым существом — змеей, которая свернулась кольцами. Затем я ощутила, что эта теплая вещь зашевелилась. Я посмотрела вниз и увидела, что *корзинка* ускользает из моих рук. Что происходит? У меня возникло такое чувство, что часть *корзинки* вошла в мое тело и впиталась солнечным сплетением.

Я почувствовала, как кровь сочится у меня по лицу, и подумала, что брежу из-за полученной травмы. Я продолжала ловить *корзинку*, которая все время куда-то ускользала. Мне казалось, что я уронила ее. Затем появилось странное ощущение, что я бегу по воздуху над собственным телом. Я затряслась, вдоль позвоночника стали прокатываться волны. Не знаю, сколько времени я переживала экстаз, но наконец моя голова словно взорвалась светом и наступила тишина. Я больше ничего не боялась.

Не помню, как я оказалась в нашей хижине, помню только улыбку на лице Агнес когда она увидела меня. — Дай мне нож, — сказала она. Я сняла пояс и отстегнула ножны. Агнес засунула нож под платье.

Я потеряла сознание, и Агнес подхватила меня. Когда я пришла в себя, то увидела, что снаружи совсем стемнело, а Агнес втирает мне в живот и голову какую-то вонючую мазь. Мой живот был весь в синяках.

Горели керосиновые лампы. Во дворе под луной сидели Руби и Джули и пели песню на кри. Агнес внимательно наблюдала за моим лицом.

—Агнес, где *свадебная корзинка*⁷. Я хочу посмотреть на нее.

—Там, где и все твои вещи, — Агнес подошла к комоду, достала *корзинку* и осмотрела ее со всех сторон, прежде чем вручить ее мне.

— Линн, ты стала хранительницей *корзинки*.

Она принадлежит тебе и всем женщинам. Священный дух *корзинки* сейчас находится в тебе. Ты получила то, за чем пришла.

Я покачала головой, удивляясь ощущению благополучия. Такое чувство я испытала лишь во время беременности. Я ощущала жизнь внутри себя.

— Ты окончательно справишься через день-другой, — . Агнес подарила мне теплую улыбку. — Между прочим, у меня есть для тебя еще одно предложение. Сейчас время праздника — время видения.

Я уселась на кровати, а Агнес достала с полки мешочек, где хранилась трубка, и протянула его мне. Мешочек был расшит бисером, а по краю оторочен волчьим мехом.

Слезы затуманили мой взор. В мешочке оказалась та самая трубка, которую я начала делать. Но сейчас она была полностью инкрустирована бисером и собрана.

— Теперь у тебя есть трубка, — сказала Агнес. Ее глаза сияли. — Храни ее. Это женская трубка, священная трубка. В этой трубке сокрыты законы Вселенной, а тебе предстоит еще многому научиться. Твоя учеба только началась. Сейчас ты начнешь видеть мир таким, каков он на самом деле.

ЭПИЛОГ

Пережив все то, что описано в этой книге, я отправилась назад, в Беверли-Хилс. Я повстречалась со всеми старыми друзьями и посетила все знакомые места, но теперь они казались мне тенями в сравнении с моими воспоминаниями о них.

Несколько недель я продолжала посещать всевозможные вечеринки моих знакомых, но вскоре меня заела тоска и я отправилась в Канаду, чтобы повидаться с Агнес. Войдя в хижину без стука, я увидела Агнес, сидящую на полу, и тут же уселась сама прямо перед ней. Я вручила ей табак — блок американских сигарет. Она приняла его, не сказав ни слова, и тут же положила на пол перед собой.

Мне показалось, что она ждала меня.

—Все изменилось, — попыталась объяснить я, — даже не знаю, что делать дальше. Мне хочется возвратиться сюда, в твой мир. Хочу, чтобы ты продолжала учить меня.

Агнес Быстрая Лосиха пристально поглядела на меня.

—Нет, — ответила она решительно, — сейчас не время.

* Агнес, ты же сама говорила, что все, чему ты учила меня, является священным и тайным. Ведь это правда?

* Да, это правда.

* Так я не могу никому рассказать об этом?

* Нет, не можешь.

* Так что же мне тогда делать?

Несколько секунд Агнес пронзительно смотрела на меня. Она подняла руки перед собой и, держа их параллельно полу, сжала кулаки. Затем она медленно разжала руки. Пальцы указывали вверх.

* Знаешь ли ты, что это означает? — спросила она. Я отрицательно покачала головой:

* Это язык знаков?

* Да, если ты разжимаешь кулаки таким образом, это может означать две вещи. Пальцы символизируют людей, их раскрытое означает освобождение от чего-то. Я говорю тебе, чтобы ты передала мир духа своему народу. Пусть твоя весть летит. Пусть орел летит.

* Что это означает?

* Ты многое увидела. Ты многое узнала. Но это еще далеко не все. Я говорила, что придет время, когда тебе суждено будет выбрать собственную смерть. Время пришло. Отправляйся к себе домой и напиши книгу. Расскажи в ней обо всем, чему ты научилась. После этого можешь возвращаться ко мне.

И я покатила по ухабистой дороге, с каждой минутой удаляясь от дома Агнес. В моей голове звучали строки стихотворения Робинсона Джефферса:

Хохлатый Орел и Ястреб разрывают жизнь на куски своими большими когтями;

Гриф и Ворон ожидают приближения смерти — они желают, чтобы
ее приход стал легким.

Поэт не сможет насытиться этим временем мира,
Пока не разорвет его на куски, а вместе с ним и себя.

Город Творцов

Заметки

[Город Творцов]

* Англ. *Whistling om «to whistle»* — свистеть, насвистывать, проноситься со свистом (мяч, стрела), насвистывать мотив, нашептывать и т. д. Так что это слово может значить как «свистящая», так и «быстрая, как стрела». — *Прим. ред.*

[Город Творцов]

* Неуока (хейока) — «разновидность» шаманов (и шаманок) типа суфийских дервишей (веселых сумасшедших). Как описывают хейока — они всегда делают то, чего от них меньше всего ожидают и что кажется крайне «нелогичным»: например, окатывают друг дружку кипятком и кричат о том, каким холодно... — *Прим. ред.*

[Город Творцов]

^{**} Рене Магритт (1898— 1967) — бельгийский художник, известный тем, что изображал обычные предметы в необычной обстановке. — *Прим. перге.*

[Город Творцов]

* Альфред Штейглиц (1864—1946), — известный американский фотограф. — *Прим. перее.*

[Город Творцов]

* Торговая марка аудиоаппаратуры, используемая в учреждениях и офисах для фоновой музыки. —
Прим. перев.

[Город Творцов]

* Как дела? (франц.)—Прим. *perge*

[Город Творцов]

^{**} Благодарю, прекрасно, мадмуазель Эндрюс. Все чудесно! (франц.). — *Прим. перев.*

[Город Творцов]

* Англ. «woman-who-shows-how»; «shows» — знает, указывает. — *Прим. ред.*

[Город Творцов]

* *Качина* — индейцы считают, что все сущее на земле имеет своего двойника в мире духов. Такой двойник и называется *качиной*. Этим словом называют также традиционных индейских кукол: по легенде, предки создали их, чтобы научить детей разбираться во всем многообразии духов, живущих рядом с ними. В индейских преданиях упоминается более 900 *качин*. — *Прим. ред.*

[Город Творцов]

^{*} *Девушки из Авиньона (франц.) — Прим. перев.*

[Город Творцов]

* Знаменитый американский бейсболист и менеджер команды «Нью-Йоркские Янки». — *Прим. перев.*

[Город Творцов]

^{**} Имеется в виду ЛСД. — *Прим. перев.*

[Город Творцов]

* По-английски «full» означает как «сыт», так и «наполнен», «полон». —
Прим. перев.

[Город Творцов]

* Северный канадский олень. — *Прим. ред.*

[Город Творцов]

* Кокопелли (Kokopelli) — неистовый дух, который танцует и играет на флейте. — *Прим. ред,*